

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **Психологические
науки**

№ 1 / 2013

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Крушельницкая О.Б., Орлов В.А.</i> Взаимодействие учащихся с референтным окружением как фактор их личностного развития.....	5
<i>Игумнова О.Б.</i> Характеристика и исследование типов комплексов негативных психических состояний у студентов	13
<i>Богатырева М.Б.</i> Семейное консультирование и игра как средства снижения высокого уровня тревожности у детей 5-6 лет.....	19
<i>Кочнев В.А.</i> Об исследовании типов полоролевой идентичности замужних женщин как фактора, обуславливающего их сексуальное поведение	24
<i>Лимаева Ю.Ю.</i> Особенности образов родителей у представителей субкультур	43

РАЗДЕЛ II СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Каширин В.П.</i> Предмет и проблематика социальной психологии	51
<i>Садолina Т.В.</i> Психологические защитные механизмы у женщин, находящихся в поиске спутника жизни, формирование которых происходило под влиянием социально-психологического взаимодействия с отцом.....	61
<i>Сечко А.В.</i> Аттитюды в подростковых суицидах	69
<i>Манахов С.В.</i> Рефлексия как ведущий компонент психопрофилактики девиантного поведения подростков	75
<i>Божевольнов Г.Ю.</i> Адаптивное и дезадаптивное поведение как феномены психологической науки	81

РАЗДЕЛ III ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Утлик Э.П.</i> Управление межгрупповыми отношениями в организации.....	89
<i>Евченко С.Л.</i> Теоретическая модель проявления гендерных особенностей межличностных конфликтов в организации.....	99
<i>Носс И.Н.</i> Конститутивные проективные технологии в личностно-профессиональной экспертизе кадров.....	103
<i>Орлова Е.А.</i> Влияние профессиональной деформации личности преподавателя средней школы на развитие конфликтности у подростков	114
<i>Густова Е.А.</i> Теоретические и прикладные аспекты становления личностно-профессиональной компетентности социального работника в вузе	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Информационное письмо	127
НАШИ АВТОРЫ.....	128

CONTENTS

SECTION I

THE GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

<i>O. Krushelnitskaya, V. Orlov.</i> Students' interaction with their referential environment as a factor of their personal development.....	5
<i>O. Igumnova.</i> Description and study of the types of complexes of students' negative mental states	13
<i>M. Bogatyreva.</i> Family counseling and game as means of reducing of 5-6 year-olds' high level of anxiety ...	19
<i>V. Kochnev.</i> On the investigation of married women's gender-role identity types as a factor that contributes to their sexual behavior	24
<i>Ju. Limayeva.</i> Features of images of parents at representatives of subcultures	43

SECTION II

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>V. Kashirin.</i> Subject and problems of social psychology	51
<i>T. Sadolina.</i> Psychological defensive mechanisms of women, who are in search of a partner in life, having formed in socio-psychological interaction with their fathers	61
<i>A. Sechko.</i> Attitudes in teenage suicidal scenarios	69
<i>S. Manakhov.</i> Reflection as a leading component of deviant behavior psychoprophylaxis among adolescents	75
<i>G. Bozhevolnov.</i> Adaptive and non-adaptive behavior as psychological science phenomena	81

SECTION III

PROFESSIONAL WORK PSYCHOLOGY

<i>E. Utlik.</i> Management of intergroup relations in organization	89
<i>S. Yevenko.</i> Theoretical model of manifestation of gender features of interpersonal conflicts in an organization.....	99
<i>I. Noss.</i> Constitutively projective techniques of personal and professional expertise of the staff	103
<i>E. Orlova.</i> Influence of a school-teacher's professional deformation on teenagers' proneness to conflict.....	114
<i>E. Gustova.</i> Theoretical and applied aspects of social worker's personal and professional competence formation in the system of higher education.....	120

SCIENTIFIC LIFE

Newsletter.....	127
-----------------	-----

OUR AUTHORS	128
-------------------	-----

РАЗДЕЛ I

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 37.032

Крушельницкая О.Б.¹, Орлов В.А.²

¹Московский государственный областной университет

²Московский городской психолого-педагогический университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧАЩИХСЯ С РЕФЕРЕНТНЫМ ОКРУЖЕНИЕМ КАК ФАКТОР ИХ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

O. Krushelnitskaya¹, V. Orlov²

¹Moscow State Regional University

²Moscow City University of Psychology and Education

STUDENTS' INTERACTION WITH THEIR REFERENTIAL ENVIRONMENT AS A FACTOR OF THEIR PERSONAL DEVELOPMENT

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей взаимодействия современных школьников и учащихся колледжа с ближайшим референтным окружением как фактора их личностного развития. Рассматриваются подходы к проблеме референтности личности и группы как важного фактора межличностного взаимодействия. Представлены результаты эмпирических исследований, раскрывающих некоторые закономерности общения и взаимодействия школьников и первокурсников колледжа со значимыми сверстниками и взрослыми. Показано, что совокупность референтных отношений учащихся с их ближайшим окружением представляет собой целостную систему, основой которой является взаимодействие с родителями, учителями, сверстниками. При этом родительская семья в большинстве случаев воспринимается учащимися как главная референтная группа, а межличностные отношения за ее пределами имеют меньшее значение.

Ключевые слова: взаимодействие, референтность, личностное развитие, педагоги, учащиеся, учебная группа.

Abstract. The article is devoted to the research of interaction of modern schoolchildren and college students with the nearest referential environment as a factor of their personal development. Approaches to the problem of personality and group reference as an important factor of interpersonal interaction are considered. The results of the empirical researches disclosing some laws of communication and interaction of schoolchildren and first-year students of college with some significant peers and adults are presented. It is shown that the sum total of referential relations of pupils with their nearest environment represents the complete system, the basis of which is interaction with parents, teachers, and peers. Thus, the parental family is perceived by pupils as the main reference group, and interpersonal relations outside this group are less important.

Keywords: interaction, references, personal development, teachers, pupils, educational group.

Создание необходимых условий, способствующих раскрытию и реализации личностного потенциала молодого человека, невозможно без изучения системы его взаимодействия с ближайшим референтным окружением. Именно через значимых сверстников и взрослых, с которыми общается ребенок, он может получить информацию о культурно-историческом опыте широкого социума, осмыслить и интериоризировать его ценности, выработать социально значимую позицию.

На каждом этапе развития личности у человека складываются уникальные условия взаимодействия с референтным окружением. С самого начала жизни он попадает в социализирующую среду со значимыми для него людьми. Так, уже в младенчестве ребенок инициирует взаимодействие со взрослым, проявляя такую генетическую программу, как комплекс оживления, фактически провоцируя необходимую для своего развития коммуникативную реакцию родителей и других близких людей. Л.С. Выготский считал, что субъектность ребенка проявляется и в последующие эпохи детства, через свойственные каждому этапу развития социальную ситуацию развития и ведущую деятельность. В процессе онтогенеза происходит движение от внешних форм общения к системе смыслового взаимодействия личности со значимыми другими.

Отношения референтности — ключевой фактор взаимодействия личности с другими людьми, группами, социальными институтами. Проблема влияния на формирование личности ее деятельности, в том числе взаимодействия с другими людьми, — одна из важнейших в психологии. Особый исследовательский интерес представляет процесс взаимодействия с референтным окружением у детей, подростков и юношества — интенсивно развивающихся личностей, которые ощущают насущную потребность в общении к ценностям и социальному опыту других людей.

Одной из важных проблем современного образования является создание условий для

повышения эффективности взаимодействия ученика и учителя, студента и преподавателя. Осознание того факта, что ведущей целью педагогического процесса является развитие личности в образовательном процессе, заставляет педагогов искать профессиональные средства влияния на школьников и студентов, которые помогли бы им получить не только знания, но и средства эффективной социальной адаптации, в том числе — профессионально важные личностные компетенции.

В образовательных учреждениях процесс группового развития тесно связан с деятельностью наиболее референтных школьников или студентов, с помощью которых возможно психолого-педагогическое влияние на учебную группу как в учебном, так и в поведенческом плане.

Особенности взаимодействия школьников с ближайшим референтным окружением. В процессе межличностного и межгруппового взаимодействия каждая из сторон «выступает как причина другой и как следствие одновременного обратного влияния противоположной стороны, что обуславливает развитие объектов и их структур» [11, с. 106]. В нашей статье рассматривается непосредственное межличностное взаимодействие школьников с окружающими их сверстниками и взрослыми.

Взаимодействие — центральная категория социальной психологии. Согласно методологической традиции отечественной социальной психологии общение рассматривается как деятельность и может быть изучено в совокупности его коммуникативной, интерактивной и перцептивной сторон, причем в исследовании интерактивной стороны внимание акцентируется на обмене действиями между партнерами (Г.М. Андреева и др.).

Чаще всего социально-психологический феномен взаимодействия рассматривается в широком плане — как совокупность процессов, связанных с общением, межличностными и межгрупповыми отношениями (А.Л. Журавлев, Е.Н. Резников, В.А. Соснин и др.). Наибольшее внимание уделяется таким фено-

менам совместной жизнедеятельности малых групп и организаций, как ценностные ориентации, психологическая дистанция между людьми, деловая активность, межличностные и межгрупповые конфликты, феномен власти, психологические основы формирования команды и т. д. (Г.М. Андреева, Е.М. Дубовская, А.Л. Журавлев, Р.Л. Кричевский, В.Н. Куницына, Е.В. Шорохова и др.). Огромный интерес исследователей вызывают психологические вопросы межличностного взаимодействия в командных формах работы (В.В. Авдеев, Е.Ю. Безрукова, Р.М. Белбин, Д.Л. Брэдфорд, Дж.Р. Катценбах, Д.К. Смит и др.).

Одна из наиболее известных попыток рассмотрения процесса социализации человека через призму его взаимодействия с обществом принадлежит сторонникам теории символического интеракционизма. Вслед за Ч. Кули и Дж. Мидом [13], исследователи этого направления поддерживают идею о том, что развитие личности является результатом социального взаимодействия, в котором человек обучается видеть себя глазами других людей. Однако, наряду с очевидными достоинствами данного подхода (в частности, его ключевым утверждением, что личность всегда социальна и не может формироваться вне общества), попытка отыскать социально-психологические механизмы формирования личности в процессе межличностного взаимодействия на основе анализа роли символов и формирования значений оказалась недостаточно эффективной.

Понимание процесса развития личности как активного взаимодействия с социальной средой позволяет, на наш взгляд, наиболее полно раскрыть содержание социализации. Именно взаимодействие дает возможность, с одной стороны, усваивать социальный опыт путем вхождения в социальную среду, а с другой — воспроизводить систему социальных связей за счет своей собственной деятельности. Однако взаимодействие индивида с обществом осуществляется прежде всего через значимых для него людей, причем наиболее важными для получения социального опыта являются референтные личности и группы.

На наш взгляд, изучение различных аспектов взаимодействия школьника с ближайшим референтным окружением позволит наиболее полно понимать и прогнозировать социальное развитие его личности. И тому есть ряд оснований как теоретического плана, так и базирующихся на результатах различных, в том числе и наших, исследований.

К референтной группе или личности субъект обращается, соотнося с ними свои мысли и поступки. Если референтные лица чрезвычайно важны для субъекта, он оказывает им особое доверие и способен под их влиянием менять собственные ценностные ориентации.

Высшей стадией позитивной референтности является авторитет, проявляющийся, согласно теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах (А.В. Петровский), как внутреннее признание за личностью права принимать ответственные решения в значимых для членов группы обстоятельствах [10].

Исследуя психологические особенности становления авторитета личности педагога в глазах учащихся, М.Ю. Кондратьев выделил три основные стадии.

1. Педагог — источник информации. На этой стадии школьники не обязательно фиксируют личностные характеристики учителя, поскольку рассматривают его исключительно в качестве носителя необходимых для себя сведений, тем более, если других источников такой информации у них нет.

2. Педагог — референтное лицо. Это следующий этап в формировании авторитета, когда школьника интересует не столько информация, которой располагает педагог, сколько его оценка этой информации.

3. Педагог — авторитетное лицо. Это наивысшая стадия значимости авторитета педагога для школьников, на которой «учителю авансируется доверие, его мнение признается изначально верным, воспринимается как руководство к действию, а успех ожидается и предвидится» [3, с. 19; 4; 5].

Подобным образом можно проанализировать и стадии развития авторитета директора школы [5].

К сожалению, в последние годы не только авторитетность, но и более-менее высокая референтность личности учителя для школьников-подростков и старшекласников — явление довольно редкое, о чем свидетельствуют результаты многих, в том числе и наших, исследований. Так, например, в четырех обследованных нами московских общеобразовательных школах учителя оказались наименее референтными для старшекласников, по сравнению со сверстниками и членами семьи. Для большинства испытуемых наиболее референтными являются взрослые члены семьи, старшие братья и сестры, сверстники.

В одном из наших исследований [6] на выборке более четырехсот учащихся 2-х, 7-х и 10-х классов общеобразовательных школ было показано, что высокая референтная значимость ролевой позиции педагога в процессе взаимодействия с учащимися начальной школы в значительной степени влияет на систему неформальных отношений детей со сверстниками и взрослыми. Оказалось, что на статистически значимом уровне социометрическая и референтометрическая подструктуры межличностных отношений младших школьников в классе практически совпадают, а их основаниями служат транслируемые учителем нормы и ценности.

В отличие от начальной школы, в подростковых классах было зафиксировано принципиальное несовпадение референтометрической и социометрической подструктур в процессе межличностного взаимодействия учащихся. Помимо высокостатусных в социометрическом плане, референтными здесь нередко оказывались и низкостатусные ученики. Однако, как правило, это были случаи не столько о референтности со знаком «плюс», сколько об антиреферентности. Оказалось также, что основанием референтности одноклассника для подростков служит существенно более широкий набор личностных характеристик, чем для младших школьников, причем референтометрические выборы далеко не всегда связаны с успешностью в учебе.

У старшекласников, как и в подростковых классах, референтными часто оказыва-

лись не выбранные в ходе социометрического опроса ученики. Как правило, основанием референтности для представителей юношеской группы служил проявляющийся в межличностном взаимодействии широкий набор просоциальных личностных характеристик одноклассников. Ведущими основаниями референтометрических выборов здесь оказались деятельностные характеристики юношей и девушек, связанные с учебными достижениями, и качества, которые, по мнению школьников, определяют социальную зрелость личности референтного одноклассника (в частности, умение эффективно взаимодействовать со взрослыми).

Особую важность проблема взаимодействия с референтными сверстниками и взрослыми приобретает, на наш взгляд, применительно к школьникам подросткового возраста. Подростки стремятся к взаимодействию со сверстниками, помогающими им познать свой внутренний мир, преодолеть сомнения в собственной ценности, почувствовать себя личностью. Но для адекватной социализации они также нуждаются и в информации (в том числе оценочной, характеризующей ценностные аспекты жизненного опыта, морально-нравственный выбор, образцы поведения, социальные установки), которая может быть получена от взрослых, через их жизненный опыт. Однако приобщение к этому опыту и стоящим за ним ценностям затруднено, если взрослые используют неадекватные стили общения взаимодействия с подростками.

В результате наших исследований [6; 7; 8; 9] оказалось, что существуют закономерности выбора подростками круга референтных лиц с особенностями неформальной структуры школьного класса, стилем педагогического общения и характером субъективно воспринимаемого подростками родительского отношения.

Наиболее референтными для одноклассников оказываются, главным образом, подростки, которые проявляют лидерские качества в доминирующей для группы деятельности и умение строить конструктив-

ные отношения со сверстниками и взрослыми. В школьных классах с «эмоциональной» направленностью межличностного общения и взаимодействия референтометрические предпочтения в большей степени связаны с социометрическим статусом подростка, чем в классах с «учебной» направленностью. Успешность в учебе в классах с «деловой» (учебной) направленностью межличностных отношений прямо коррелирует с референтометрическим статусом подростка.

Педагоги, использующие авторитарно-демократический стиль взаимодействия с учениками, оказались более референтными для подростков, чем авторитарные учителя, что, на наш взгляд, объясняется тем, что такие учителя обладают уважительным отношением к школьникам в сочетании с ясностью требований и умением последовательно осуществлять воспитательное воздействие, необходимое подросткам для их продвижения к «взрослости». Кроме того, данный стиль педагогического взаимодействия с воспитанниками облегчает получение от взрослого человека аккумулированного жизненного опыта, в котором подростки ощущают насущную потребность.

Изучение оснований референтности родителей для подростков показало, что наиболее значимыми оказываются родители, проявляющие к своим детям позитивный интерес и умеренную директивность. Наименее референтны для подростков взрослые, чье отношение они воспринимают как директивное, враждебное и непоследовательное.

Оказалось также [6], что выбор подростками сверстников в качестве референтной группы имеет отрицательную корреляцию со шкалой «позитивного интереса» опросника «ADOR». Это значит, что в семьях, в которых подростки ощущают психологическое неприятие со стороны родителей, навязывание ими чувства вины и в которых наблюдаются другие негативные тенденции в стиле семейного воспитания, у подростков преобладает тенденция к поиску референтных лиц среди сверстников. В то же время в семьях с более позитивным родительским отноше-

нием подростки выбирают в качестве референтных лиц своих родителей практически так же часто, как и сверстников. Подростки, которые низко оценили позитивный интерес к себе со стороны родителей (и при этом в их ответах имели высокую выраженность шкалы «директивности», «враждебности», «автономности» и «непоследовательности»), практически всегда выбирали в качестве наиболее референтных лиц сверстников, причем доля братьев и сестер в этих выборах была незначительной. Подростки, в чьих ответах шкала «позитивного интереса» имела показатели выше среднего, примерно в половине случаев выбирали в качестве наиболее референтных лиц родителей. Остальная половина предпочтений была отдана сверстникам, в том числе (в равной мере) братьям и сестрам.

При сопоставлении сделанных подростками выборов референтных лиц со стилем родительского отношения в процессе взаимодействия с детьми выяснилось, что мальчики и девочки по-разному определяют референтность своих родителей. Так, мальчики чаще, чем девочки, выбирали матерей со средним уровнем директивности (девочки проявляли тенденцию к выбору в качестве наиболее референтных матерей с низким уровнем директивности). В свою очередь, девочки чаще, чем мальчики, выбирали в качестве наиболее референтных лиц отцов со средним и выше среднего уровнем директивности. По-видимому, указанные результаты следует объяснить влиянием гендерных стереотипов на сознание подростков, а также фактом желательности для растущего индивида доверительных и паритетных отношений со «значимым взрослым», прежде всего, своего пола. В целом высокая положительная референтность родителей для подростков чаще всего сопровождалась пониженной значимостью учителя. При неблагоприятных семейных отношениях значимость педагога для подростка также оказывается невысокой.

Таким образом, можно заключить, что совокупность референтных отношений подростка с его ближайшим окружением

представляет собой целостную систему, основой которой является взаимодействие с родителями, учителями, сверстниками. Если какой-либо из компонентов этой системы оказывается недостаточно востребованным (например, нарушены связи подростка с родителями), чаще всего повышается «нагрузка» на остальные.

Референтность родительской семьи как фактор адаптации первокурсников колледжа. Референтное взаимодействие учащихся с родителями и другими членами семьи играет огромную роль в формировании и развитии личности. Одним из существенных проявлений влияния семьи на личность ребенка является его социально-психологическая адаптация к условиям образовательного учреждения. Семья для молодого человека — это первая малая социальная группа, где он начинает функционировать как полноправный член общества. Образцы семейных ролей человек переносит и на отношения в обществе, в частности на общение в группах разного типа.

Наличие взаимосвязи между особенностями взаимодействия ребенка с родителями и его социальной приспособленностью, в том числе и в рамках образовательного учреждения, подтверждается многими исследованиями (Г.С. Абрамова, Л.И. Божович, И.В. Дубровина, И.С. Кон, А.В. Петровский, А.М. Прихожан, А.С. Спиваковская, Н.Н. Толстых, Д.И. Фельдштейн, Л.Б. Шнейдер и др.), однако данная проблема не теряет своей актуальности.

С целью выявления особенностей влияния типа внутрисемейного взаимодействия на статус старшего подростка в учебной группе было предпринято эмпирическое исследование (В.А. Орлов, М.В. Лучко). В исследовании приняли участие 42 первокурсника одного из колледжей Москвы [8; 9].

Наряду с другими типологиями, наиболее часто выделяют дисгармоничную и гармоничную семью. В дисгармоничных семьях преобладает негативный характер взаимоотношений, связанный с высоким психологическим напряжением и частыми конфликта-

ми. Основными источниками повышенной психологической напряженности в семье являются несогласованный подход к воспитанию детей, недостаточное участие супругов в жизни семьи, невнимание, придирчивость, негативные особенности характера [12]. В гармоничной семье устанавливается динамическое равновесие, проявляющееся в фиксации психологических ролей каждого члена семьи, формировании семейного «мы», способности членов семьи разрешать противоречия [1]. В ходе эмпирического исследования применялись методика «Подростки о родителях», социометрия, референтометрия, процедура определения неформальной структуры власти в малой группе, методика определения ценностно-ориентационного единства (ЦОЕ). На основании полученных данных была показана взаимосвязь уровня гармоничности отношений в семье и статуса подростка в учебной группе.

Анализируя полученные с помощью методики «Подростки о родителях» данные по шкалам «позитивный интерес», «враждебность» и «автономность» относительно матери и отца, мы учитывали не только отношение ребенка, но и согласованность воспитательной позиции обоих родителей. В результате были выявлены три типа семей: с высоким уровнем дисгармоничности (дисгармоничные), со средним уровнем дисгармоничности, с низким уровнем дисгармоничности (гармоничные).

Методика ЦОЕ применялась для изучения представлений учащихся не только в контексте их родительской семьи, но и в контексте представлений о своей будущей семье. Как подчеркивала Л.И. Божович, временная перспектива как способность представлять себя в будущем, определение своих жизненных целей не только становится побудителем поведения, но и выполняет функцию организации всех других потребностей и стремлений [2]. Поэтому можно говорить о том, что сформированное представление о будущей семье является одним из показателей успешной адаптации подростка в системе межличностных отношений.

В рамках методики ЦОЕ испытуемые отвечали на вопрос: «Что для Вас означает понятие “семья”?» Результаты опроса позволили определить перечень наиболее часто встречающихся ценностей семейных взаимоотношений, чтобы затем сравнить их у разностатусных подростков применительно к настоящей и будущей семье.

Затем с помощью факторного анализа были выделены 12 ценностных факторов (6 — для определения ценностей в родительской семье и 6 — в своей будущей семье). Данные факторы главным образом отражают такие аспекты внутрисемейного взаимодействия, как выраженность стабильности, безопасности, сотрудничества, взаимной материальной ответственности, воспитательной функции родителей, внимания и заботы друг о друге. С помощью ценностных факторов были оценены выраженность во внутрисемейных отношениях формальной стороны института семьи (стабильность условий жизни и статус семейного человека) и их эмоциональная составляющая. Затем мы попросили подростков расставить выделенные ценности в соответствии с характером существующих в их семьях взаимоотношений, от наиболее — до наименее важной. Анализ полученных результатов показал, что большинство испытуемых (40%) имели низкий уровень гармоничности отношений в семье, средний уровень гармоничности зафиксирован у 33% испытуемых, а высокий — у 26%.

В результате обработки данных было выявлено, что в диапазоне от низкого до среднего статуса учащихся при повышении уровня статусности подростка гармоничность системы его внутрисемейного взаимодействия возрастает, а в диапазоне от среднего до высокого статуса — падает. То есть у подростков из семей с преобладанием гармоничного типа внутрисемейных взаимоотношений статус в группе средний, а у подростков из дисгармоничных семей статус в группе полярный (высокий или низкий).

Полученные данные свидетельствуют о том, что родительская семья воспринимает-

ся обследованными подростками как главная референтная группа, и межличностные отношения за пределами семьи имеют меньшее значение. Анализируя данные, мы выявили, что, чем более важно исполнение роли в семье, тем менее важны межличностные взаимоотношения в группе ($p < 0,05$). Особенно ярко эта связь прослеживается у среднестатусных и высокостатусных подростков.

Таким образом, можно сказать, что если у подростка сложились гармоничные отношения в семье, а ее члены являются для него высокореферентными, то для него менее важны межличностные взаимоотношения в группе. Он не особенно стремится самоутвердиться в группе, у него не сформирована такая потребность. Это можно объяснить тем, что у ребенка из гармоничной семьи более адекватная самооценка, а у подростка из дисгармоничной семьи она снижена. Поэтому он стремится самореализоваться в учебной группе, которая является для него референтной.

Также в ходе данного исследования выявлено, что для высокостатусных подростков возрастает значимость эмоциональных отношений с ростом гармоничности внутрисемейного взаимодействия, в то время как для менее гармоничных семей более значима формальная сторона отношений (наличие жилой площади, своей комнаты, финансовая сторона взаимоотношений).

Кроме того оказалась, что существует прямая связь гармоничности типа межличностного взаимодействия в родительской семье и представлений подростка о своей будущей семье ($p < 0,05$). Так, подросток, в родительской семье которого преобладает гармоничный тип отношений, планирует построить семью, где главными ценностями являются забота и внимание друг о друге. Также было выявлено, что ценность эмоционального отношения друг к другу в будущей семье подростка возрастает с ростом гармоничности взаимодействия в родительской семье, в то время как для менее гармоничных семей более значима формальная сторона отношений.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что, несмотря на достигнутые на сегодняшний день результаты многочисленных, в том числе и наших исследований, существует необходимость в дальнейшем углубленном изучении проблемы взаимодействия развивающейся личности с ее ближайшим референтным окружением.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – СПб., 2008. – 496 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб., 2009. – 400 с.
3. Кондратьев М.Ю. Слагаемые авторитета. – М., 1988. – 78 с.
4. Кондратьев М.Ю. Социальный психолог в общеобразовательном учреждении. – М., 2007. – 224 с.
5. Кондратьев М.Ю., Крушельницкая О.Б. Слагаемые директорского авторитета // Директор школы. – 2000. – № 3. – С. 19-24.
6. Крушельницкая О.Б. Подросток в системе референтных отношений. – М., 2008. – 204 с.
7. Крушельницкая О.Б., Лобанов М.В. К вопросу о взаимосвязи личностного самоопределения и системы референтных отношений школьников // Социальная психология малых групп: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского. 25-26 октября 2011 г. – М., 2011. – С. 381-384.
8. Орлов В.А. Характер взаимосвязи уровня гармоничности отношений в семье и статуса подростка в учебной группе // Социальная психология малых групп: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского. 25-26 октября 2011 г. – М., 2011. – С. 126-129.
9. Орлов В.А., Лучко М.В. Влияния типа внутрисемейных отношений на статус подростка в учебной группе // Личность и группа в образовательном пространстве. Сборник научных трудов. Вып. 4 / под ред. О.Б. Крушельницкой. – М., 2011 – С. 85-91.
10. Петровский А.В. Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 7-18.
11. Социальная психология : словарь / ред. М.Ю. Кондратьев. – М.; СПб., 2005. – 175 с. (Психологический лексикон : энцикл. слов. в 6 т. / под общ. ред. А.В. Петровского).
12. Шнейдер Л.Б. Основы семейной психологии. – М., 2010. – 928 с.
13. Mead G.H. Mind, Self, and Society. Chicago: 1934. University of Chicago Press, 1934. – XXXVIII. – 400 p.

УДК 159.9:159.922.8

Игумнова О.Б.

Хмельницкий национальный университет (Украина)

ХАРАКТЕРИСТИКА И ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОВ КОМПЛЕКСОВ НЕГАТИВНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У СТУДЕНТОВ

O. Igumnova

Khmelnytsky National University (Ukraine)

DESCRIPTION AND STUDY OF THE TYPES OF COMPLEXES OF STUDENTS' NEGATIVE MENTAL STATES

Аннотация. В статье рассмотрены основные научные взгляды на проблему психических состояний, подходы к их классификации. Представлены результаты исследования динамики негативных психических состояний студентов. Предложен подход к выделению типов комплексов негативных психических состояний по признаку сочетания различных уровней выраженности состояний тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности. Исследованы связи внутри каждого типа комплекса негативных психических состояний. Выявлены особенности взаимодействия негативных психических состояний в каждой группе комплексов.

Ключевые слова: негативные психические состояния, типы комплексов негативных психических состояний, тревожность, фрустрация, агрессия, ригидность.

Abstract. The main scientific views on the nature of mental states and approaches to their classification are outlined in the article. The article reflects the results of the conducted research of students' negative mental states dynamics. The author suggests an approach to the classification of the types of complexes of mental states, based on the combination of different levels of states intensity, frustration, aggressiveness and rigidity. The author examines the internal ties of every complex of negative mental states. The peculiarities of negative mental states for every group of complexes are presented.

Key words: negative mental states, complex types of negative mental states, anxiety, frustration, aggression, rigidity.

Психические состояния относятся к особой психологической категории, объединяющей большую группу психических явлений, в которой проявляется целостная характеристика протекания психической деятельности за определенный период времени. Своеобразие психических состояний зависит от условий среды, особенностей нервной системы, темперамента, системы отношений личности, мотивации, системы личностных смыслов, особенностей опыта, потребностей, направленности, возможностей человека и определяет протекание психических процессов, формирование личностных свойств, продуктивность деятельности, уровень активности личности [1; 2; 4; 7].

Студенческий период является важным в становлении характера, интеллекта, эмоционально-волевой сферы, формировании мировоззренческой позиции, ценностно-мотивационной системы, развития профессиональных, социальных и личностных потенциалов и способностей личности. Доминирование негативных психических состояний в студенческом возрасте деструктивно сказывается на формировании и развитии всех сфер личности студента, на возможности самореализации, на протекании процессов саморазвития и самопознания, на формировании стилей поведения, мышления, эмоционального реагирования и, как результат, формируются негативные личностные свойства [2; 4; 6].

Разработке проблемы психических состояний посвящено большое количество работ (Л.М. Аболин, В.А. Ганзен, Л.Г. Дикая, Е.П. Ильин, Л.В. Куликов, Н.Д. Левитов, А.О. Прохоров, Ю.Е. Сосновикова, В.Н. Юрченко и др.). Однако единая точка зрения на сущность, структуру, механизмы формирования, функции, подход к классификации отсутствует, что обуславливает сложности в прикладных аспектах исследования психических состояний.

Научные исследования проблемы психических состояний развиваются в двух направлениях: деятельностном, в котором психические состояния исследуются в процессе определенного вида деятельности (Л.Г. Дикая, Е.П. Ильин, А.Б. Леонова, А.О. Конопкин и др.), и личностном, в котором психические состояния характеризуются в контексте особенностей и свойств личности (В.А. Ганзен, Н.Д. Левитов, В.Н. Мясищев, А.О. Прохоров, Ю.Е. Сосновикова и др.)

Исследователями [1; 4; 6] психическое состояние рассматривается как целостная, активная реакция личности на внешние и внутренние воздействия. А.О. Прохоровым разработаны концептуальные положения о связи и единстве состояний с поведением и переживаниями личности, модели функциональных структур психических состояний, положения об обусловленности состояний ситуацией и системой личностных смыслов [5]. Н.Д. Левитовым выделены психические состояния в особую категорию, дано определение, разработаны подходы к классификации и структуре психического состояния [2]. Ю.Е. Сосновиковой рассмотрены особенности динамики развития и перехода состояний из одного в другое, с учётом категории времени, отмечается отображение в настоящем психическом состоянии личности прошлого опыта и представляемого будущего [7]. В.А. Ганзеном и В.Н. Юрченко использован системный анализ психических состояний, выделены основные детерминанты и структурные составляющие состояний (физиологическая, психофизиологическая, психологическая, социально-психологиче-

ская), разработаны детальное описание и классификация психических состояний [1]. Таким образом, психические состояния задают диапазон, границы, уровень и возможности проявления других психических явлений (процессов и свойств). Анализируя данные подходы к проблеме психических состояний, можно отметить, что авторы под психическим состоянием понимают сложное, интегративное, целостное полифункциональное и полиструктурное явление психической деятельности и одновременно рассматривают его как фон протекания психических процессов и развития психологических свойств личности [1; 4; 6; 7].

Разнообразие и сложность структуры психических состояний обуславливают неоднозначность в подходах к классификации психических состояний. Для прикладных исследований это составляет проблему, так как признаками для классификации могут выступать: доминирующий компонент в образовании состояния (эмоциональные, волевые, когнитивные и др.); сфера ведущей деятельности; причины, их вызывающие; степень осознанности; время протекания; степень глубины состояния; степень напряженности; влияние на личность (позитивные и негативные) и др. Деление психических состояний на любом основании является достаточно условным и на практике возникает сложность объединения и соотнесения конкретного состояния к определенной группе. Однако большинство авторов психические состояния разделяют на две группы, в зависимости от влияния на личность – позитивные и негативные. Четкой границы между позитивными и негативными состояниями, в силу сложности их организации, провести нельзя. Во-первых, позитивные состояния могут сопровождаться негативными оттенками, во-вторых, до определенного уровня эмоционального возбуждения негативные и позитивные состояния могут как положительно, так и отрицательно воздействовать на личность, переходить от позитивных к негативно влияющим на личность (теория Д.О. Хебба) [2; 5; 6]. М.Д. Левитов выделил

следующие критерии отнесения психического состояния к негативному: 1) неадекватность интенсивности и силы состояния объективным ситуациям, её вызывающих; 2) когда это состояние принимает такие формы, которые свидетельствуют об определенной потере самоконтроля; 3) в случае наличия резких, аффективных форм реакций; 4) если подобное состояние приобретает формы ригидности («вязкости») и личность застревает на определенных эмоциональных переживаниях или объектах, которые его вызвали [2].

С целью исследования негативных психических состояний у студентов были использованы следующие методики: опросник Г. Айзенка для диагностики тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности; шкала ситуативной тревожности Ч. Спилберга, в адаптации Ю.Л. Ханина; шкала астеничного состояния (ШАС) Л.Д. Малковой в адаптированном Т.Г. Чертовой варианте; методика «Дифференциальная диагностика депрессивных состояний» В.А. Жмурова; диагностика состояния стресса К. Шрайнер; методика «Диагностика уровня социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана в модификации В. Бойко, а также наблюдение, анализ результатов деятельности, общения, обучения [3].

Исследование негативных психических состояний проводилось среди студентов I–IV курсов гуманитарных и экономических специальностей Хмельницкого национального университета, объем выборки составил 390 студентов. Исследование было направлено на выявление негативных психических состояний студентов и особенностей их развития в процессе обучения.

Результаты исследования социальной фрустрации не выявили состояний очень высокого и повышенного уровней. Умеренный уровень наблюдается на I курсе у 12,5%; на II курсе – у 13,6%, на III курсе – у 13% и у 10,6% студентов – на IV курсе, что свидетельствует о неполной удовлетворенности своей социальной ролью и положением в межличностных отношениях. У большинства студентов регистрируется очень низкий и пониженный уровни социальной фрустрации (I

курс – 54,2%; II курс – 52,2%; III курс – 54,9% и IV курс – 31,5%); неопределенный и умеренный уровни (I курс – 33%; II – 34,2%; III – 31,5%; IV курс – 58,5%), что в целом указывает на удовлетворенность личными достижениями, отношениями с друзьями и в группе, адаптированности к процессу обучения.

Диагностика состояния стресса свидетельствует о довольно ровном и спокойном поведении в стрессовых ситуациях большинства студентов, умении регулировать свои эмоции (низкий уровень составляет на I курсе 60,3%; на II курсе – 75%; на III курсе – 78,4% и на IV курсе – 89%). Средний уровень стресса характерен для 37% студентов I курса; для 23,7% – II курса; для 19,6% – III курса и 10% студентов IV курса.

Глубокий и выраженный уровни депрессии у студентов не зарегистрированы, легкий и умеренный уровень увеличиваются от 22,8% на II курсе до 32,3% на III курсе, что может свидетельствовать о кризисе середины обучения, и снижается на IV курсе до 13%. У большинства студентов (71,2%) депрессивные состояния проявляются на незначительном и минимальном уровнях, а на IV курсе эти уровни в совокупности характерны для 87% студентов.

По результатам исследования астенического состояния у студентов диагностированы отсутствие и слабый уровень астении (I курс – 90,5%; II курс – 88,6 %; III курс – 96% и IV курс – 98,7%). Наивысший уровень астении – умеренный, максимальное проявление которого зафиксировано на I и II курсах у 9,5% и 11,4% студентов, что может характеризовать процесс адаптации, а на III–IV курсах данный уровень проявляется у 4% и 1,3% студентов.

Состояния реактивной тревожности выявлены у большинства студентов на среднем и высоком уровнях (I курс – 45,2% и 41,1%; II курс – 47,7% и 45,5%; III курс – 58,8 % и 37,3%; IV курс – 59,4% и 30,4%).

В табл. 1 представлены данные исследования по методике Г. Айзенка. Состояния тревожности, фрустрации, агрессии и ригидности, как следует из табл. 1, выражены на всех уровнях и имеют незначительную динамику изменений.

Таблица 1

**Динамика тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности у студентов
(по методике Г. Айзенка)**

Состояние	Тревожность (%)			Фрустрация (%)			Агрессивность (%)			Ригидность(%)		
	Низ.	Ср.	Выс.	Низ.	Ср.	Выс.	Низ.	Ср.	Выс.	Низ.	Ср.	Выс.
Уровень												
I курс	38,4	53,4	8,2	45,2	49,3	5,5	19,2	63,3	17,5	26,2	62,5	11,3
II курс	27,3	56,8	15,9	36,4	54,5	9,1	11,4	75,2	13,4	16,5	65,2	18,3
III курс	47,1	45,1	7,8	43,1	49,1	7,8	35,3	49,4	15,3	29,5	58,8	11,7
IV курс	49,5	40,2	10,3	49,1	41,1	9,8	46,7	49,2	4,3	44,3	49,4	6,3

На следующем этапе исследования возникла необходимость выделения групп студентов, одновременно испытывающих различные степени проявления тех или иных негативных психических состояний в различных сочетаниях. Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что состояния, диагностируемые по методике Г. Айзенка, наиболее полно отражают все уровни проявления этих негативных состояний у студентов. Именно поэтому было предложено выделить типы комплексов негативных психических состояний (ТКНПС) по признаку сочетания различных уровней состояний, диагностируемых по тесту Г. Айзенка. Поскольку, в соответствии с этим тестом выделяется 3 уровня проявления состояний, то сочетания этих уровней каждого из четырех состояний теоретически определяют 81 тип

комплексов негативных состояний. С целью упрощения и уменьшения этого количества для экспериментального исследования было принято решение об условном разделении уровней каждого диагностируемого состояния на два следующим образом: низкий уровень выраженности состояния (1-10 баллов); высокий уровень выраженности состояния (11-20 баллов). Такое условное выделение уровней выраженности каждого состояния позволило выделить 16 типов комплексов психических состояний, которые представлены в табл. 2.

Для удобства описания и последующего анализа все ТКНПС разделены на 5 групп (0; I; II; III; IV) по признаку присутствия в комплексе количества негативных комплексобразующих состояний высокого уровня. Охарактеризуем полученные ТКНПС.

Таблица 2

Распределение исследуемых по типам комплексов негативных психических состояний

Группа ТКНПС	ТКНПС	Количество студентов (%)	Группа ТКНПС	ТКНПС	Количество студентов (%)
0	1. Тн-Фн-Ан-Рн	17,44	II	9. Тв-Фн-Ан-Рв	2,56
I	2. Тв-Фн-Ан-Рн	2,56		10. Тн-Фв-Ан-Рв	2,06
	3. Тн-Фв-Ан-Рн	3,59		11. Тв-Фн-Ав-Рн	2,56
	4. Тн-Фн-Ав-Рн	15,90	III	12. Тв-Фв-Ав-Рн	3,59
	5. Тн-Фн-Ан-Рв	5,64		13. Тн-Фв-Ав-Рв	4,10
II	6. Тв-Фв-Ан-Рн	4,10		14. Тв-Фв-Ан-Рв	6,66
	7. Тн-Фв-Ав-Рн	2,56		15. Тв-Фн-Ав-Рв	6,16
	8. Тн-Фн-Ав-Рв	9,75	IV	16. Тв-Фв-Ав-Рв	10,77

1-й ТКНПС – 0 группа (охватывает 17,44% исследуемых студентов) характеризуется низкими уровнями проявления состояний тревожности, фрустрации, агрессии, ригидности, а также: сдержанным поведением в стрессовых ситуациях, низким уровнем состояния ситуативной тревожности, отсутствием астенического состояния, минимальным уровнем де-

прессии, очень низким уровнем социальной фрустрации. Здесь же для сопоставления охарактеризуем 16-й ТКНПС (IV группа), который охватывает 10,77% студентов: высокие уровни проявлений комплексообразующих состояний, несдержанность поведения в стрессовой ситуации, высокий уровень состояния ситуативной тревожности, слабый уровень астенического состояния, легкий уровень депрессии, повышенный уровень социальной фрустрации. Исследование корреляционных связей между негативными состояниями высокого уровня показало наличие положительных корреляционных связей между состоянием тревожности и фрустрации ($\rho=0,730$ при $p<0,01$), тревожности и ригидности ($\rho=0,688$ при $p<0,01$), фрустрации и ситуативной тревожности ($\rho=0,485$ при $p<0,01$), реактивной тревожности и астении ($\rho=0,651$ при $p<0,01$), социальной фрустрации и реактивной тревожности ($\rho=0,545$ при $p<0,01$), стресса и тревожности, фрустрации, ригидности (соответственно $\rho=0,606$ при $p<0,01$; $\rho=0,605$ при $p<0,01$; $\rho=0,484$ при $p<0,01$).

Рассмотрим I группу ТКНПС, которая охватывает 27,69% студентов. Напряженность поведения в стрессовой ситуации присутствует только в группе с высоким уровнем тревожности, здесь же наблюдается положительная корреляционная связь между тревожностью и стрессовым поведением ($\rho=0,865$ при $p<0,01$). Для всех остальных типов комплексов этой группы характерно сдержанное поведение в стрессовой ситуации, умение регулировать свои эмоции. Ситуативная тревожность высокого уровня характерна только для студентов с высоким уровнем тревожности (коэффициент положительной корреляционной связи $\rho=0,825$ при $p<0,01$); всем остальным комплексам этой группы соответствует средний уровень ситуативной тревожности; корреляционных связей с другими комплексообразующими негативными состояниями не наблюдается. Слабый уровень астении, легкий уровень депрессии и пониженный уровень состояния социальной фрустрации выявлен только в

комплексе с высоким уровнем фрустрации, для остальных студентов этой группы состояние астении отсутствует, депрессия минимальна, а уровень социальной фрустрации очень низкий.

Ко II-й группе ТКНПС относится 23,59% студентов. В 6-м (Тв-Фв-Ан-Рн), 7-м (Тн-Фв-Ав-Рн), 9-м (Тв-Фн-Ан-Рв) и 11-м (Тв-Фн-Ав-Рн) ТКНПС наблюдается высокий уровень ситуативной тревожности: отмечается положительная корреляционная связь между состояниями тревожности и фрустрации ($\rho=0,65$ при $p<0,01$), тревожности и ситуативной тревожности ($\rho=0,687$ при $p<0,01$) в 6-м ТКНПС; между состояниями фрустрации и агрессии ($\rho=0,803$ при $p<0,01$), агрессии и ситуативной тревожности ($\rho=0,659$ при $p<0,05$) – в 7-м ТКНПС; между состояниями тревожности и ригидности ($\rho=0,943$ при $p<0,01$), ригидности и ситуативной тревожности ($\rho=0,949$ при $p<0,01$) – в 9-м ТКНПС; тревожности и агрессии ($\rho=0,725$ при $p<0,05$), агрессии и ситуативной тревожности ($\rho=0,729$ при $p<0,05$) – в 11-м ТКНПС, что свидетельствует о взаимном усилении отмеченных негативных состояний высокого уровня. Для студентов рассмотренных ТКНПС характерно сдержанное поведение в стрессовой ситуации и умение регулировать свои эмоции, слабый уровень астении, легкий уровень депрессии и пониженный уровень социальной фрустрации.

В 8-м и 10-м ТКНПС наблюдается средний уровень ситуативной тревожности и следующие положительные корреляционные связи между состояниями высокого уровня: агрессии и ригидности ($\rho=0,468$ при $p<0,01$) в 8-м ТКНПС; фрустрации и ригидности ($\rho=0,856$ при $p<0,05$) в 10-м ТКНПС, что также свидетельствует об увеличении их взаимного влияния. Для студентов 8-го ТКНПС характерно сдержанное поведение в стрессовой ситуации, отсутствие астении, минимальный уровень депрессии и очень низкий уровень социальной фрустрации. Для студентов 10-го ТКНПС характерными являются не всегда правильное поведение в стрессовой ситуации, отсутствие астении, легкий уровень де-

прессии, неопределенный уровень социальной фрустрации.

Для всех типов ТКНПС III группы (20,51%) характерен высокий уровень ситуативной тревожности: положительная корреляционная связь между тревожностью и реактивной тревожностью наблюдается только в 12-м ТКНПС ($\rho=0,684$ при $p<0,01$) и в 15-м ТКНПС ($\rho=0,536$ при $p<0,01$). Для 12-го ТКНПС имеется аналогичная связь между тревожностью и фрустрацией ($\rho=0,746$ при $p<0,01$). Для всех студентов этой группы характерно неадекватное поведение в стрессовой ситуации, слабый уровень астении, легкий уровень депрессии, пониженный уровень социальной фрустрации.

Проведенное исследование показало, что у студентов вузов состояния социальной фрустрации, астении, стресса и депрессии проявляются слабо, данные состояния обнаружены на низких уровнях развития или полностью отсутствуют и имеют тенденцию к постепенному снижению. Выявлено, что характерными психическими состояниями студентов, которые наиболее ярко выражены в процессе обучения, являются состояния тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности. Эти состояния предложены в качестве комплексобразующих для формирования типов комплексов негативных психических состояний. Выделены и исследованы 16 типов комплексов негативных психических состояний, которые по признаку количества негативных состояний высокого уровня проявления объединены в 5 групп. Анализ связей между негативными состояниями во всех ТКНПС

с высокими уровнями значений состояний показал, что высокий и средний уровни ситуативной тревожности наиболее часто коррелируют с высоким уровнем личностной тревожности, агрессивией; присутствие двух или четырёх комплексобразующих состояний высокого уровня практически всегда усиливает друг друга; в случае наличия трех комплексобразующих состояний высокого уровня при низком уровне ригидности такого усиления не наблюдается. Для дальнейшего исследования перспективным является изучение личностных свойств студентов, характеризующих каждый выделенный ТКНПС.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ганзен В.А., Юрченко В.Н. Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // Психические состояния: Межвуз. сб. ст. – Л., 1981. – С. 3-23.
2. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. – М., 1964. – 344 с.
3. Практикум по психологии состояний: Учеб. пособие / Под ред. проф. А.О. Прохорова. – СПб, 2004. – 480 с.
4. Прохоров А.О. Психические состояния и их проявления в учебном процессе. – Казань, 1991. – 165 с.
5. Психология состояний: Хрестоматия / Составители Т.Н. Васильева, Г.Ш. Габдреева, А.О. Прохоров / Под ред. проф. А.О. Прохорова. – М.; СПб., 2004. – 608 с.
6. Реан А.А. Психология адаптации личности / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб., 2008. – 479 с.
7. Сосновикова Ю.Е. Психические состояния человека, их классификация и диагностика. – Горький, 1975. – 118 с.

УДК 159.98

Богатырева М.Б.

Московский государственный областной университет

СЕМЕЙНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ И ИГРА КАК СРЕДСТВА СНИЖЕНИЯ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ДЕТЕЙ 5-6 ЛЕТ

M. Bogatyreva

Moscow State Regional University

FAMILY COUNSELING AND GAME AS MEANS OF REDUCING OF 5-6 YEAR-OLDS' HIGH LEVEL OF ANXIETY

Аннотация. Родительское отношение к ребенку рассматривается в статье как центральная, «базовая» причина развития детской тревожности. Показаны преимущества интеграции семейного консультирования и игры в процессе работы психолога-консультанта с парой «мать – ребенок». Предлагаются стратегии работы психолога-консультанта с такими типами родительского отношения к детям, как «симбиоз» (родитель ощущает себя с ребенком единым целым, стремится удовлетворить все его потребности, оградить от трудностей и неприятностей жизни) и «авторитарная гиперсоциализация» (от ребенка требуется безоговорочное послушание и дисциплина).

Ключевые слова: семейное консультирование, игра, интеграция семейного консультирования и игры, тревожность, родительско-детские отношения.

Abstract. The article studies parents' attitude to the child as a main, "basic" cause of child's anxiety. The author demonstrates the benefits of family counseling integration with games, when the psychologist-consultant works with the pair of "mother-child".

The article suggests some strategies of the psychologist-consultant's work with such types of parental attitudes as "symbiosis" (a parent feels united with his child, strives to meet all his needs, difficulties and troubles of life) and "hyper-socialization" (unreserved obedience and discipline are required from the child).

Key words: family counseling, game, of family counseling integration with games, anxiety, parent-child relationships.

В отечественной психологии за последние годы все больше появляется работ, в которых феномен детской тревожности рассматривается в рамках семейной психологии и консультирования. В.С. Мухина [5], А.С. Спиваковская [9], А.И. Захаров [2; 3], А.М. Прихожан [7; 8], А.Я. Варга [1] и др. при исследовании детской тревожности определяют родительское отношение к детям как один из главных внешних источников развития тревожности. Факторы семейного воспитания, прежде всего взаимоотношений «мать – ребенок», выделяются в качестве центральной, «базовой» причины детской тревожности едва ли не всеми исследователями данной проблемы, практически независимо от того, к какому направлению в консультировании семьи они принадлежат.

А.И. Захаров считает, что такие черты личности родителя, как сензитивность (подразумевается повышенная эмоциональная чувствительность: впечатлительность, ранимость, обидчивость, выраженная склонность все принимать «близко к сердцу») и гиперсоциализация (заостренное чувство долга, обязательность, трудность компромиссов), зачастую приводят к развитию у детей высокого уровня тревожности. У тревожных детей в переживаниях, связанных с семьей, выраженными оказываются чувства собственной зависимости и вины и невы-

раженным — чувство защищенности. Таким образом, по мнению А.И. Захарова, семья не дает тревожному ребенку переживания межличностной надежности, защищенности.

А.Я. Варга пишет о тревожности детей, которые находятся в симбиотических отношениях с родителями. Дети-«симбиотики» с трудом переносят даже кратковременную разлуку с близким взрослым. Симптоматическое поведение в этих случаях возникает тогда, когда возникает любая угроза близости. Тревожность матери может спровоцировать подмену близости контролем, в таком случае мама становится авторитарной, желая при этом эмоциональной близости. Тревожность снижается в том случае, если перед ребенком открывается предсказуемая картина.

А.С. Спиваковская в общем виде сформулировала оптимальную и неоптимальную родительские позиции. Оптимальная включает в себя: адекватность, гибкость и прогностичность. Адекватность родительской позиции – это умение родителей видеть и понимать индивидуальность своего ребенка, замечать происходящие в его душевном мире изменения. Гибкость родительской позиции – это способность перестройки воздействия на ребенка по ходу его взросления и в связи с различными изменениями условий жизни семьи. Гибкая родительская позиция должна быть еще и предвосхищающей, прогностичной. Прогностичность родительской позиции означает, что стиль общения должен опережать появление новых психических и личностных качеств детей. Только на её основе можно установить оптимальную дистанцию, выполнить требование независимости воспитания.

В дисгармоничных семьях А.С. Спиваковской было выявлено изменение родительских позиций по одному или по всем трем показателям. Родительские позиции неадекватны, утрачивают качества гибкости, становятся повышено устойчивыми, не изменчивыми и не прогностичными. Все эти признаки показывают наличие неоптимальной родительской позиции, при которой формируется высокий уровень тревожности у ребенка.

В.С. Мухина выделяет следующие стили воздействия родителей на своего ребенка. Авторитарный стиль – жесткий стиль руководства с опорой на наказания, подавление инициативы, принуждение. Несмотря на малый возраст ребенка, ему предъявляют требования неукоснительного подчинения. Нередко такие родители ждут от своего малыша достижений, превосходящих его возможности. Здесь следует искать проблемы у самих родителей, которые превращают беззащитного малыша в «козла отпущения».

Либерально-попустительский стиль, по мнению В.С. Мухиной, исповедует принцип вседозволенности. Ребенок, лишаясь представлений о том, что можно и чего нельзя, не сможет вовремя и нормально войти в социальное пространство человеческих отношений. В этом случае любовь слепа: получая излишние ласки, ребенок не может стать самостоятельным человеком, ориентирующимся в мире прав и обязанностей.

Ценностное отношение к ребенку и понимание необходимости его нормальной и своевременной социализации – наиболее эффективный стиль воспитания, опирающийся на потребности ребенка в положительных эмоциях и в реализации притязаний на признание. При доброжелательности и любви к ребенку родители учат его подражанию, используют внушение и убеждение.

А.М. Прихожан выделяют следующие признаки состояния тревожности у детей: повышенные «прилипчивость» и послушание по отношению ко взрослому; нарушения сна, питания; потирание рук, постоянная занятость рук; легкость покраснения (побледнения).

Таким образом, исследователи детской тревожности, в рамках семейной психологии и консультирования, обращали внимание на личностные особенности родителей, на особенности отношений родителей к детям и на проявление тревожности в поведении детей. Поэтому взаимодействие психолога не только с ребенком с высоким уровнем тревожности, но и с его мамой или семьей позволяет эффективно снижать уровень тревожности.

В этой связи семейное консультирование определяется нами как способ воздействия консультанта на семейную систему, в которой все части взаимосвязаны друг с другом (родители, дети, бабушки, дедушки) и изменение одной части данного единства отражается в изменении других частей и системы в целом [10].

В нашем исследовании приняли участие пять пар «мать – ребенок», из них дети с высоким уровнем тревожности (методика Р. Тэмбла, М. Дорки, В. Амена) в возрасте от 5 до 6 лет (два мальчика и три девочки) и дети из полных семей, имеющие братьев и сестер. Из бесед с мамами этих детей было выявлено, что высокий уровень тревожности проявляется в нарушении сна, соматических проблемах, в повышенной «прилипчивости» к матери, в нарушении питания, в поиске одобрения со стороны взрослых во всех делах, легкости покраснения и частых расстройствах «по любым» поводам.

С целью выявления особенностей отношения родителей к детям в данных семьях с мамами был проведен тест-опросник (А.Я. Варга, В.В. Столин). Родительское отношение понимается как система разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков [1]. Анализ результатов данного опросника позволил выделить следующие типы детско-родительских отношений в исследуемой группе: «симбиоз» (родитель ощущает себя с ребенком единым целым, стремится удовлетворить все его потребности, оградить от трудностей и неприятностей жизни); «авторитарная гиперсоциализация» (от ребенка требуется безоговорочное послушание и дисциплина). Нами были выявлены взаимосвязи между высоким уровнем тревожности детей и детско-родительскими отношениями по типу «авторитарная гиперсоциализация» и «симбиоз».

Таким образом, в нашем исследовании были сформированы две подгруппы: 1) дети с высоким уровнем тревожности (2 девочки, 1 мальчик), мамы которых проявляют «авторитарную гиперсоциализацию» по от-

ношению к ним; 2) дети с высоким уровнем тревожности (1 девочка и 1 мальчик), мамы которых демонстрируют «симбиоз» по отношению к детям.

По результатам проведенной первичной психодиагностики были поставлены задачи: выявить особенности способов взаимодействия пар «мать – ребенок» в различных условиях (совместные действия, отдельные процессы) и проанализировать их, а также разработать стратегии работы с детьми и их мамами. Мы предположили, что высокий уровень тревожности у детей возможно снизить посредством изменения отношения родителя к ребенку. Этого можно было достичь, по нашему мнению, используя в семейном консультировании игровую терапию. Основной задачей использования игры как способа воздействия на пару «мать – ребенок» в нашей работе мы видели в восстановлении значимых отношений между ребенком и взрослым, поскольку игра позволяет освободиться от эмоциональной напряженности и фрустрации, вызванными реальными жизненными отношениями между ребенком и родителем [6].

Интеграция семейного консультирования и игровой терапией, по мнению Б. Икер [4], имеет следующие преимущества:

- позволяет получать информацию о взаимоотношениях ребенка с родителем не только из их рассказов, но и путем включенного наблюдения;
- участие родителей (или родителя) и консультанта в совместной с ребенком игре создает высокую степень доверия участников к друг другу;
- игра помогает создавать безопасную дистанцию, побуждающую членов семьи стать более откровенными;
- использование игры облегчает вовлечение в консультативный процесс семьи;
- на сессиях с применением игры легче разрешаются трудности, связанные с вербальным выражением своих чувств детьми;
- игра позволяет родителям лучше понимать чувства ребенка, а также пережить чувства, связанные с их отношениями к собственным родителям;

– участие родителей в детской игре обеспечивает высокий уровень их эмпатии.

Взаимодействие психолога-консультанта с парой «мать – ребенок» строилась на основе следующих принципов.

1. Создание с парой «мать – ребенок» доверительных отношений, укрепляющих чувство безопасности и надежности. Главная задача консультанта состояла в том, чтобы не навязывать маме и ребенку своих оценок, советов, мнений, но при этом внимательно выслушивать обоих, создавая ситуации для принятия их совместных решений.

2. Эмпатическое принятие пары «мать – ребенок» включает в себя безусловное принятие как ребенка, так и его мамы, проявление эмоциональной теплоты к ним и сопереживание им. Главная задача консультанта состояла в том, чтобы помочь маме и ребенку осознать свои чувства, увидеть их взаимосвязь с трудностями во взаимодействии друг с другом, а также выработать конструктивные способы преодоления конфликтных ситуаций [6].

Структура каждой консультативной встречи.

1. Вводная часть – мониторинг актуального состояния клиентов, беседа о выполнении домашнего задания,

2. Основная часть – упражнения, создающие условия для достижения вышеперечисленных задач.

3. Заключительная часть – рефлексия результатов занятия, обсуждение домашнего задания. В конце каждой встречи давалось домашнее задание, которое имело своей целью психологическое воздействие на поведение родителей вне сессии, а также закрепление нового опыта взаимодействия с ребенком, полученного во время сессии.

В результате проведения 5 сессий со всеми парами было выявлено следующее. Мамы, которые демонстрировали отношение к ребенку по типу «авторитарная гиперсоциализация», были не уверены в себе во время сессий и нуждались в поддержке собственной роли «мамы». В совместной игре с ребенком они жестко следовали правилам, подавляя инициативу детей, их желание что-то изменить в правилах игры. Это проявлялось в следующих словах: «ты делаешь неправильно, посмотри, как это делаю я»; «опять ты без меня ничего не можешь сделать»; «по правилам этот дом должен выглядеть вот так (показывала ребенку свой рисунок), а не как у тебя» и т. д. Вопрос психолога: «За что вы хвалите своего ребенка?» – вызывал у мам, склонных к проявлению авторитарного стиля, растерянность, они не знали, что ответить.

Со стороны детей было выявлено следующее: авторитарный стиль отношения родителя склоняет ребенка к подражательству другим в социальной жизни. Например, исследуемые нами девочки, пребывая в детском саду, хотели быть такими же, как их подружки. Во время сессий было замечено, что дети проявляют скрытые негативные чувства по отношению к мамам. Например, один из мальчиков на предложение психолога «нарисовать свою семью в виде животных», нарисовал всех, кроме мамы. На замечание психолога об отсутствии мамы на рисунке, сказал: «У меня для мамы не хватает места».

Для консультативной работы с парами «мать – ребенок», в которых была выявлена «авторитарная гиперсоциализация» была выбрана следующая стратегия: в ходе сессий психолог предлагал паре игровые и арт-терапевтические упражнения, направленные на совместные действия. При выполнении данных упражнений необходимо было обсудить правила этих совместных действий, договориться о системе поощрения и наказания за нарушения правил. Домашние задания, которые предлагались этим парам, имели цель развивать навыки сотрудничества, как у родителей, так и у детей, а также находить компромисс в различных спорных вопросах, которые возникали при выполнении домашнего задания.

Мамы, демонстрирующие стиль отношения к ребенку по типу «симбиоз», вели себя в начале консультативной работы следующим образом: активно вмешивались в беседу психолога с детьми; додумывали и договаривали предложения за детей; отрицали наличие

трудностей в отношениях с детьми, например: «У нас нет проблем. Хотя нет, конечно, проблемы есть у всех...». В отношениях с детьми таким мамам трудно было доверять детям какие-либо самостоятельные действия (например, мыть руки и чистить зубы), трудно было давать свободу в проявлении себя при выполнении различных заданий.

В поведении детей было выявлено следующее: им сложно было проявлять себя в игре – они не знали с чего начать и во что играть; нуждались в постоянном одобрении и поддержке со стороны мамы или психолога. Если дети не получали поддержки со стороны взрослых собственным самостоятельным действиям, они начинали беспокоить себя вести и «хныкать» по поводу того, что у них «ничего не получается».

При работе психолога с парами «мать – ребенок», в которых выявлены симбиотические отношения, была выбрана следующая стратегия: в игровых и арт-терапевтических упражнениях разделять пространства действий мамы и ребенка, давать как можно больше свободы для самовыражения ребенка. Психолог стимулировал маму поддерживать самостоятельные действия ребенка. Домашние задания имели цель – развивать навыки взаимодействия мамы и ребенка по типу сотрудничества. Мамам рекомендовалось интересоваться детьми: спрашивать подробно о любимых делах; играть в игры, которые предлагает ребенок; организовывать совместное семейное чтение; поддерживать тему разговора, интересную для ребенка. В выполнение домашних заданий были включены папы детей.

В ходе проведения пяти консультативных встреч родителями были отмечены следующие изменения в их отношениях к детям: они стали чаще играть с детьми; больше доверять детям, поощрять их самостоятельность и инициативу; стали принимать во внимание мнение детей по каким-либо вопросам, например, проведение семейного досуга; стали чаще договариваться с детьми и приходить к согласию. Мама отметили, что и папы стали

проводить свободное время с детьми (чаще гулять по выходным дням, играть в подвижные игры, читать книги на ночь и т. д.).

Анализ результатов повторной диагностики позволил выявить следующее: высокий уровень тревожности детей снизился до среднего уровня; более выраженным стилем родительского отношения к детям стал стиль «кооперация», при этом заметно снизился уровень «авторитарной гиперсоциализации» и «симбиоза». Появление в отношениях родителей к детям стиля «кооперация» для нас – явный признак того, что взрослые стали искренне интересоваться тем, что волнует детей, поощрять их самостоятельность и инициативу.

Таким образом, семейное консультирование и игра как средства психологического воздействия позволяют делать родительскую позицию по отношению к детям более гибкой, адекватной и прогностичной, что в свою очередь снижает высокий уровень тревожности у детей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Варга А.Я., Драбкина Т.С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. – СПб., 2001. – 144 с.
2. Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. – СПб., 2004. – 448 с.
3. Захаров А.И. Неврозы у детей и психотерапия. – СПб., 2004. – 336 с.
4. Икер Б. Раскрытие семейных тайн в семейной игровой психотерапии // Шефер Ч., Керри Л. Игровая семейная психотерапия. – СПб., 2000. – С 145-171.
5. Мухина В.С. Возрастная психология. – М., 1997. – 432 с.
6. Карабанова О.А. Игра в коррекции психического развития ребенка. – М., 1997. – 191 с.
7. Прихожан А.М. Психологическая природа и возрастная динамика тревожности (личностный аспект): Авто-реф. дис. ...докт. психол. наук. – М., 1995. – 48 с.
8. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. 2-е изд. – СПб., 2009. – 192 с.
9. Спиваковская А.С. Профилактика детских неврозов // Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья. – М., 1999. – Т. 2. – 304 с.
10. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Изд. 3-е. – СПб., 2007. – 352 с.

УДК 159.9.072.5

Кочнев В.А.

Московский государственный областной университет

**ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ТИПОВ ПОЛОРОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН КАК ФАКТОРА, ОБУСЛОВЛИВАЮЩЕГО
ИХ СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ**

V. Kochnev

Moscow State Regional University

**ON THE INVESTIGATION OF MARRIED WOMEN'S GENDER-ROLE IDENTITY
TYPES AS A FACTOR THAT CONTRIBUTES TO THEIR SEXUAL BEHAVIOR**

Аннотация. В статье представлены материалы эмпирического исследования недостаточно изученной в психологии проблемы влияния типов полоролевой идентичности замужних женщин на их сексуальное поведение. Определены факторы и критерии: адаптивной и неадаптивной форм сексуального поведения женщин; типов полоролевой идентичности. Продемонстрирован авторский подход применения опросника половых ролей С. Бем. Автором описана факторная структура сексуального поведения замужних женщин с различным типом полоролевой идентичности. Доказывается обусловленность характера сексуального поведения замужних женщин различными типами их полоролевой идентичности.

Ключевые слова: замужние женщины, полоролевая идентичность, маскулинный тип, фемининный тип, андрогинный тип, диффузный тип, адаптивное и неадаптивное сексуальное поведение.

Abstract. This article presents the materials of empirical study of an under-investigated psychological problem of the impact of married women's gender-role identity types on their sexual behavior. The following factors and criteria are determined: adaptive and non-adaptive forms of women's sexual behavior; types of gender-role identity. The author's approach to the use of S. Bem's gender-role questionnaire is demonstrated. The author describes the factor structure of sexual behavior of married women with various types of their gender-role identities. The dependence of married women's sexual behavior on the type of their gender-role identities is proved.

Keywords: married women, gender-role identity, masculine type, feminine type, androgynous type, diffusive type, adaptive and non-adaptive sexual behavior.

Как показывает анализ научных источников, в последнее десятилетие особую актуальность приобретает изучение сексуальности человека и такого ее аспекта, как сексуальное поведение в рамках гендерной психологии. Это связано с тем, что сексуальные отношения между мужчиной и женщиной значительно претерпели свои изменения в обществе в связи с трансформацией гендерных ролей – сексуальное поведение женщин стало смещаться из зоны фемининной (типично женской) в зону андрогинии («бесполости»), а порой и в зону маскулинности (мужского поведения) [9].

Существование долгих и счастливых брачных уз поставлено под угрозу, ведь такие черты, как амбициозность, склонность к риску, напористость и независимость, принадлежащие, по мнению С. Бем, к чертам мужского типа поведения, значительно сократили желание у женщин иметь ребёнка в первые годы семейной жизни. Сексуальная активность стала пониматься женщиной вне зависимости от морали, религии и этики, а желание доминировать в социаль-

ной жизни и реальное доминирование в большинстве сфер семейной жизни, в том числе и в сексуально-эротической, существенным образом изменила отношение замужних женщин как к формам проявления своей сексуальности, так и непосредственно к своим супругам как сексуальным партнерам.

Трансформация женской сексуальности в целом и ее сексуального поведения в частности обусловлена системой факторов (физиологических, психологических, социально-психологических, социальных, социокультурных, экономических и др.), из которых наибольший интерес представляет такой фактор, как полоролевая идентичность, представляющая собой одну из базовых индивидуально-психологических характеристик личности женщины. Как отмечает К. Имелинский, переживания, связанные с половой принадлежностью, определяют выбор того или иного варианта поведения человека в ситуациях сексуального контакта, побуждают его к совместному проживанию и деятельности, оказывают влияние на супружеские отношения [2].

Интерес к изучению сексуальных отношений уходит глубоко корнями в древние века. Уже в философских учениях Аристона, Тацита и Флавия можно встретить высказывания о важности удовлетворения естественных потребностей и влечения, а в китайских и индийских трактатах («Искусство спальни», «Ветки персика», «Камасутра») – описания сексуальных ласк и техники полового акта [9]. Научное же изучение сексуального поведения датировано концом XIX в. и связано, прежде всего, с формированием новой теории человеческой сексуальности, базирующейся на результатах массовых социологических исследований того периода.

Изучением сексуального поведения занимались как зарубежные, так и отечественные исследователи. К самым ранним зарубежным сексологическим исследованиям, связанным исключительно с областью психиатрии и судебной медицины, принадлежат такие, как «Сексуальная психопатия» (Р. Крафт-Эбинг, 1886), «Три очерка по теории сексуально-

сти» (З. Фрейд, 1906), а к крупным работам о сексуальном поведении человека 50–60-х гг. XX в. – «Сексуальное поведение мужчины» (А. Кинзи, 1948), «Сексуальное поведение женщины» (А. Кинзи, 1953), «Образцы сексуального поведения» (Ф. Бич, 1951), «Мужчина и женщина» (М. Мид, 1955), «Человеческая сексуальная реакция» (У. Мастерс и В. Джонсон, 1966) и др. [4; 15].

Среди зарубежных авторов особо можно выделить труды: А. Кинзи [8] (массовые социологические исследования сексуального поведения мужчин и женщин, сравнительный анализ аномалий и физиологии сексуальных реакций, а также психических, нервных и гормональных факторов); Р. Крафт-Эбинга [6] (изучение сексуального поведения с точки зрения перверсных наклонностей); У. Мастерса и В. Джонсона [8] (лабораторные исследования физиологических параметров сексуальных реакций); З. Фрейда [13] (изучение сексуальности с точки зрения особенностей индивидуального развития личности, выявление связи индивидуального сексуального поведения с культурными нормами); Ф. Форда и Ф. Бича (статистическое сопоставление норм сексуального поведения в 190 человеческих обществах и поведением разных видов животных); Г. Эллиса [8] (исследования стадий сексуального развития человека, биологических основ сексуальности и ее психических аспектов, половых отклонений и сексуальности в период беременности) и др.

В отечественной сексологии изучением сексуального поведения занимались такие исследователи, как Б.Е. Алексеев [5] (разработка новых подходов к исследованию психосексуального развития человека, его нарушений); Л.М. Балабанова (изучение сексуальных отклонений в судебной психопсихологии); А.И. Белкин, А.А. Ткаченко [5; 7] (исследование биолого-медицинских аспектов сексуального поведения); В.И. Здравомыслова, Г.С. Васильченко и А.М. Свядощ [7] (изучение психосексуальных расстройств); И.С. Кон [3] (разработка основ психолого-педагогического подхода к исследованию

ям сексуальности, изучение подростковой сексуальности, проблемы сексуального насилия); В.В. Кришталь, С.Р. Григорян [7] и Б.Л. Гульман [5] (изучение сексуального здоровья) и др.

Большинство из перечисленных российских сексологических исследований связано в основном с изучением сексуальных установок молодёжи и студентов и представлено в таких трудах, как «Общая сексопатология» (Г.С. Васильченко, 1977), «Введение в сексологию» (И.С. Кон, 1988), «Сексология» (В.В. Кришталь, 2002) и др. [3; 9].

Полоролевая идентичность женщин как одна из базовых индивидуально-личностных характеристик представляет собой один из факторов, существенно обуславливающих их сексуальное поведение. Исследованию проблемы полоролевой (гендерной) идентичности посвящены работы как зарубежных, так и отечественных исследователей. Большой вклад среди зарубежных специалистов в изучение полоролевой идентичности внесли А. Бандура (теория социального научения), С. Бем (концепция андрогинии, показавшая несостоятельность противопоставления маскулинности и фемининности, существующего в традиционной психологии), К. Джеклин и Е. Маккоби (анализ психологии половых различий), Л. Колберг (теория когнитивного развития или теория самокатегоризации), Дж. Мани и А. Эрхард (исследование эффекта социализации) (об этих авторах см. [12]), З. Фрейд [13] (изучение процесса полоролевой социализации через идентификацию ребенка с родителем и преодоление специфических конфликтов), К. Хорни [14] (исследование маскулинности/фемининности с точки зрения стремления к власти), К. Юнг [16] (концепция, основанная на понятиях мужественности и женственности как показателях зрелости/незрелости личности) и др.

Среди отечественных авторов, занимающихся изучением полоролевой идентичности, можно выделить труды А.И. Белкина, В.А. Геодакяна [12] (половой диморфизм и феномены половой дифференциации лич-

ности), Т.В. Драгуновой, А.В. Мудрика, Т.Н. Юферевой (полоролевая дифференциация поведения), М.Л. Гомелаури, И.С. Кона [12] (воздействие ожиданий взрослых на формирование полоролевых установок), А.Б. Залкинда, Д.Н. Исаева, В.Е. Кагана (проблемы полового воспитания) и др. [7], Денисова А.А. (воздействие знаковых систем на половую идентификацию подростков) [1] и др. К более современным отечественным исследованиям различных аспектов полоролевой идентичности следует отнести исследования Н.В. Дворянчикова (1998), В.Л. Кокоренко (2006), К.В. Сыроквашиной (2007), Р.А. Юнусовой (2008), С.Н. Матевосяна (2009), Н.А. Камневой (2011) и др.

Помимо накопленных в этой области научных трудов, выпускаются журналы и сборники статей по различным проблемам пола и сексуальности: «Гендерные исследования», «Секс и жизнь», «В поисках сексуальности» и др.

Анализ научной литературы по исследуемой проблеме позволяет сделать вывод о том, что в современных отечественных сексологических, психологических и междисциплинарных исследованиях по изучению сексуального поведения женщин, наряду с представленными в них биолого-медицинскими, историко-культурными и социально-психологическими аспектами их поведения, недостаточно полно представлены научные данные, свидетельствующие о влиянии различных типов полоролевой идентичности замужних женщин, находящихся в возрасте зрелой сексуальности, на проявление ими адаптивной и неадаптивной форм сексуального поведения.

Таким образом, *теоретическая актуальность исследования* обусловлена недостаточной изученностью проявлений сексуального поведения замужних женщин, детерминированного различными типами полоролевой идентичности. *Практическая актуальность исследования* обусловлена рядом причин: во-первых, немногочисленностью представленных данных российских исследований сексуальности и сексуального поведения российских женщин с помощью зарубежных опросников; во-вторых, необходимостью

проведения исследований с помощью опросников С. Бем и Г. Айзенка на российской выборке с целью их адаптации; в-третьих, необходимостью разработки нового психодиагностического инструментария для изучения проявлений сексуального поведения замужних женщин, обусловленного таким фактором, как полоролевая идентичность.

Объектом исследования выступило сексуальное поведение замужних женщин. *Предметом* исследования – влияние типов полоролевой идентичности замужних женщин на их сексуальное поведение. *Цель* исследования заключалась в изучении влияния типов полоролевой идентичности замужних женщин на их сексуальное поведение.

Гипотеза исследования. Различные типы полоролевой идентичности по-разному влияют на сексуальное поведение замужних женщин: свойственные для женщин типы полоролевой идентичности (фемининный и андрогинный с тенденцией к фемининности) обуславливают проявления адаптивной формы сексуального поведения (адекватное отношение к сексуальному партнеру, отсутствие сексуальных невротических реакций, более полная удовлетворенность сексуальными отношениями), тогда как несвойственные для женщин типы полоролевой идентичности (диффузный и андрогинный с тенденцией к маскулинности) обуславливают проявления неадаптивной формы сексуального поведения.

Теоретические основы исследования

1. Сексуальное поведение замужних женщин следует рассматривать, во-первых, как важную сферу их личной, семейной и общественной жизни, во-вторых, как форму взаимодействия женщин со своими супругами, обусловленного мотивацией половой потребности.

2. Сексуальное поведение выполняет три функции: репродуктивную (продолжение рода), гедоническую (получение наслаждения) и коммуникативную (так называемые «сексуальные сценарии», предопределяющие

возможный и предпочитаемый тип сексуального партнера, эротические ситуации и стимулы, требования к месту, времени и ситуации полового сближения).

3. Сексуальное поведение имеет адаптивную и неадаптивную формы проявления. Адаптивная форма характеризуется:

- широким спектром моделей сексуального поведения (при этом данные модели находятся в рамках социально приемлемых);
- оптимистическим отношением к сексуальным ситуациям и возможным неудачам в них;
- уважением к себе и своему партнеру, что помогает строить гармоничные отношения, основанные на любви друг к другу.

Неадаптивная форма сексуального поведения характеризуется:

- чрезмерной нервозностью, подавленностью или чувством вины, как неким личным субъективным ощущением беспокойства;
- проявлением эгоцентризма и неспособности человека к самоотдаче и любви;
- отношением к своему партнеру как к средству удовлетворения сексуальных потребностей;
- стремлением к автономии и подчинении себе партнера, выражением агрессии.

4. Сексуальное поведение женщины обусловлено следующими факторами:

- биологическими (генетические и анатомо-физиологические характеристики);
- социальными (общественная точка зрения на сексуальное поведение, наличие законов, предписывающих определенные ограничения сексуального поведения, взаимодействие с сексуальным партнером, условия жизни);
- психологическими (индивидуальность восприятия, эмоции, мысли, мотивы и цели, ценностные ориентации, самооценка, характер и др.);
- психосоциальными (половое самосознание, включающее в свою структуру ядерную половую идентичность, полоролевую идентичность, выбор объекта, степень сексуального желания и сексуальные сценарии).

5. Именно полоролевая идентичность как базовая характеристика личности является определяющим фактором, обуславливающим сексуальное поведение замужних женщин.

6. Основными критериями изучения сексуального поведения являются: устойчивость к морально-нравственной стороне сексуальных отношений, степень удовлетворенности сексуальной жизнью (удовлетворенность как показатель переживаний, наличие оргазмических реакций или состояния сексуальной холодности в процессе сексуального контакта), отношение к сексуальному общению (застенчивость, щепетильность, стыдливость, отвращение, возбуждение, интенсивность потребности в сексуальной активности), характер сексуальных отношений (наличие или отсутствие в ситуации сексуального контакта таких сексуальных реакций, как нервозность, агрессивность, проявление невнимания к партнеру, увлеченность телесной стороной отношений), степень влияния моральных и религиозных взглядов, эстетики на сексуальные отношения.

7. Полоролевая идентичность рассматривается как специфические психологические установки и способы межличностного поведения, основные модели социальных интеракций и специфические сексуальные проявления – характеристики, присущие мужчинам или женщинам и таким образом разделяющие их. Эти характеристики, называемые психологической наукой «маскулинность» и «фемининность», являются элементом полового символизма, связанного с дифференциацией половых ролей.

8. Основными типами полоролевой идентичности являются: маскулинный тип, фемининный тип, андрогинный тип и недифференцированный (диффузный) тип.

9. Критериями основных типов полоролевой идентичности выступают:

а) маскулинного типа – независимость, напористость, агрессивность, способность к лидерству, властность, быстрота в принятии решений и др. (всего 20 показателей, описанных в опроснике половых ролей С. Бем);

б) фемининного типа – застенчивость, преданность, нежность, умение сочувство-

вать и сострадать, любовь к детям и др. (всего 20 показателей, описанных в опроснике половых ролей С. Бем);

в) андрогинного типа – адаптивность, надежность, способность помочь, традиционность, подверженность условностям, скрытность и др. (всего 20 показателей, описанных в опроснике половых ролей С. Бем);

г) недифференцированного (диффузного) типа – снижение уровня адаптации, т. е. переживание негативных эмоций в сочетании с неустойчивым контролем поведения.

Методика

В исследовании приняли участие 47 замужних женщин в возрасте от 26 до 50 лет¹, обучающихся на различных факультетах в вузах г. Москвы: 28 женщин – на факультете психологии очно-заочной формы обучения (средний возраст 35 лет); 19 женщин – на факультете культуры и музыкального искусства (средний возраст 30 лет).

В ходе применения метода психологического тестирования применялись следующие тестовые методики.

1. 1. Опросник изучения половых ролей С. Бем (BSRI) [11].

В данном исследовании применялся адаптированный вариант опросника С. Бем, который предназначен для диагностики трех типов (статусов, в терминологии С. Бем) полоролевой идентичности: андрогинности, маскулинности, фемининности. Опросник содержит 60 утверждений (качеств), описывающих маскулинный и фемининный типы личности (по 20 характеристик на каждый тип) и 20 социально-желаемых качеств, присущих одновременно и мужчинам и женщинам. На каждое из 60 утверждений в адаптированном варианте опросника испытуемые отвечают «да» или «нет» (в оригинальном варианте ответы оцениваются

¹ Данный возрастной период, согласно теории И.А. Ботневой, Г.С. Васильченко, В.М. Маслова, является периодом зрелой сексуальности и характеризуется полным завершением формирования женской сексуальности и вхождением в полосу условно-физиологического ритма регулярной половой жизни [7].

по шкале от 1 до 7), оценивая тем самым наличие или отсутствие у себя названных качеств.

Шкалы опросника:

2. «Маскулинность»;
3. «Фемининность»;
4. «Социальная желательность».
5. В исследовании использовались только первые две шкалы.

2. Опросник установок к сексу (Г. Айзенк, 1989) [10].

Опросник предназначен для выявления отношения к сексу, а также ориентирован на прогноз удовлетворенности браком и выявление отклонений в сексуальном поведении. Опросник состоит из 159 вопросов (полная версия).

Шкалы опросника:

1. «Терпимость» – устойчивость к морально-нравственной стороне сексуальных отношений.
2. «Удовлетворенность» – степень удовлетворенности сексуальной жизнью.
3. «Невротический секс» – проявление невротических реакций в сексуальных отношениях.
4. «Безличный секс» – проявление невнимания к партнеру, отношение к нему только как сексуальному объекту.
5. «Порнография» – интерес к просмотру порнографического материала.
6. «Сексуальная застенчивость» – проявление застенчивости, смущения в сексуальных отношениях.
7. «Щепетильность, стыдливость» – наличие сексуальной пассивности вследствие запрета на какие-либо мысли о сексе.
8. «Сексуальное отвращение» – проявление реакции отвращения на какие-либо формы сексуального поведения.
9. «Сексуальное возбуждение» – степень возникновения сексуального возбуждения.
10. «Физический секс» – увлеченность телесной стороной отношений.
11. «Агрессивный секс» – проявление агрессивности в сексуальных отношениях.

Дополнительные шкалы:

1. «Начало сексуальных отношений» – возраст первого сексуального опыта.
2. «Частота сексуальных отношений» – ко-

личественное предпочтение сексуальных актов.

3. «Состояние фригидности» – наличие состояния сексуальной холодности в процессе сексуального общения.

4. «Наличие оргазма» – наличие кульминации сексуального возбуждения в процессе сексуального общения.

5. «Сила сексуального желания» – интенсивность потребности в сексуальной активности.

6. «Влияние морали, эстетики и религии на сексуальность» – степень влияния моральных и религиозных взглядов, эстетики на сексуальные отношения.

В рамках применения *методов математической статистики и обработки данных* использовались такие виды математического анализа данных, как кластерное, корреляционное и факторное исследования. Математическая обработка данных осуществлялась в программах MS Excel, SPSS-17.

Замысел исследования

В соответствии с гипотезой исследования нами были выделены две переменные, независимая – «полоролевая идентичность» и зависимая – «сексуальное поведение». Независимую переменную составили компоненты полоролевой идентичности: маскулинность, фемининность и коэффициент маскулинности/фемининности. Зависимая переменная включила компоненты сексуального поведения, выраженные его формами (шкалами опросника Г. Айзенка). На основании теоретического анализа психологической литературы нами было установлено, что опросник С. Бем позволяет четко определить четыре типа полоролевой идентичности. Поэтому для изучения влияния типов полоролевой идентичности замужних женщин на их сексуальное поведение все испытуемые после проведения психологического тестирования с помощью кластерного анализа были разделены на четыре группы с последующим изучением сексуального поведения в каждой группе. Далее, на основании результатов корреляционного и факторного исследований, осуществлялось доказательство выдвинутой гипотезы.

Результаты и обсуждение

В соответствии с замыслом исследования испытуемые женщины были протестированы с помощью подобранных тестовых методик. Опишем последовательно результаты психологического тестирования испытуемых.

По результатам исследования по опроснику С. Бем все испытуемые женщины с помощью кластерного анализа были первоначально разделены не на 4, как планировалось по замыслу исследования, а на 3 группы:

1 группа – женщины с диффузным типом полоролевой идентичности (14 чел.);

2 группа – женщины с андрогинным типом полоролевой идентичности (19 чел.);

3 группа – женщины с фемининным типом полоролевой идентичности (14 чел.).

За основу данного анализа были взяты не единицы маскулинности и фемининности, как того требует подход С. Бем, а их процентное соотношение в структуре полоролевой идентичности.

Поскольку в результате кластерного анализа не выявлено 4-й группы – маскулинных

женщин, – группа женщин с андрогинным типом полоролевой идентичности была разделена на 2 группы с учетом положительного или отрицательного значения коэффициента маскулинности и фемининности (IS). В первую группу вошли андрогинные женщины с тенденцией к маскулинности, во вторую – андрогинные женщины с тенденцией к фемининности.

Таким образом, на основании проведенного нами кластерного анализа получилось 4 группы женщин-испытуемых:

1 группа – женщины с диффузным типом полоролевой идентичности (14 чел.);

2 группа – женщины с андрогинным типом полоролевой идентичности с тенденцией к маскулинности (10 чел.);

3 группа – женщины с андрогинным типом полоролевой идентичности с тенденцией к фемининности (9 чел.);

4 группа – женщины с фемининным типом полоролевой идентичности (14 чел.).

В табл. 1 представлены средние значения результатов исследования испытуемых с помощью опросника С. Бем.

Таблица 1

Результаты исследования испытуемых по методике С. Бем

Группы женщин	Возр	Шкалы опросника С.Бем						
		М сб	М %	М ед	Ф сб	Ф %	Ф ед	IS
ДТ ПРИ	31,5	3,8	19	0,19	7,7	39	0,39	0,456
АТ ПРИ с ТМ	34,6	14,2	71	0,71	11,3	56	0,56	-0,338
АТ ПРИ с ТФ	35,9	10,4	52	0,52	14,6	73	0,73	0,477
ФТ ПРИ	32,2	5,4	27	0,27	16,5	83	0,83	1,294

Условные обозначения:

а) в первом столбце указаны группы женщин-испытуемых (эти же аббревиатуры использовались и в последующих таблицах): ДТ ПРИ – женщины с диффузным типом полоролевой идентичности; АТ ПРИ с ТМ – женщины с андрогинным типом полоролевой идентичности с тенденцией к маскулинности; АТ ПРИ с ТФ – женщины с андрогинным типом полоролевой идентичности с тенденцией к фемининности; ФТ ПРИ – женщины с фемининным типом полоролевой идентичности;

б) во втором столбце с аббревиатурой Возр размещены средние значения возраста испытуемых (эта же аббревиатура использовалась и в других таблицах);

в) в столбцах 3-5 представлены средние значения маскулинности женщин-испытуемых: М сб – среднее значение маскулинности испытуемых в сырых баллах; М % – среднее значение маскулинности испытуемых в процентах; М ед – среднее значение маскулинности испытуемых в единицах;

г) в столбцах 6-8 представлены средние значения фемининности женщин-испытуемых: Ф сб – среднее значение фемининности испытуемых в сырых баллах; Ф % – среднее значение фемининности испытуемых в процентах; Ф ед – среднее значение фемининности испытуемых в единицах;

д) в девятом столбце – IS – среднее значение коэффициента маскулинности/фемининности испытуемых.

Как видно из табл. 1, во втором столбце представлены средние значения возраста испытуемых женщин по группам. Данные значения находятся в интервале от 31 до 36 лет, при этом низкое значение возраста наблюдается в группе женщин с диффузным типом полоролевой идентичности (Возр = 31,5), а высокое значение – в группе женщин с андрогинным типом полоролевой идентичности с тенденцией к фемининности (Возр = 35,9).

Анализируя данные табл. 1, следует отметить, что в системе полоролевой идентичности маскулинность и фемининность представлены тремя показателями: в сырых баллах, в процентах и в единицах. Наиболее показательным, по нашему мнению, является процентное соотношение маскулинности и фемининности. Так, у женщин с диффузным типом полоролевой идентичности среднее значение маскулинности в сырых баллах – 3,8, что составляет 19%, среднее значение фемининности в сырых баллах – 7,7, что составляет 39%. Данное процентное соотношение говорит о низких показателях маскулинности и фемининности в соответствии с теорией андрогинии С. Бем.

У женщин с фемининным типом полоролевой идентичности среднее значение маскулинности составляет 27%, а среднее значение фемининности – 83%, что свидетельствует об идентичности у данной группы испытуемых по женскому типу, т. е. более традиционному.

У андрогинных женщин с тенденцией к маскулинности (М % = 71; Ф % = 56) и с тенденцией к фемининности (М % = 52; Ф % = 73) средние показатели указывают на преобладание тех полоролевых качеств, которые соответствуют типу их полоролевой идентичности.

Девятый столбец табл. 1 содержит средние значения коэффициента маскулинности/фемининности (IS) четырех групп женщин. В соответствии с ключом, чем выше уровень фемининности, тем выше значение IS по шкале справа от нуля, чем выше уровень маскулинности, тем ниже значение IS по шкале слева от нуля, чем ближе значение IS к нулю, тем выше уровень андрогинности индивида. В группе женщин с фемининным типом полоролевой идентичности IS = 1,294, в группе женщин с андрогинным типом с тенденцией к фемининности IS = 0,477, в группе женщин с андрогинным типом с тенденцией к маскулинности IS = -0,338, в группе женщин с диффузным типом полоролевой идентичности IS = 0,456. Данные значения IS, в соответствии с теорией андрогинности С. Бем, позволяют говорить о степени выраженности мужских и женских черт у испытуемых.

В табл. 2 представлены средние значения результатов исследования компонентов сексуального поведения испытуемых, полученных с помощью опросника установок к сексу Г. Айзенка.

Таблица 2

**Результаты исследования испытуемых
по основным шкалам опросника Г. Айзенка**

Группы женщин	Возр	Основные шкалы опросника Г. Айзенка										
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
ДТ ПРИ	31,5	7,3	6,4	3,6	4	4,1	1,4	2,9	2,9	3,7	2,9	1,5
АТ ПРИ с ТМ	34,6	8,6	8,3	4,3	5,7	5,5	1,1	1,6	3,3	4,2	5,1	2,6
АТ ПРИ с ТФ	35,9	6,8	8,6	3,3	3,6	3,5	1	2,8	2,9	4,2	3,8	1,9
ФТ ПРИ	32,2	8	6,9	3	3,5	3,9	1,6	2,4	3,2	4	3,9	1,4

Условные обозначения форм сексуального поведения женщин (шкалы опросника Г. Айзенка):

I – шкала «Терпимость»; II – шкала «Удовлетворённость»; III – шкала «Невротический секс»; IV – шкала «Безличный секс»; V – шкала «Порнография»; VI – шкала «Сексуальная застенчивость»; VII – шкала «Стыдливость»; VIII – шкала «Сексуальное отвращение»; IX – шкала «Сексуальное возбуждение»; X – шкала «Физический секс»; XI – шкала «Агрессивный секс».

Для женщин, имеющих андрогинный тип полоролевой идентичности с тенденцией к маскулинности, характерно сексуальное поведение, при котором они:

- удовлетворены своей сексуальной жизнью (шкала II «Удовлетворенность»; 8,3);
- чаще других женщин испытывают беспокойство, конфликт между влечениями и внутренними запретами, дисбаланс в поведении, выраженный возможными невротическими реакциями (шкала III «Невротический секс»; 4,3);
- обесценивают своего сексуального партнера-мужчину, видя в нем не личность, а лишь сексуальный объект, с помощью которого можно получать сексуальное удовлетворение (шкала IV «Безличный секс»; 5,7);
- проявляют интерес к разглядыванию рисунков и фотографий порнографического характера, больше уделяют внимание вербальным описаниям сексуальных сцен (шкала V «Порнография»; 5,5);
- реагируют с отвращением (с раздражением, с подавлением невротических реакций) на некоторые сексуальные (возможно, излишне нежные ласки) проявления любящего партнера (шкала VIII «Сексуальное отвращение»; 3,3);
- делают акцент на акте сексуального общения, увлекаясь лишь физической стороной секса (шкала X «Физический секс»; 5,1);
- в отношениях с партнером демонстрируют уверенность в своих возможностях, склонны к проявлению враждебности и агрессивности, подавлению и подчинению себе партнера (шкала XI «Агрессивный секс»; 2,6).

Для женщин, имеющих андрогинный тип полоролевой идентичности с тенденцией к фемининности, характерно сексуальное поведение, при котором они:

- придерживаются более типичного для женщины взгляда на сексуальные отношения, при котором не одобряют в большинстве случаев проявление аморальности (шкала I «Терпимость»; 6,8);
- удовлетворены своей сексуальной жизнью (шкала II «Удовлетворенность»; 8,6);

– менее проявляют интерес к разглядыванию рисунков и фотографий порнографического характера по сравнению с другими женщинами (шкала V «Порнография»; 3,5);

– не испытывают ощущения нервозности, смущения, не проявляют застенчивости в присутствии лиц противоположного пола (шкала VI «Сексуальная застенчивость»; 1).

Для женщин, имеющих фемининный тип полоролевой идентичности, характерно сексуальное поведение, при котором они:

- менее других женщин испытывают беспокойство, дисбаланс в поведении, выраженный у представительниц других групп возможными невротическими реакциями (шкала III «Невротический секс»; 3);
- относятся к сексуальному партнеру, к его личностным качествам с подчеркнутым вниманием (шкала IV «Обезличенный секс»; 3,5);
- более склонны испытывать ощущения нервозности и смущения в присутствии лиц противоположного пола по сравнению с другими женщинами (шкала VI «Сексуальная застенчивость»; 1,6);
- реагируют с отвращением на некоторые сексуальные проявления (возможно, нестандартные для данной группы женщин, излишне грубые сексуальные ласки) любимого партнера (шкала VIII «Сексуальное отвращение»; 3,2);
- менее склонны к проявлению враждебности и агрессивности, подавлению и подчинению себе партнера (шкала XI «Агрессивный секс»; 1,4).

Для женщин, имеющих диффузный тип полоролевой идентичности, характерно сексуальное поведение, при котором они:

- недостаточно удовлетворены своей сексуальной жизнью как одной из сфер проявления тайных желаний и глубинных эмоций (шкала II «Удовлетворенность»; 6,4);
- чаще других женщин испытывают чувство стыдливости в сексуальных отношениях, проявляют меньшую активность в ситуации сексуального контакта (шкала VII «Щепетильность, стыдливость»; 2,9);

– менее склонны реагировать с отвращением на некоторые сексуальные проявления партнера по сравнению с другими женщинами (шкала VIII «Сексуальное отвращение»; 2,9);

– чаще других женщин испытывают сложности в возникновении сексуального возбуждения (шкала IX «Сексуальное возбуждение»; 3,7);

– акцентируют свое внимание не на телесной стороне отношений, а на других аспектах отношений любви (шкала X «Физический секс»; 2,9).

В табл. 3 представлены средние значения результатов исследования испытуемых по дополнительным шкалам опросника установок к сексу Г. Айзенка.

Таблица 3

Результаты исследования испытуемых по дополнительным шкалам опросника Г. Айзенка

Группы женщин	Возр.	Дополнительные шкалы опросника Г. Айзенка					
		НСО	ЧСО	СФ	О	СЖ	ВМЭР
ДТ ПРИ	31,5	17,5	4,2	2,4	3,9	7,2	4,2
АТ ПРИ с ТМ	34,6	16,7	4,6	1,5	5,5	5,5	3
АТ ПРИ с ТФ	35,9	17,7	4,8	1,9	5	4,9	3,4
ФТ ПРИ	32,2	18,8	4,5	1,8	5	5,8	3,9

Условные обозначения дополнительных шкал опросника Г. Айзенка:

НСО – шкала «Начало сексуальных отношений» (возраст); ЧСО – шкала «Частота сексуальных отношений»; СФ – шкала «Состояние фригидности»; О – шкала «Наличие оргазма»; СЖ – шкала «Сила сексуального желания»; ВМЭР – шкала «Влияние морали, эстетики и религии на сексуальность».

Результаты исследования испытуемых по дополнительным шкалам Г. Айзенка из табл. 3 показывают, что андрогинные женщины с тенденцией к маскулинности вступают в сексуальные отношения в более раннем возрасте (НСО, 16,7) по сравнению с андрогинными женщинами с тенденцией к фемининности (НСО, 17,7), женщинами с диффузным типом полоролевой идентичности (НСО, 17,5) и с фемининными женщинами (НСО, 18,8).

Показатели частоты сексуального общения (ЧСО) в среднем у всех категорий женщин примерно одинаковы и составляют до 4-х сексуальных контактов в неделю. Однако следует отметить, что андрогинные женщины с тенденцией к маскулинности (ЧСО, 4,6) и с тенденцией к фемининности (ЧСО, 4,8) в идеале предпочитают иметь сексуальное общение несколько чаще, чем более фемининные женщины (ЧСО, 4,5) и женщины с диффузным типом полоролевой идентичности (ЧСО, 4,2).

Установлено, что в своей сексуальной жизни андрогинные женщины с тенденцией

к маскулинности испытывают меньше проблем с проявлением оргазмической реакции, т. е. испытывают оргазм несколько чаще (О, 5,5), чем более фемининные женщины (О, 5) и женщины с диффузным типом полоролевой идентичности (О, 3,9) и, следовательно, состояние фригидности у более маскулинных женщин возникает реже (СФ, 1,5) по сравнению с остальными женщинами (СФ: АТ ПРИ с ТФ, 1,9; ФТ ПРИ, 1,8; ДТ ПРИ, 2,4).

В ходе исследования установок к сексу было выявлено, что женщины с диффузным типом полоролевой идентичности оценивают свою силу сексуального желания выше (СЖ, 7,2), чем андрогинные и фемининные женщины (СЖ: АТ ПРИ с ТМ, 5,5; АТ ПРИ с ТФ, 4,9; ФТ ПРИ, 5,8). Это вызвано, по всей видимости, тем, что женщины с диффузной полоролевой идентичностью бессознательно стремятся познать свою женскую идентичность через телесность и острые положительные эмоции, которые они могут испытать в сексуальных отношениях. Показатели по шкале «Влияние морали, эстетики и рели-

гии» на сексуальность (ВМЭР) у андрогинных женщин с тенденцией к маскулинности несколько ниже (ВМЭР, 3), чем у более фемининных женщин (ВМЭР: АТ ПРИ с ТФ, 3,4; ФТ ПРИ, 3,9) и женщин с диффузным типом полоролевой идентичности (ВМЭР, 4,2), что свидетельствует о более сильном влиянии на последних моральных правил, норм и религиозных догматов, привитых воспитанием.

С целью доказательства выдвинутой гипотезы были проведены корреляционное и факторное исследования.

Результаты корреляционного исследования. В ходе корреляционного анализа использовался коэффициент корреляции Пирсона (r).

В результате корреляционного исследования установлено, что компоненты независимой переменной «полоролевая идентичность» имеют различное влияние на компоненты зависимой переменной «сексуальное поведение».

1. По шкале «Терпимость» (I) отмечается низкая отрицательная корреляция компонентов независимой и зависимой переменных у всех групп женщин. Это означает, что с увеличением уровня маскулинности (приобретения женщинами мужских черт и мужского стиля поведения) у всех женщин, независимо от их полоролевой идентичности, снижается уровень устойчивости к морально-нравственной стороне сексуальных отношений. Этот феномен более характерен для женщин с ДТ ПРИ ($r = -0,35$) и женщин с АТ ПРИ с ТМ ($r = -0,30$), ввиду более характерной для этих групп женщин амбивалентности. Более устойчивыми к морально-нравственной стороне сексуальных отношений являются женщины с АТ ПРИ с ТФ ($r = -0,03$), имеющие более сбалансированный тип полоролевой идентичности с небольшим преобладанием фемининности.

2. По шкале «Удовлетворённость» (II) у большинства групп женщин отмечается низкая положительная корреляция компонентов исследуемых переменных, за исключением группы женщин с ФТ ПРИ, у которых

низкий уровень отрицательной корреляции переменных ($r = -0,28$). Это означает, что увеличение и так высокого уровня фемининности у женщин с ФТ ПРИ будет крайне негативно сказываться на удовлетворённости ими своими сексуальными отношениями. Практически мало повлияет повышение уровня фемининности в структуре полоролевой идентичности на удовлетворённость сексуальными отношениями у женщин с АТ ПРИ с ТФ ($r = 0,01$). У женщин с ДТ ПРИ ($r = 0,33$) и АТ ПРИ с ТМ ($r = 0,27$), напротив, развитие фемининных качеств улучшит качество их сексуальных отношений.

3. По шкале «Невротический секс» (III) за исключением женщин с ДТ ПРИ у остальных групп женщин отмечается низкая положительная корреляция компонентов исследуемых переменных. Как показывают результаты корреляционного исследования, увеличение уровня фемининности (обретение ими своей женственности) у женщин с ДТ ПРИ приводит к снижению невротических реакций во время секса ($r = -0,53$). Прямо противоположный результат наблюдается у трех других групп женщин, из которых наибольшее влияние на проявление невротических реакций во время сексуальных отношений оказывает повышение уровня фемининности у группы женщин с АТ ПРИ с ТФ ($r = 0,36$).

4. По шкале «Безличный секс» (IV) у группы женщин с ДТ ПРИ наблюдается высокая отрицательная корреляция переменных ($r = -0,71$), у женщин с АТ ПРИ с ТМ и женщин с АТ ПРИ с ТФ – низкая отрицательная корреляция. В данном случае следует отметить такой факт: при повышении уровня фемининности у женщин из перечисленных групп в определенной степени повышается уровень эмпатии к партнеру и значительно пропадает желание относиться к нему как к сексуальному объекту (при этом у женщин с ДТ ПРИ эти процессы в значительной степени выше, чем у представительниц двух других групп). У женщин с ФТ ПРИ, напротив, есть желание быть более «маскулинными» в постели, иначе высокий уровень их фемининности

обуславливает желание видеть в своем сексуальном партнере лишь объект, с которым надо вступать в сексуальные отношения, исполняя свой «супружеский долг».

5. Шкала «Порнография» (V). За исключением женщин с ДТ ПРИ ($r = 0,00$), для остальных групп женщин при смещении структуры полоролевой идентичности к «фемининному» полюсу снижается стремление просматривать изображения порнографического характера. При этом у женщин с АТ ПРИ с ТМ – значительно ($r = -0,65$), у женщин с ФТ ПРИ – отмечается лишь тенденция ($r = -0,12$) ввиду наличия у них и так высокого уровня фемининности.

6. Шкала «Сексуальная застенчивость» (VI). В группах женщин с ДТ ПРИ ($r = 0,04$), женщин с АТ ПРИ с ТМ ($r = 0,24$), и особенно ярко это проявляется в группе женщин с АТ ПРИ с ТФ ($r = 0,43$), отмечается следующее: чем больше данные женщины проявляют в сексуальных отношениях фемининные качества (становятся более женственными, нежными), тем выше уровень их застенчивости. Это говорит о таких особенностях сексуального поведения, как ощущении нервозности в присутствии лиц противоположного пола, смущении, когда заходит речь о сексе. Такая пугливость в сексуальных отношениях может быть связана с темой запрета, наложенного родителями в процессе воспитания, с чрезмерной озабоченностью самой женщины по поводу собственных неправильных сексуальных реакций, обнаружения ее недостатков в данной сфере, а также с предшествующим негативным опытом в сексуальных отношениях. У женщин с ФТ ПРИ наблюдается обратное, при большем проявлении женственности и нежности в сексуальном контакте уровень их застенчивости снижается ($r = -0,23$). Вероятно, это можно объяснить тем, что есть некая граница фемининности, превышая которую ставшие уже гиперфемининными качества начинают проявляться как завуалированные маскулинные, при проявлении которых снижается уровень застенчивости.

7. По шкале «Щепетильность, стыдливость» (VII) наблюдается разного уровня положительная корреляция между переменными. У женщин с АТ ПРИ с ТФ отмечается средняя положительная корреляция ($r = 0,46$), что свидетельствует о сексуальной пассивности, нежелании думать о сексе, даже возможном запрете любых размышлений на эту тему. Чем менее у женщин развита фемининность в системе полоролевой идентичности, тем ниже становится показатель корреляции по данной шкале. Так, у женщин с ДТ ПРИ ($r = 0,16$) и женщин с АТ ПРИ с ТМ ($r = 0,03$) показатель «стыдливости» в несколько раз ниже, чем у фемининных женщин. Эти данные свидетельствуют о том, что у менее фемининных женщин отмечается меньшая щепетильность и стыдливость в сексуальных отношениях. Такие женщины предпочитают сексуальную активность и не испытывают трудностей и стеснений как в разговорах о сексе, так и непосредственно в самих сексуальных контактах.

8. По шкале «Сексуальное отвращение» (VIII) у женщин с ДТ ПРИ ($r = 0,31$) и у женщин с АТ ПРИ с ТФ ($r = 0,01$) отмечается низкая положительная корреляция. Это свидетельствует о том, что если женщины данных групп проявляют более женственные качества, то это приводит к отвращению на любые формы сексуальных проявлений, в том числе и нежность любящего партнера. Причиной данного поведения может быть как неправильное поведение сексуального партнера – грубость, бестактность, явная демонстрация «похоти» или какие-то личностные качества, которые вызывают неприязнь женщины и нежелание иметь с этим мужчиной интимные отношения (психотравмирующая ситуация, связанная с изменой партнера, долгое отсутствие оргазма, предложение партнером неприемлемых форм половых контактов), так и причины другого плана, например, неадекватное отношение к сексу как результат неправильного полового воспитания или жестких религиозных установок.

У женщин с АТ ПРИ с ТМ отмечается низкая отрицательная корреляция между компонентами независимой и зависимой переменных ($r = -0,11$), что свидетельствует о возможных реакциях отвращения на сексуальное поведение партнера вследствие усиления собственных фемининных проявлений в сексуальных отношениях. Одной из причин данного поведения может быть наличие нарастающего конфликта между супругами, что влечет за собой негативные чувства, которые способствуют исчезновению у женщин с тенденцией к маскулинности интереса к интимной близости, а в отдельных случаях – отвержению сексуального партнера. И наоборот, проявление женщинами этой группы более маскулинных качеств будет способствовать толерантному отношению к сексуальным фантазиям партнера и его действиям.

9. По шкале «Сексуальное возбуждение» (IX) отмечается отрицательная корреляция между компонентами изучаемых переменных у женщин с АТ ПРИ с ТМ ($r = -0,44$), у женщин с ФТ ПРИ ($r = -0,31$) и у женщин с ДТ ПРИ ($r = -0,28$). Это может означать следующее: при ослаблении данными женщинами проявлений маскулинности (например, лидерства в сексуальных отношениях) одновременно происходит увеличение фемининности (усиление пассивности), что значительно снижает уровень сексуального возбуждения. Это также может быть обусловлено неготовностью или неспособностью партнера взять на себя лидерство в ситуации сексуального контакта, а также его неумелыми действиями в конкретной ситуации или внутренними установками самих женщин.

10. По шкале «Физический секс» (X) положительная корреляция между компонентами переменных отмечается у женщин с АТ ПРИ с ТФ ($r = 0,52$) и у женщин с ФТ ПРИ ($r = 0,18$). Так, женщины первой группы при более ярком проявлении во время сексуальных контактов своих фемининных качеств, способствующих наибольшей «отдаче» сексуальному процессу и доверительному «вручению» себя своему партнеру получают более

запоминающиеся телесные ощущения. В то же самое время для этой группы женщин может быть характерно увлечение физической стороной секса.

Более фемининные женщины (женщины с ФТ ПРИ), руководствуясь моральными принципами и стереотипами, не в полной мере испытывают радость ощущений, получаемых от сексуального общения с мужчинами.

У женщин с АТ ПРИ с ТМ ($r = -0,30$) и у женщин с ДТ ПРИ ($r = -0,39$), в отличие от первых двух рассмотренных групп женщин, отмечается низкий уровень отрицательной корреляции между изучаемыми компонентами переменных. Это может объясняться следующим: для того, чтобы снизить уровень увлеченности физической стороной секса, женщинам этих групп необходимо научиться проявлять свою женственность (т. е. повысить уровень фемининности).

11. Шкала «Агрессивный секс» (XI). Средняя положительная корреляция отмечается между компонентами изучаемых переменных у женщин с ФТ ПРИ ($r = 0,49$), а это говорит о том, что, чем ярче женщины проявляют свою фемининность (отклоняются от своей истинной сути), тем более они склонны к агрессивным (неадаптивным) реакциям по отношению к своему сексуальному партнеру. У менее фемининных женщин – женщин с АТ ПРИ с ТФ ($r = -0,34$) и женщин с ДТ ПРИ ($r = -0,13$) показатель корреляции приобретает отрицательный знак. Это свидетельствует о том, что проявление этими женщинами более женственных качеств в сексуальных отношениях будет способствовать снижению агрессивных устремлений и проявлений во время сексуальных ласк со своим партнером.

12. Шкала «Начало сексуальных отношений» (НСО) показывает следующее: менее маскулинные женщины начинают сексуальную жизнь в более позднем возрасте по сравнению с более маскулинными. Это объясняется тем, что более маскулинные женщины обладают такими качествами, как проявление лидерства в сексуальных отношениях, и зачастую сами становятся инициаторами

своего сексуального дебюта; имеют более современные взгляды на сексуальные отношения; менее зависимы от предрассудков и старомодных суждений.

13. В соответствии с данными по шкале «Частота сексуальных отношений» (ЧСО) можно утверждать следующее:

- низкая положительная корреляция отмечается у нескольких групп женщин, за исключением группы женщин с ДТ ПРИ, что можно интерпретировать следующим образом – при осознании женщинами своей женской самости (фемининности) и своей сексуальности повышается уровень сексуального желания и, как следствие, увеличивается частота сексуальных отношений;

- женщины с диффузным типом полоролевой идентичности показывают средний уровень отрицательной корреляции ($r = -0,42$); это свидетельствует о том, что из-за своей амбивалентной идентификации затруднена идентификация себя как женщины, и повышение уровня своей фемининности влечет за собой снижение желания вступать в сексуальные отношения, что снижает их частоту.

14. Шкалы «Состояние фригидности» (СФ) и «Оргазм» (О):

- у всех групп женщин наблюдается тенденция: при усилении желания проявить больше женственности из-за различных причин возникает ощущение холодности в сексуальных отношениях, при этом у женщин с АТ ПРИ с ТМ ($r = 0,38$) и у женщин с ФТ ПРИ ($r = 0,23$) этот феномен наблюдается чаще;

- у трех групп женщин, за исключением женщин с АТ ПРИ с ТМ ($r = -0,66$), наблюдается усиление оргазмической реакции (положительная корреляция) при проявлении в сексуальных отношениях более ярких женских качеств; у женщин с АТ ПРИ с ТМ усиление женственности во время сексуального контакта с большой степенью вероятности может привести к нарушению оргазмической реакции или отсутствию оргазма.

15. Анализируя корреляционные связи по шкалам «Сила сексуального желания»

(СЖ) и «Влияние морали, этики и религии» (ВМЭР) следует отметить:

- у всех четырех групп женщин отмечается низкая отрицательная корреляция по шкале СЖ ($r = -0,31$; $r = -0,34$; $r = -0,22$; $r = -0,11$), это может говорить о том, что снижение уровня фемининности и увеличение уровня маскулинных качеств приводит к усилению силы сексуального желания;

- средняя положительная корреляция по шкале ВМЭР у трех групп испытуемых позволяет сделать вывод о том, что, за исключением группы женщин с АТ ПРИ с ТФ ($r = -0,08$), у женщин этих групп их полоролевая идентичность способствует укреплению морально-нравственных воззрений и религиозных догматов и положительному их влиянию на сексуальные отношения.

Таким образом, на основании корреляционного анализа можно сделать вывод о том, что влияние типов полоролевой идентичности замужних женщин на их сексуальное поведение доказано.

Результаты факторного исследования.

При проведении факторного анализа использовался метод главных компонент, метод вращения – варимакс с нормализацией Кайзера; факторные нагрузки, имеющие значения меньше 0,450 были подавлены.

За исключением группы женщин андрогинного типа полоролевой идентичности с тенденцией к фемининности (в этой группе выявлено 6 факторов), в остальных 3 группах женщин-испытуемых выявлено по 7 факторов; при этом доминирующие позиции в системе факторов (первые два фактора) во всех группах принадлежат факторам, включающим в себя компоненты независимой переменной «полоролевая идентичность», такие, как маскулинность, фемининность и коэффициент маскулинности-фемининности. Остальные позиции (с 3-й по 7-ю) занимают факторы, включающие в себя компоненты, описывающие возраст и различные аспекты сексуального поведения. Кратко опишем полученные в ходе исследования факторы.

Фактор 1 (в каждой группе испытуемых) был назван «фактором доминирующих ком-

понентов полоролевой идентичности» в соответствии с наибольшей нагрузкой включенных в данный фактор компонентов (М, Ф, IS). Так, у женщин с диффузным типом полоролевой идентичности (ДТ ПРИ) в первый фактор вошли такие компоненты, как Ф (0,903), IS (0,697); у андрогинных женщин с тенденцией к маскулинности (АТ с ТМ) – Ф (0,989), М (0,794); у андрогинных женщин с тенденцией к фемининности (АТ с ТФ) – Ф (0,988), IS (0,803); у фемининных женщин (ФТ ПРИ) – М (-0,989), IS (0,778).

Фактор 2. (универсально для каждой группы испытуемых) был назван «фактором компонентов полоролевой идентичности, обуславливающих ведущую составляющую сексуального поведения».

У женщин с ДТ ПРИ компонентом полоролевой идентичности, оказывающим положительное влияние на ведущие составляющие сексуального поведения (которые вошли в отдельный фактор 3), является компонент маскулинности М (0,941).

У женщин АТ ПРИ с ТМ таким компонентом является незначительное доминирование маскулинности в структуре полоролевой идентичности (IS, -0,951), что оказывает негативное влияние на такие элементы сексуального поведения, как достижение оргазма (О, 0,744), силу сексуального желания (СЖ, 0,510), степень сексуального возбуждения (IX, 0,700).

У женщин АТ ПРИ с ТФ любые формы повышения уровня маскулинности (М, 0,990) снижают степень устойчивости к морально-нравственной стороне сексуальных отношений (I, -0,646), что может привести к внебрачным связям.

У женщин с ФТ ПРИ именно высокий уровень их фемининности (Ф, 0,992) ослабляет силу сексуального желания (СЖ, -0,696).

На основании проведенного анализа первых двух факторов можно сделать вывод о том, что «фактор доминирующих компонентов полоролевой идентичности» и «фактор компонентов полоролевой идентичности, обуславливающих ведущую составляющую сексуального поведения» играют первосте-

пенную роль в системе рассчитанных факторов. Таким образом, полоролевая идентичность замужних женщин оказывает непосредственное влияние на их сексуальное поведение.

Факторы 3-7 включают в себя компоненты зависимой переменной «сексуальное поведение», описывающие формы сексуального поведения замужних женщин. Так, фактор 3 для групп женщин-испытуемых различен, однако именно в этом факторе содержатся компоненты сексуального поведения, которые, в первую очередь, подвержены влиянию типа полоролевой идентичности женщин.

Рассмотрим последовательно распределение факторов для каждой группы женщин.

1) Для женщин с диффузным типом полоролевой идентичности фактор 3 – это «фактор отношения к сексуальному общению». В данной группе достаточно высокий уровень щепетильности и стыдливости (VII, -0,800) ослабляет интерес к таким проявлениям сексуального поведения, как терпимость, т. е. излишне высокий уровень морально-нравственной стороны сексуальных отношений, возможно, необоснованных личных запретов, амбивалентности отношения к сексу (I, 0,868), частота сексуальных отношений (ЧСО, 0,857) уровень интереса к просмотру порнографического материала, а возможно, и неудовлетворенность своим телом (V, 0,746), степень сексуального возбуждения (IX, 0,700), проявление невнимания к партнеру, холодность к нему (IV, 0,617).

Фактор 4 – «фактор оргазмических реакций» показывает «диффузность» (амбивалентность) сексуальных проявлений у женщин данной группы. Так, например, для них является важным достижение оргазма (О, 865) и в то же время сила сексуального желания (СЖ, 0,667) недостаточно высока и этот компонент в структуре фактора не расположен близко с компонентом «оргазм». Кроме этого, частым явлением у женщин данной группы возникает состояние фригидности, холодности (СФ, -0,673) и отмечается увлеченность телесной стороной отношений (X, 0,742), что является, как отмечалось ра-

нее, стремлением через телесные ощущения осознать свою самость.

Значительное влияние на сексуальные отношения женщин рассматриваемой группы оказывает фактор 5 – «мораль, нравственность и религиозные убеждения» (ВМЭР, 0,911).

Фактор 6 – «фактор неадаптивных проявлений» подчеркивает негативное влияние диффузной идентичности. Для женщин данной группы характерна неудовлетворенность сексуальными отношениями из-за сексуальной застенчивости (VI, 0,797), что приводит к проявлению ими невротических реакций (III, 0,616) во время сексуальных контактов. По всей видимости, секс для данной категории женщин превращается из удовольствия в подобие пытки, которую просто надо пережить.

Фактор 7 – «фактор негативного сексуального дебюта». Поскольку такие компоненты, как начало сексуальной отношений (НСО, 0,828) и агрессивный секс (XI, 0,712) включены в один фактор, можно предположить, что сексуальный дебют у женщин, включенных в данную группу, скорее всего имел характер неприятного опыта или происходил в форме сексуального насилия.

2) Для женщин с андрогинным типом полоролевой идентичности с тенденцией к маскулинности фактор 3 – это «фактор неадаптивных форм сексуального поведения», которые обусловлены типом их полоролевой идентичности. Для женщин данной группы характерно проявлять в сексуальных отношениях такие неадаптивные формы сексуального поведения, как агрессивность (XI, 0,942), невниманье и холодность по отношению к своему сексуальному партнеру, бессознательное использование его как объект для получения сексуального удовлетворения (IV, 0,853), невротические реакции (импульсивность, безрассудство) (III, 0,737).

Фактор 4 – «особенности сексуальных предпочтений» показывает высокую степень удовлетворенности женщин данной группы (II, 0,919) от сексуальных ласк, форм сексуального поведения, которые могут вызывать

у других женщин сексуальное отвращение (VIII, -0,921) и стыд (VII, -0,624).

Фактор 5 – «фактор отсутствия ложного чувства стыда» (VI, 0,914) позволяет наслаждаться женщинам данной группы телесной стороной сексуальных отношений (X, -0,778) и не задумываться при этом о морально-нравственной стороне сексуальных отношений (в том числе и внебрачных сексуальных отношений) (I, -0,715).

Фактор 6 – «фактор не обусловленности сексуального желания моралью» показывает независимость для данной группы женщин частоты их сексуальных отношений (ЧСО, 0,791) от запретов морали и нравственности, от религиозных догматов (ВМЭР, -0,747).

Фактор 7 – «фактор сексуального тонуса», свидетельствует о том, что женщины данной группы любят секс, практически всегда получают от него удовольствие и им не свойственно состояние фригидности (СФ, 0,689).

3) Для женщин с андрогинным типом полоролевой идентичности с тенденцией к фемининности фактор 3 – это «фактор степени сексуального возбуждения и удовлетворенности сексом» (IX, 0,916) и (II, 0,911), которые обусловлены периодически возникающим состоянием сексуальной холодности в процессе сексуальных отношений (СФ, -0,819), возможно из-за сексуального отвращения, вызванного неадаптивными (неприемлемыми для женщины) действиями сексуального партнера (VIII, -0,718).

Фактор 4 – «фактор неадаптивных форм сексуального поведения». Свидетельствует о невысокой степени стремления женщин данной группы к достижению удовольствия в сексе (О, 0,611) (возникновение сексуального желания в момент хорошего настроения и т.д.), что зачастую способствует таким проявлениям, как невниманье к сексуальным потребностям сексуального партнера (IV, 0,917), отсутствие креативности и вдохновения в сексе, увлеченность только физической составляющей (X, 0,776).

Фактор 5 – «фактор морально-нравственного контроля неадаптивных проявлений в сексе». Для женщин рассматриваемой груп-

пы не характерны проявления агрессивности в сексуальных отношениях (XI, -0,888), что обусловлено сильным влиянием морально-нравственных и религиозных устоев (ВМЭР, 0,824).

Фактор 6 – «фактор невротических проявлений». Женщины данной группы редко, но проявляют невротические реакции в сексуальных отношениях (III, 0,621), однако если эти проявления возникают, то, как правило, они могут быть обусловлены смущением или застенчивостью сексуальных партнеров (VI, 0,802).

4) Для женщин с фемининным типом полоролевой идентичности фактор 3 – это «фактор обусловленности неадаптивных реакций в сексуальных отношениях» невротичности (III, 0,884), застенчивости (VI, 0,795) и наличием сексуальной пассивности вследствие сформированных в процессе психосексуального развития запретов на какие-либо мысли о сексе (VII, -0,538).

Фактор 4 – «фактор сексуальной удовлетворенности». Как показывает структура данного фактора, у женщин этой группы отсутствует ярко выраженное стремление к получению сексуального удовлетворения, они удовлетворены нечастыми сексуальными отношениями (ЧСО, 0,535), удовлетворены тем, что есть (II, 0,872). Для них характерно четко следовать морально-нравственным установкам в сексуальных отношениях (I, 0,872).

Фактор 5 – «фактор неприятия неадаптивных проявлений в сексе». Структура данного фактора позволяет утверждать, что стремление к получению «плотского» наслаждения (X, 0,619) вызывает у женщин данной группы агрессию по отношению к такого рода сексуальным отношениям (XI, -0,830), сексуальное отвращение (VIII, -0,620) и вызывает состояние сексуальной холодности (СФ, -0,541).

Факторы 6 и 7 – «фактор низкого уровня сексуального возбуждения» и «фактор оргазмической реакции». Занимая последние позиции в структуре факторов, эти факторы свидетельствуют о низком уровне у них сек-

суального возбуждения (IX, -0,794) и незначимости в их жизни оргазмической реакции (О, 0,848).

Таким образом, на основании проведенного факторного анализа можно утверждать, что в системе рассчитанных факторов компоненты полоролевой идентичности занимают главенствующее положение (1, 2 факторы), что доказывает обусловленность сексуального поведения замужних женщин типами полоролевой идентичности.

Осуществив в ходе эмпирического исследования количественный и качественный анализ влияния полоролевой идентичности замужних женщин на их сексуальное поведение, можно утверждать: гипотеза исследования, согласно которой различные типы полоролевой идентичности по-разному влияют на сексуальное поведение замужних женщин: свойственные для женщин типы полоролевой идентичности (фемининный и андрогинный с тенденцией к фемининности) обуславливают проявления адаптивной формы сексуального поведения (адекватное отношение к сексуальному партнеру, отсутствие сексуальных невротических реакций, более полная удовлетворенность сексуальными отношениями), тогда как несвойственные для женщин типы полоролевой идентичности (диффузный и андрогинный с тенденцией к маскулинности) обуславливают проявления неадаптивной формы сексуального поведения, подтверждена полностью.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Высокая мотивация испытуемых, проявленная в процессе психодиагностического исследования по заявленной проблеме, подчеркивает актуальность, а некоторая противоречивость полученных результатов – перспективность темы исследования.

2. Работа с опросником С. Бем показала, что использование показателя маскулинности/фемининности (IS) явилось недостаточным для точного разделения испытуемых по типам полоролевой идентичности. Поэтому нами был применен кластерный анализ, в

ходе которого часть испытуемых женщин, попавших в зону андрогинии (с коэффициентом маскулинности/фемининности $IS = 0,456$), продемонстрировали низкие показатели соотношения маскулинности ($M = 19\%$; 19% из 100% возможных маскулинных качеств) и фемининности ($\Phi = 39\%$, 39% из 100% возможных фемининных качеств), что позволило нам классифицировать данную группу респондентов как женщин с диффузным типом полоролевой идентичности.

3. Фемининные и андрогинные женщины с тенденцией к фемининности, а также женщины с диффузным типом полоролевой идентичности имеют «типичные для женщин» взгляды на сексуальные отношения, придерживаются принятым в обществе моральным правилам, имеют взгляды брачного обета и не желают покровительствовать аморальности в любых ее проявлениях.

4. Женщины с диффузным типом полоролевой идентичности недостаточно удовлетворены своей сексуальной жизнью как показателем переживаний, проявляют в сексуальных отношениях невротические реакции, реакции отвращения на любые сексуальные действия партнера, относятся к нему лишь как к сексуальному объекту, проявляя невнимательность к его личностным характеристикам. Для женщин данной группы характерно начало сексуальной жизни в более позднем возрасте (по сравнению с андрогинными и фемининными женщинами) в силу влияния морали, этики, религии на сферу сексуальных отношений, ослабление сексуального возбуждения и желание иметь более частое сексуальное общение при увеличении уровня фемининности.

5. Андрогинные женщины с тенденцией к маскулинности проявляют такие неадаптивные формы сексуального поведения, как чрезмерная нервозность (невротические реакции) и беспокойство, что выражается в дисбалансе поведения, обесценивание своего сексуального партнера (поиск собственного чувственного удовлетворения), увлеченность физической стороной секса (акцент на акте сексуального общения). При этом

женщины данной группы склонны к разглядыванию материалов порнографического содержания, чаще испытывают оргазмические реакции в ситуации сексуального контакта, однако недостаточно удовлетворены своей сексуальной жизнью как показателем переживаний.

6. Андрогинные женщины с тенденцией к фемининности испытывают смущение, ощущение нервозности в присутствии лиц противоположного пола, проявляют невротические реакции в сексуальных отношениях, обусловленные конфликтом между влечениями и внутренними запретами, относятся к своему партнеру с подчеркнутым вниманием, увлекаются физической (телесной) стороной секса, испытывают трудности и стеснение как в разговорах о сексе, так и непосредственно в самих сексуальных контактах.

7. Фемининные женщины имеют взгляды брачного обета и не желают покровительствовать аморальности в любых ее формах, относятся к своему партнеру с подчеркнутым вниманием, умеют замечать его личностные качества. Вследствие значительного влияния морали, этики и религии на сферу сексуальных отношений, фемининные женщины склонны увлекаться физической стороной секса (акцентироваться на акте сексуального общения, испытывают сложности в возникновении сексуального возбуждения и проявляют агрессивные импульсы по отношению к партнеру при еще большем увеличении уровня фемининности).

8. В ходе проведения факторного анализа установлено:

– в системе факторов доминирующую позицию занимают фактор 1 «доминирующих компонентов полоролевой идентичности» и фактор 2 «компонентов полоролевой идентичности, обуславливающих ведущую составляющую сексуального поведения», включающие в себя компоненты независимой переменной «полоролевая идентичность», что подчеркивает влияние полоролевой идентичности замужних женщин на их сексуальное поведение;

– последующие факторы включают в себя компоненты зависимой переменной «сексуальное поведение», описывающие формы сексуального поведения замужних женщин.

9. Проведенное исследование подтвердило выдвинутую нами гипотезу о том, что различные типы полоролевой идентичности по-разному влияют на сексуальное поведение замужних женщин.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Денисов А.А. Психология воздействия знаковых систем на половую идентификацию подростков: Автореф. дис. ... канд. псих. наук. – М., 2001. – 20 с.
2. Имелинский К. Сексология и сексопатология / Пер. с польск. – М., 1986. – 424 с.
3. Кон И.С. Введение в сексологию. – М., 1990. – 336 с.
4. Кон И.С. Сексология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2004. – 384 с.
5. Кон И.С. Человеческая сексуальность на рубеже XXI века // Вопросы психологии. – 2001. – № 8. – С. 29-41.
6. Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия / Пер. с нем. – М., 1996. – 591 с.
7. Кришталь В.В., Григорян С.Р. Сексология: Учеб. пособие. – М., 2009. – 879 с.
8. Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии / Пер. с англ. – М., 1998. – 692 с.
9. Пичугина Т.А. Особенности сексуальной культуры в современной России: Социологический анализ / Дис. ...канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 175 с.
10. Потемкина О.Ф. Психология сексуальности (История и методы исследования). – М., 1993. – 76 с.
11. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клёцкиной. – СПб., 2003. – 479 с.
12. Репина Т.А. Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии // Вопросы психологии. – 1987. – № 2. – С. 158-165.
13. Фрейд З. О женственности // Интерес к психоанализу. – Мн., 2004. – 592 с.
14. Хорни К. Женская психология / Пер. с англ. – СПб., 1993. – 224 с.
15. Штарке К., Фридрих В. Любовь и сексуальность до 30 лет / Пер. с нем. – М., 1991. – 383 с.
16. Юнг К.Г. Душа и миф: 6 архетипов / Пер. А.А. Спектор. – Мн., 2004. – 400 с.

УДК 159.923.2

Лимаева Ю.Ю.

Московский государственный областной университет

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВ РОДИТЕЛЕЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СУБКУЛЬТУР

Ju. Limayeva

Moscow State Regional University

FEATURES OF IMAGES OF PARENTS AT REPRESENTATIVES OF SUBCULTURES

Аннотация. В данной статье рассматриваются образы родителей как итог воспитательного воздействия на личность. Сравниваются образы родителей у ярко выраженных представителей субкультур, имеющих внешние атрибуты принадлежности к субкультуре, и обычных молодых людей. Субкультура определяется как социально-психологическое явление адаптации молодых людей к тем проблемам, с которыми они сталкиваются при вхождении в самостоятельную жизнь. Выдвигается гипотеза о том, что особые черты родителей вынуждают молодых людей уходить в субкультуру. Выявлены такие особенности родителей молодых людей, активно включающихся в неформальные объединения, как директивность, враждебность в поведении, а также такие личностные черты, как жесткость, неотзывчивость.

Ключевые слова: образы родителей, родовая, нуклеарная семья, директивность, девиантное поведение, субкультура, толерантность, идентичность.

Abstract. The given article considers the parents' images as a result of their upbringing impact on young men's personality. The article presents the comparison of parents' images inherent to two groups: the group of subculture representatives, demonstrating all the attributes of their subcultures, and the group of ordinary young people. Subculture is defined as a socio-psychological phenomenon of young people's adaptation to the problems of living on their own. The author offers a hypothesis that it is the specific traits of their parents' character that make young people join the subcultures. The article mentions the following features of such young people's parents as: authoritarianism and behavioral hostility; as well as such personal traits as hard-heartedness and rigidity.

Key words: parents' images, extended family, nuclear family, authoritarianism, deviant behaviour, subculture, tolerance, identity.

Исследование психологических особенностей ярких представителей субкультур является актуальным и практически значимым вопросом в условиях современного поликультурного общества. Переход от логики конфликта к логике толерантности – это необходимый этап в развитии общества. Альтернативная этика толерантности предполагает уход от абсолютной противоположности *добра и зла* к идеям синергизма: гармоничного сосуществования различных взглядов; примирения с чуждым при сохранении собственной позиции личности [1]. Вследствие этого особое значение приобретает изучение психологических особенностей людей, относящих себя к различным субкультурам – особой совокупности убеждений, ценностей, норм, внешних атрибутов принадлежности внутри массовой культуры. Понимание психологических механизмов, вовлекающих человека в субкультуру, позволит обеспечить оптимальную включенность такой личности в жизнь общества. Особую роль в развитии личности человека – представителя субкультуры – играет семейная ситуация развития.

В работах отечественных и зарубежных психологов подчеркивается исключительное влияние семьи на личность человека (Л.С. Выготский, О.А. Карабанова, В.К. Шабельников, Л.Б. Шнейдер, Э.Г. Эйдемиллер, М. Боуэн, К. Витакер и др.). Среда семьи способствует формированию личностных качеств ребенка, его отношения к себе и другим, формирует привязанности [13]. Особую роль в иерархии структуры семьи занимает эмоционально-психологическая составляющая, которая включает психологический климат в среде семьи, семейную атмосферу, отношения между членами семьи, отношение родителей к детям, создание чувства безопасности для детей и заботу о них. О.А. Карабанова [2] рассматривает систему ориентирующих образов родителей, которая регулирует отношения ребенка с миром и опосредует воздействие на него внешних условий.

В.К. Шабельников [10] исследует влияние семьи на личность человека в логике функционального подхода. Традиционная, родовая семья задает каждому члену индивидуальные функции, которые направляют вектор его активности. Таким образом, каждый член семьи сильнейшим образом детерминирован своим родом и не задумывается о том, чтобы примкнуть к какой-либо субкультуре. Его семья – это субъект, задающий смысл существования и определяющий порядок поведения, мышления. Юноше, подростку в родовой семье доступны те же виды деятельности, что и взрослым членам, ввиду несложного их освоения, поэтому подростковый кризис, взросление, обретение собственной идентичности (а юность – это пора становления эго-идентичности), по мнению Э. Эриксона, будет проходить менее болезненно и выражено. Молодой человек имеет возможность почувствовать свою самостоятельность и экономическую пользу раньше, чем человек из современной городской семьи.

Идентичность, по мнению Л.Б. Шнейдер [12], это сложная психическая реальность, отражающая представления субъекта о самом себе, о собственном, не навязанном пути

развития и сопровождающаяся ощущением личностной определенности, тождественности и целостности. Развитие представлений о своем «Я» невозможно без рефлексии. В становлении этой психической функции важную роль играют родители [7]: отстраненные и директивные, они не дают возможности ребенку для развития рефлексии и построения образа своего «Я», что и приводит к вступлению в субкультуру и выражению «гиперидентичности» при внутреннем незнании ответа на вопрос «кто я?». Построение своей идентичности возможно только в диалоге со значимым другим. По мнению О.В. Хухлаевой, родителям необходимо уметь справиться со своими чувствами, осознавать их, открыто и искренне проявлять: такое поведение воспринимается подростками с уважением, они чувствуют себя в безопасности, так как понимают, что родители не принимают только его отдельные действия, но не его самого. Родителям необходимо уметь проявлять свое отношение к поступкам подростка, чтобы он сумел выстроить адекватную картину своего «Я» и чувствовал себя принятым. Также городская среда, разобщающая семью, приводит к потере функции молодого человека в семье и отсутствию смыслов, поиске новой референтной группы. Среда родовой семьи дает больше возможностей для обретения идентичности.

Современная городская, нуклеарная семья включена в крупные экономические системы производства и уже не имеет такого влияния на членов семьи, как родовая. Члены семьи включены в производственные отношения государства и детерминируются ими. Мотивы профессиональной реализации отрывают людей от семьи. Освоение профессиональной деятельности требует более длительного времени, удлиняется и период взросления, растягиваются нормативные границы подросткового кризиса: среди представителей субкультур не только подростки, но и молодые люди. Человеку трудно обрести свою идентичность ввиду отрыва от семьи и отдаленности во времени освоения профессии. Человек захватывается волнами различных субкультур, которые выполняют психологическую функцию

обретения своего «Я», направления вектора активности. Также директивность родителей, их автономность не дают возможности человеку увидеть себя в глазах значимого другого и понять, кем он является. Таковы возможные причины появления субкультур: распад родовой семьи, директивность и автономность родителей, отсутствие единой воспитательной парадигмы государства.

Субкультура в социологии и культурологии – это часть культуры общества, отличающаяся от преобладающего большинства, а также социальные группы носителей этой культуры. Субкультура может отличаться от доминирующей культуры собственной системой ценностей, языком, манерой поведения, одеждой и другими аспектами. На основании внешних характеристик различают субкультуры, формирующиеся на национальном, демографическом, профессиональном, географическом, возрастном и других основаниях [4]. В данной работе мы будем рассматривать молодёжные субкультуры, сформированные на основе общности музыкальных вкусов, мировоззренческих взглядов. Выделяют такие современные субкультуры, как «аниме», «эмо», «металлисты», «байкеры», «готы» и другие.

Субкультура является функциональным образованием общества, вектором накопившихся напряжений [11]. Пример этому – субкультура «эмо», которая выступает за свободу выражения эмоций и является ответом на эмоциональную холодность западного мира, наличие «дежурной улыбки» и невозможность проявить и обсудить свои эмоции с кем-либо, кроме как с психоаналитиком. Субкультура «аниме», чьи представители увлекаются просмотром японских анимационных мультфильмов, – свидетельство инфантилизации молодежи, удлинения периода взросления ввиду долгого усвоения навыков усложнившейся профессиональной деятельности.

К.Д. Любомирский [3] считает, что жизнь и взросление в неформальных молодёжных объединениях (религиозных, политических, творческих, спортивных) становится актуальной сегодня, когда рост самостоятельных групп связан с крушением идеологической си-

стемы воспитания, а устойчивых новых норм и ценностей общество еще не выработало.

По мнению Л.А. Радзиховского [5], неформальные молодёжные объединения – это социально-психологическое явление, представляющее собой попытку адаптации молодых людей к тем проблемам, с которыми они сталкиваются при вхождении в самостоятельную жизнь в современных конкретно-исторических условиях.

Таким образом, нахождение в субкультуре выполняет функцию адаптации к новой социальной ситуации развития. Однако не все подростки и юноши становятся представителями субкультур – многие приобретают эго-идентичность самостоятельно. Очевидно, что причиной тому некий психологический механизм, побуждающий людей входить в субкультуру. Гипотезой данной работы является предположение, что наличие особой семейной ситуации, определенные психологические характеристики родителей вынуждают бежать молодых людей не «куда», а «откуда» и входить в субкультуру.

В исследовании образов родителей в неформальной подростковой культуре М.В. Розин [7] отмечает мотив «наивности и неразвитости родителей», по мнению представителей субкультуры. Подростки редко представляют своим сверстникам родителей как злодеев, скорее они описывают их «мещанский быт и мировоззренческую недалекость», при этом сами неформалы являются, по их мнению, жертвой в своей семье, которая активно вмешивается в их быт. Участие в контркультурном движении и вытекающие из него конфликты с социумом и родителями снимают описанные переживания, позволяют наполнить жизнь приключениями, придать ей остроту, драматизм, сделать ее яркой, похожей на захватывающее сюжетное повествование.

Нередко нахождение в субкультуре сопровождается девиантным поведением: употреблением алкоголя, наркоманией, противоправными поступками и ведет к изоляции представителя неформального объединения от жизни общества. В.Д. Менделевич отмечает, что групповые девиации встречаются

чаще, чем индивидуальные. Их отличает сходство форм девиантного поведения у близкого окружения, кумиров в референтной группе.

Чуждость неформала также порождает неприятие его другим членами общества, возникновение педагогических трудностей. В свете этого особенно важным становится изучение особенностей личности неформального молодого человека для толерантного отношения и решения возможных педагогических, профессиональных и межличностных проблем.

В исследованиях представителей субкультур изучены специфика внешних проявлений, личностные особенности неформалов, классифицированы виды субкультур. Однако тема взаимосвязи нахождения в субкультуре и социальной ситуации развития, а именно особенностей родителей, раскрыта в меньшей степени. Особенно важно исследовать проблему вхождения в субкультуру в рамках функционального подхода: ведь субкультура несет определенную функцию и для её представителя, и для общества; а само вступление в неформальное объединение является способом снятия внутрисемейного напряжения, то есть выполняет для молодого человека функцию сепаратора и психологического зеркала для обретения идентичности.

Целью данной работы является выявление особенностей образов и поведения родителей у молодых людей – представителей субкультур. Образ родителей понимается нами как итог воспитательного воздействия на ребенка.

Объектом данного исследования являются образы родителей у двух групп молодых людей.

Предметом являются особенности образов родителей ярких представителей субкультур, побуждающие их вступать в субкультуру.

Задачи исследования: сравнение образов родителей у членов неформальных объединений и молодых людей, не относящих себя к каким-либо субкультурам; выявление особенностей поведения и образов родителей, выявление особенностей семейной сплоченности и адаптации у молодых людей обеих групп.

Выдвинуты следующие **гипотезы**: у представителей субкультур образы родителей будут иметь характерные особенности, отличные от образов родителей людей, не относящих себя к субкультурам; в поведении родителей неформалов будут преобладать показатели директивности, враждебности, автономности; у неформальных молодых людей будет менее сплоченная семья с ригидными правилами. Родители неформальных молодых людей будут иметь специфические психологические черты.

Основным **методом исследования** послужило тестирование с помощью методик: модифицированная в соответствии с целями исследования методика «Личностный дифференциал», опросник ADOR, шкала семейной адаптации и сплоченности FASES-3 Д.Х. Олсона, Дж. Портнера и И. Лави [6].

В исследовании приняло участие 36 человек: из них 14 – представители различных субкультур («аниме», «металлисты», «готы», «байкеры», «панки»; 8 женщин и 6 мужчин) и 22 человека (4 мужчины и 18 женщин), не являющиеся представителями субкультур. Возраст испытуемых варьировался от 18 до 33 лет. В анкете респондент указывал, считает ли он себя представителем какой-либо культуры и, если да, то какой именно. Используемые методики позволили выявить образ родителей у каждого респондента. Поиск респондентов экспериментальной группы осуществлялся в Интернете, на страницах, посвященных определенным субкультурам.

В результате сравнения поведения отца у двух групп респондентов были выявлены следующие особенности: отец представителя субкультуры более директивен, враждебен, непоследователен в воспитании, менее автономен; испытывает позитивный интерес к ребенку почти в той же мере, что и обычный отец. Директивность у отца неформального молодого человека статистически значимо выше ($p \leq 0,05$ по критерию U Манна – Уитни), чем у обычного отца; также выше враждебность на уровне статистической тенденции; автономность ниже. Результаты приведены в гистограмме (рис. 1).

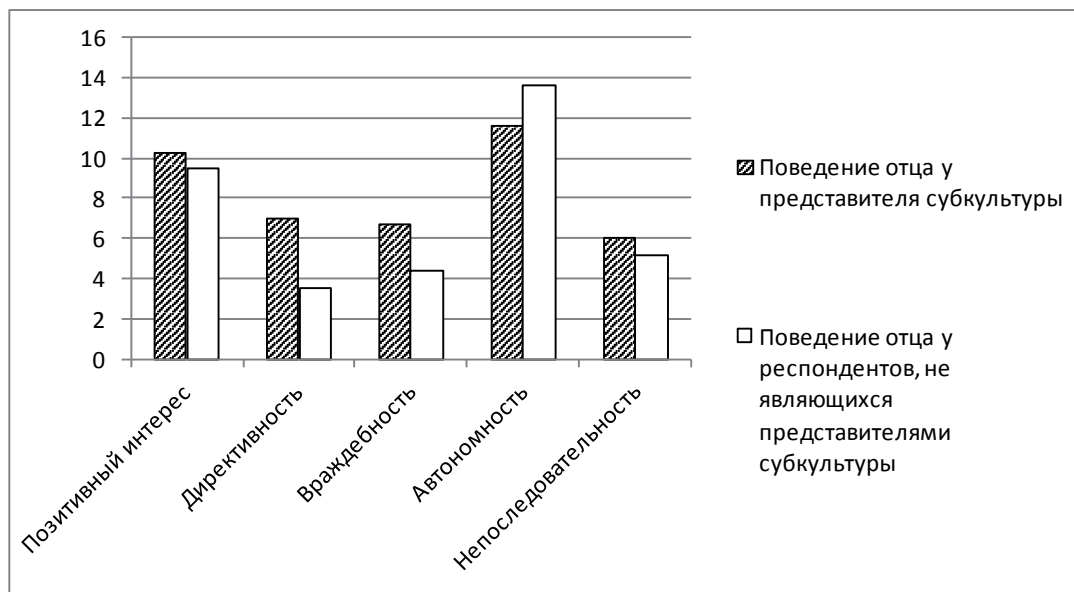

Рис. 1. Сравнение родительского поведения отца у респондентов – представителей субкультуры, и респондентов, не являющихся представителями субкультур

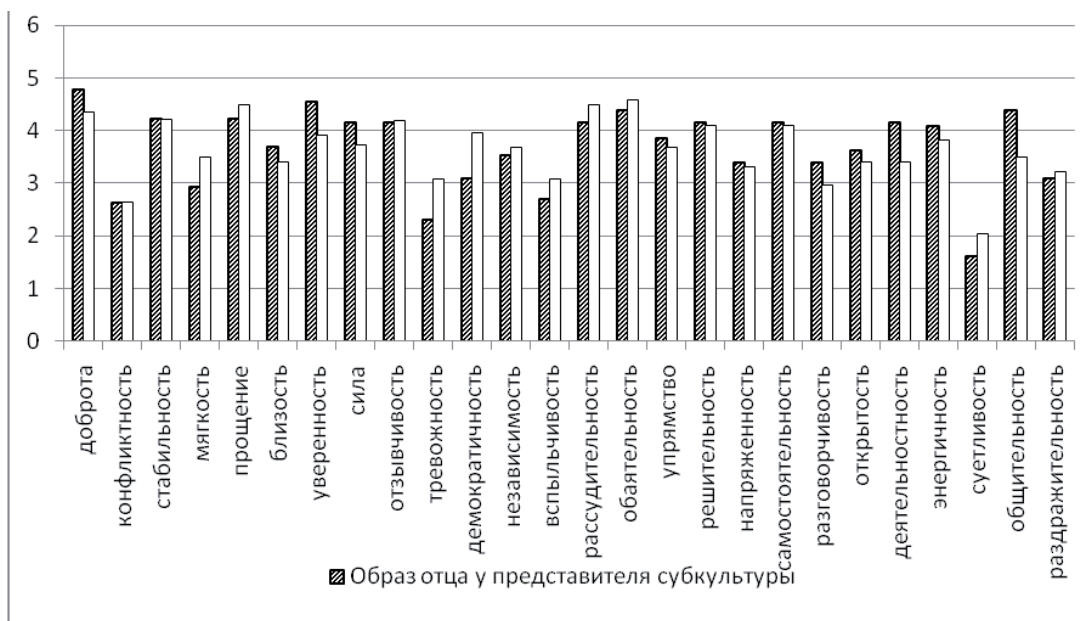

Рис. 2. Сравнение образов отца у респондентов – представителей субкультур, и респондентов, не являющихся представителями субкультур

Психологическими особенностями образа отца у представителя субкультуры (рис. 2) являются уверенность, спокойствие, авторитарность, общительность, активность.

Мать у представителя субкультуры, по результатам исследования, более враждебна, директивна, непоследовательна; менее авто-

номна и испытывает меньше позитивного интереса (рис. 3). Директивность у матери неформального молодого человека статистически значимо выше ($p \leq 0,05$ по критерию U Манна – Уитни), чем у обычной матери; также выше враждебность на уровне статистической тенденции; автономность – ниже.

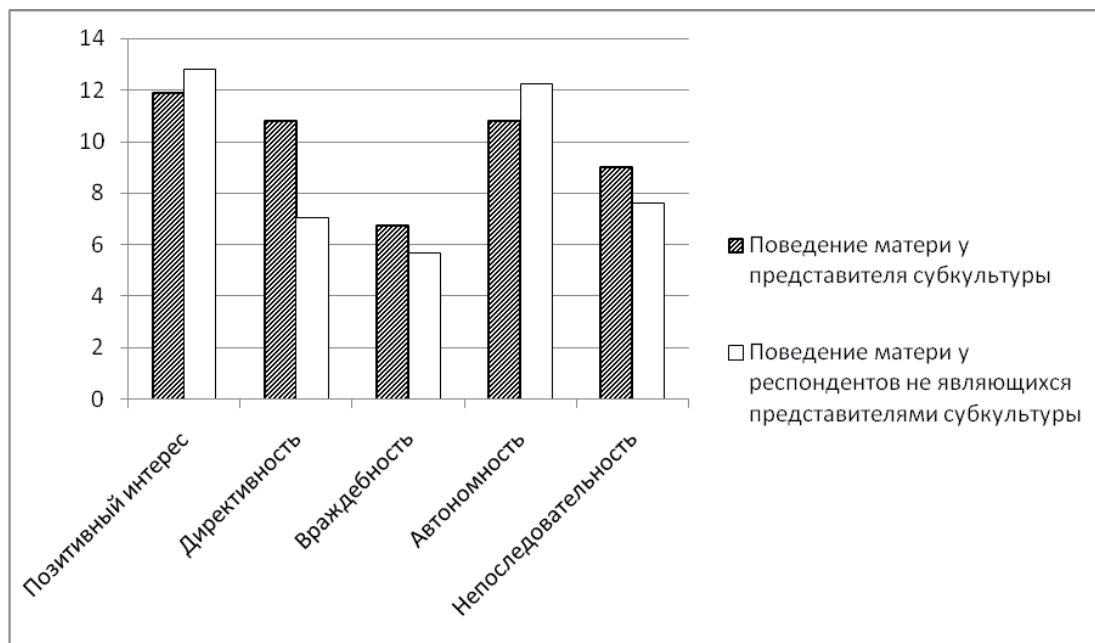

Рис. 3. Сравнение родительского поведения матери у респондентов – представителей субкультуры, и респондентов, не являющихся представителями субкультур

Психологическими особенностями образа матери у представителя субкультуры являются злость, конфликтность, жесткость, черствость, непросщение, непривлекательность, разговорчивость (рис. 4). Черствость

матери участника неформальных объединений статистически значимо выше, чем у обычной матери; конфликтность – выше, на уровне тенденции; а упрямство – ниже.

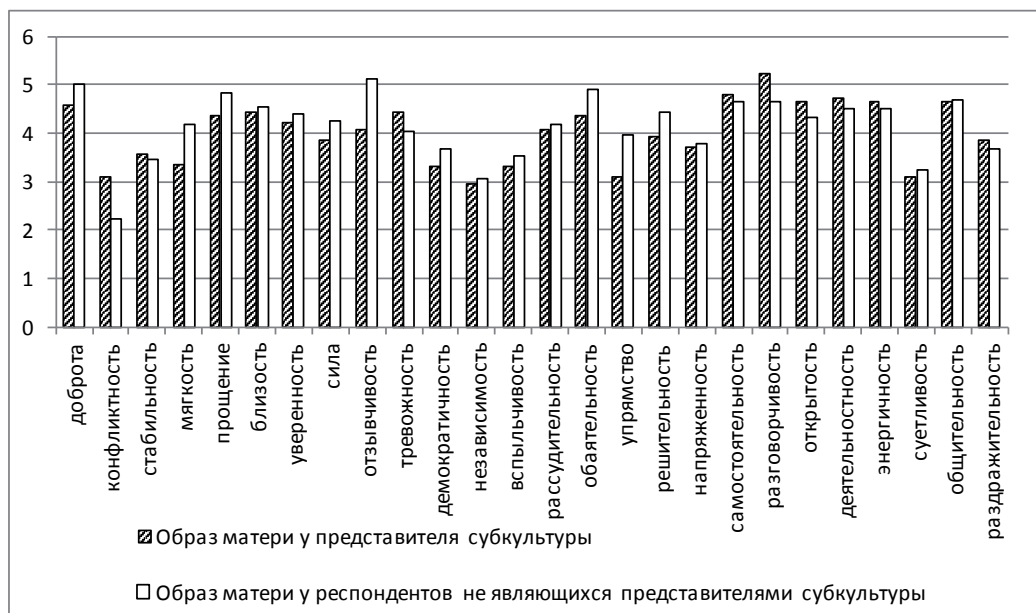

Рис. 4. Сравнение образов матери у и представителей субкультур и респондентов, не являющихся представителями субкультур

Сравнение характеристик семьи по показателям сплоченности и адаптации не выявило статистически значимых различий между двумя группами (рис. 5). Семейная сплоченность [6] – это степень эмоциональной связи между членами семьи: при максимальной выраженности этой связи они эмоционально взаимозависимы, при минимальной – автономны и дистанцированы друг от друга. По данному показателю не выявлено различий.

Адаптация – это характеристика того, насколько гибко или, наоборот, ригидно способна семейная система приспосабливаться, изменяться при воздействии на нее стрессоров, насколько гибки правила в семейной системе. Показатель адаптации незначительно выше у обычных молодых людей: в их семьях правила более гибкие, семейные решения принимаются вместе с детьми [8; 9].

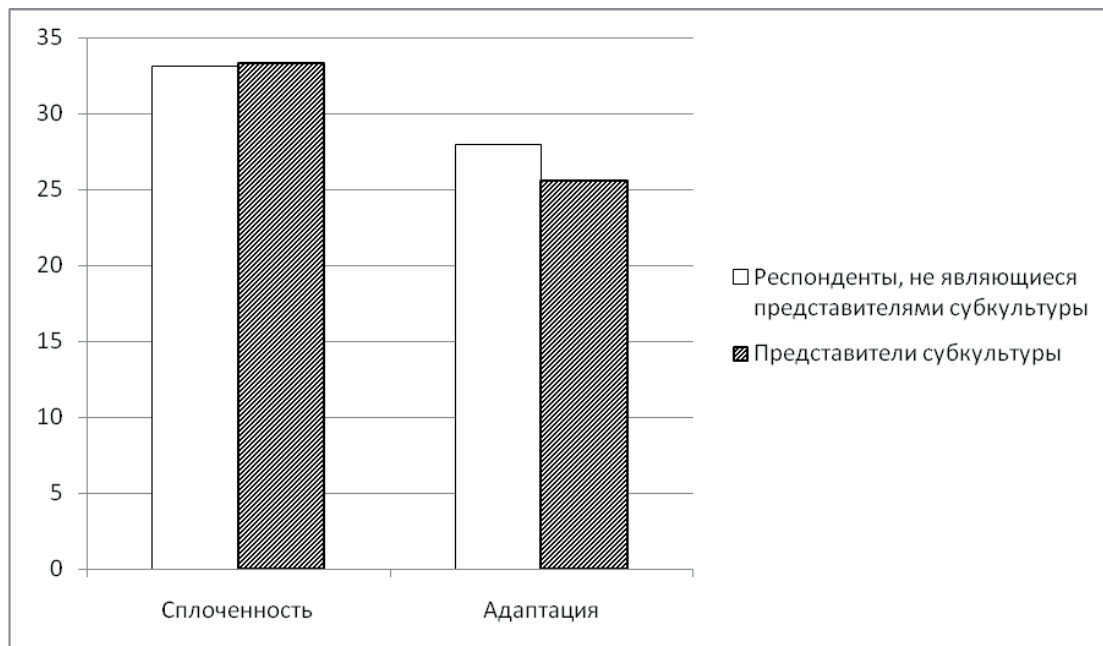

Рис. 5. Сравнение сплоченности и адаптации семей представителей субкультур и респондентов, не являющихся представителями субкультур

Таким образом, в ходе экспериментального исследования были получены психологические профили родителей неформальных молодых людей. Можно утверждать, что образы родителей неформалов имеют характерные особенности, которые побуждают молодых людей обращаться в субкультуру как средство быть услышанными родителями.

Обобщенному образу **отца** у представителя субкультуры свойственно директивное, враждебное поведение; ему характерны жесткость, уверенность, спокойствие, авторитарность, общительность. Эти черты затрудняют течение подросткового кризиса, обретение собственной идентичности, что

вынуждает юношей и девушек быть «гиперидентичными», так как они сами не уверены в своей самостоятельности и отделении от родителей, и входить в различные субкультуры, которые предлагают набор отличительных сигналов – сленг, одежда и другие внешние проявления. При этом излишняя общительность отца говорит о возможном выходе его за пределы семьи и отсутствии патриархальной атмосферы: роль лидера в семье берет на себя мать.

Мать у представителя субкультуры представляется конфликтной, жесткой, черствой, непрощающей, тревожной, вспыльчивой, самостоятельной, разговорчивой, раздражительной. Специфический внешний вид и

поведение представителей субкультур является последним доступным сигналом, чтобы обратить на себя внимание матери как неактивного субъекта: черствость, директивность матери говорит об эмоциональной глухости к ребенку. Мать не умеет открыто проявлять свое эмоциональное отношение к поступкам ребенка и не дает ему возможности построить картину своего «Я» и почувствовать себя принятым.

Частично подтвердилась гипотеза об особенностях семейной системы неформалов: правила в их семьях ригидные, что говорит о том, что с взрослением детей в семье правила не меняются и степень их ответственности и самостоятельности в семье остается низкой. Такая семья дисфункциональна, поскольку развитие семейной системы предполагает прохождение кризисов и изменение правил семейного взаимодействия.

Перспективой данного исследования является использование качественных методов при исследовании особенностей семьи неформальных молодых людей – тест Геринга, сочинение «Моя семья» – а также разработка практических рекомендаций в психологическом консультировании, педагогической работе и социальной поддержке представителей субкультур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Искусство жить с непохожими людьми: психотехника толерантности / под ред. А.Г. Асмолова, Г.У. Солдатовой, А.В. Макаруч // Библиотека газеты «Ежедневные новости. Подмоскowie». – 2010. – 311 с.
2. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учеб. пособие. – М., 2005. – 320 с.
3. Любомирский К.Д. Психологические основания формирования образа значимого взрослого у подростков и юношей: дис. ...канд. психол. наук. – М., 2006. – 146 с.
4. Марцинковская Т.Д. Психология субкультуры // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. – 2011. – № 4(13). – С. 37-49.
5. Методические рекомендации по изучению психологических особенностей неформальных молодежных объединений / АПН СССР, НИИ общ. и пед. психологии; [Д.И. Фельдштейн, Л.А. Радзиховский]. – М., 1985. – 8 с.
6. Психология семейных кризисов / Н.И. Олифирович, Т.А. Зинкевич-Куземкина, Т.Ф. Велента. – СПб., 2006. – 359 с.
7. Розин М.В. Представления о родителях и семейных конфликтах в неформальной подростковой субкультуре // Вопросы психологии. – 1990. – № 4. – С. 91-99.
8. Семенихина М.В. Взаимосвязь особенностей рефлексии и образов родителей у мужчин и женщин: дис. ...канд. психол. наук. – М., 2008. – 191 с.
9. Хухлаева О.В. Школьная психологическая служба. Работа с учащимися. – 2-е изд. – М., 2010. – 208 с.
10. Шабельников В.К. Семья в геополитическом конфликте XXI века // Семейная психология и семейная терапия. – 2007. – № 4. – С. 55-63.
11. Шабельников В.К. Функциональная психология. – М., 2004. – 592 с.
12. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М., 2005. – 334 с.
13. Шульга Т.И., Антипина М.А. Эмоциональная среда семьи как фактор развития личности ребенка в замещающей семье // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». – 2012. – № 3. – С. 32-40.

РАЗДЕЛ II

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

Каширин В.П.

Московский педагогический государственный университет

ПРЕДМЕТ И ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

V. Kashirin

Moscow State Pedagogical University

SUBJECT AND PROBLEMS OF SOCIAL PSYCHOLOGY

Аннотация. На основе конструктивно-критического анализа подходов в современной отечественной социальной психологии к пониманию её объекта и предмета в статье дается системное и целостное представление о социальной психологии, раскрыты основные подходы к пониманию её объекта, предмета и проблематики. К числу основных проблем социальной психологии относятся: социально-психологические проблемы групп и других общностей людей; социально-психологические проблемы личности; социально-психологические проблемы взаимодействия людей; социально-психологические проблемы массовых социальных явлений, процессов, движений, видов массовой деятельности, общественного сознания, субкультур.

Ключевые слова: социальная психология, психика группы, структура групповой психики, система социально-психологических феноменов, истоки групповой психики, взаимодействие людей, социально-психологическое взаимодействие.

Abstract. On the basis of the constructive and critical analysis of contemporary Russian social psychology approaches to understanding of its object and subject the article provides a systemic and holistic view on social psychology, and presents a summary of approaches to understanding of its object, subject and issues. The main problems of social psychology include: social and psychological problems of groups and other communities of people; socio-psychological problems of an individual; socio-psychological problems of human interaction; social and psychological problems of mass social phenomena, processes, and kinds of mass activity, public awareness, and subcultures.

Key words: social psychology, psychology of a group, the structure of group psychology, a system of social and psychological phenomena, the origins of group psychology, human interaction, social and psychological interaction.

Возникнув на стыке социологии и психологии, социальная психология превратилась в самостоятельную, одну из базовых отраслей психологического знания.

Активная разработка проблем отечественной социальной психологии во второй половине XX столетия и в наши дни обусловлена главным образом запросами социальной практики, а также и возможностями самой социальной психологии. Однако пока еще не сложилось общепринятого понимания её проблематики, объекта и предмета.

Начиная со второго этапа дискуссий о социальной психологии (1959), проявилось несколько основных подходов к пониманию её объекта, предмета и проблематики [1, с. 20-21]:

– *первый*, – имевший распространение преимущественно среди социологов и философов. Его сторонники понимали социальную психологию как науку о «массовидных явлениях психики», «общественной психологии», психологии коллективов;

– *второй* подход, сторонниками которого были преимущественно психологи. В изучении социально-психологической проблематики акцент делали на изучении социальной психологии личности как главном её предмете;

– *третий* подход ориентировал исследователей проблем социальной психологии на объединение двух предыдущих. В рамках этого подхода социальная психология рассматривалась как наука, призванная изучать и массовидные психические феномены, и социально-психологические проблемы личности.

Более обстоятельный анализ данной проблемы содержится в книге Г.М. Андреевой «Социальная психология» [1, с. 21-23].

Ещё во второй половине 1960-х гг. один из ведущих основателей отечественной социальной психологии Е.С. Кузьмин (ЛГУ) считал, что «явления социальной психологии очерчиваются довольно четко. К ним относятся групповые социально-психологические явления: формирование общественного мнения, формальная и неформальная структуры группы и их динамика, явления конформизма, особенности оценочных суждений группы и т. п., гностические и коммуникативные особенности личности: восприятие и понимание людьми друг друга, речь и другие выразительные средства общения, соотношение роли и статуса личности и др.» [7, с. 12], массовидные социально-психологические явления: классовые и национальные психические особенности; нравы, обычаи, привычки; подражание и внушение.

Е.С. Кузьмин отмечал, что «при всем разнообразии социально-психологических явлений основным источником их возникновения является сфера общения между людьми» [7, с. 12]. Основой и источником всех социально-психологических явлений оказывает-

ся процесс общения между людьми [7, с. 12].

По его мнению, «социальная психология – это область психологии, призванная изучать те психические явления и законы, которые возникают как результат общения людей друг с другом» [7, с. 20].

Не вызывает сомнения тот факт, что общение людей друг с другом, социальное взаимодействие в целом оказывают существенное влияние на социально-психологические феномены и даже *могут* выступать их «основой и источником». Однако определяющую роль в возникновении тех или иных особенностей общения, социального взаимодействия, в формировании как индивидуального, так и группового, общественного сознания, социально-психологических феноменов играют реальные условия жизни и деятельности людей, формы собственности, характер общественных отношений, прежде всего – производственных отношений (К. Маркс).

Один из авторитетных специалистов в области социальной психологии Г.М. Андреева (МГУ) утверждает, что специфика социальной психологии состоит в «изучении закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных включением их в социальные группы, а также психологические характеристики самих этих групп» [1, с. 14].

Такое же понимание социальной психологии дается и в психологическом словаре: «Социальная психология – отрасль психологии, изучающая закономерности *поведения и деятельности* людей, обусловленные фактом их включения в социальные *группы*, а также психологические характеристики самих этих групп» (курсив наш. – В. К.) [5, с. 333]. Во втором издании этого словаря в 1990 г. такое понимание социальной психологии сохранилось.

Вместе с тем позже (в 2000 г.) А.В. Петровский определяет социальную психологию как системную отрасль знаний и раскрывает её предмет следующим образом. «*Социальная психология* изучает психические явления, которые возникают в процессе взаимодействия людей в различных организованных и неорганизованных об-

щественных группах. В структуру социальной психологии в настоящее время входят следующие три круга проблем.

Социально-психологические явления в больших группах (в макросреде). Сюда относятся проблемы массовых коммуникаций (радио, телевидение, пресса и т. д.), механизмы и эффективность воздействия средств массовой коммуникации на различные общности людей, закономерности распространения моды, слухов, общепринятых вкусов, обрядов, предубеждений, общественных настроений, проблемы психологии классов, наций, религии.

Социально-психологические явления в так называемых малых группах (в микросреде). Сюда относятся проблемы психологической совместимости в замкнутых группах, межличностных отношений в группах, групповой атмосферы, положения лидера и ведомых в группе, типов группы (ассоциация, корпорация, коллективы), соотношения формальных и неформальных групп, количественных пределов малых групп, степени и причин сплоченности группы, восприятия человека человеком в группе, ценностных ориентаций группы и многие другие. Если иметь в виду, например, семью как малую группу, то к числу важных проблем может быть отнесена динамика отношений между родителями и детьми, проблема сохранения авторитета старших и т.д.

Социально-психологические проявления личности человека (социальная психология личности). Личность человека является объектом социальной психологии. При этом рассматривают, насколько личность соответствует социальным ожиданиям в этих группах, каким образом она усваивает ценностные ориентации групп, какова зависимость самооценки личности от оценки ею группы, в которую входит личность и т. д.» [12, с. 15].

В понимании предмета социальной психологии Н.И. Шевандрин, по существу, опирается на подход Г.М. Андреевой. «Социальная психология, – пишет он, – это отрасль психологической науки, которая изучает факты, закономерности и механизмы пове-

дения, общения и деятельности людей, обусловленные включенностью их в социальные общности, а также психологические особенности этих общностей» [20, с. 11].

В связи с этим возникает вопрос, о каких закономерностях идет речь в вышеприведенных определениях предмета социальной психологии? Так, закономерности социально-политического поведения и деятельности людей изучает политология, социально-правового – юриспруденция, социально-экономического – экономика, социально-педагогического – педагогика и т. д. Разве вся система этих закономерностей может быть предметом социальной психологии?

М.Р. Битянова считает, что «социальная психология – это психологическая наука, изучающая человека как участника различных по форме и целям социальных отношений (прежде всего межличностных и межгрупповых), а также особенности отношений, возникающих между людьми в процессе межличностного общения, внутригруппового и межгруппового взаимодействия» [3, с. 46].

По нашему мнению, человек как участник «различных социальных... отношений» выступает *не предметом* социальной психологии (как и других антропологических наук), а *объектом* общественных и гуманитарных наук: философии, социологии, политологии, экономики, юриспруденции, педагогики, этики и др., в том числе и социальной психологии. Каждая из этих наук имеет свой предмет изучения в названном объекте, и социальную психологию как науку психологическую интересуют те социально-психологические феномены, которые возникают у людей (как индивидов, так и различных форм общностей), включенных, прежде всего, в социальные связи и отношения, в социальное взаимодействие.

В словаре практического психолога социальная психология определяется как «отрасль психологии, изучающая *психологические* особенности и закономерности поведения и деятельности людей, обусловленные их включением в группы социальные и существованием в них, а также психологические ха-

рактические характеристики самих этих групп» (выделено нами. – В. К.) [15, с. 522-523]. Содержащееся в данном определении дополнение (уточнение) «психологические» весьма существенно, поскольку подчеркивает ту специфику предмета, которая свойственна именно психологической отрасли знаний, к которой относится и социальная психология.

А.Л. Журавлев дает следующее определение предмета социальной психологии. «Социальная психология, – читаем у него, – изучает психологические явления (процессы, состояния и свойства), характеризующие индивида и группу как субъектов социального взаимодействия» [16, с. 6]. Такое понимание социальной психологии как науки конкретизирует ее *объект* (индивид и группа как субъекты социального взаимодействия) и *предмет* (психические явления, возникающие в объекте).

Есть и другие точки зрения в понимании объекта и предмета социальной психологии.

Так, известный отечественный социальный психолог Б.Д. Парыгин в одной из последних своих работ утверждает, что «Предметом социальной психологии является социальная психика человека во всем многообразии ее проявлений. Или иначе – это как особенности психического состояния и поведения индивида в группе, массе и коллективе, так и специфика совокупной, т. е. совместной групповой, коллективной и массовой психической жизнедеятельности людей» [11, с. 27].

Такое понимание предмета социальной психологии, по мнению автора, снимает конфронтацию различных подходов к его видению. Б.Д. Парыгин имеет в виду появившиеся на заре возникновения социальной психологии две как бы взаимоисключающие друг друга точки зрения на ее предмет [11, с. 26-27]:

- предметом социальной психологии является отдельный индивид или личность, но никак не группа, общность или масса людей [18; 19];

- не отдельный индивид, а социальные группы, народы и массы должны быть и являются действительным предметом социальной психологии [4; 8].

Уместно заметить, что такого противостояния в понимании предмета социальной психологии в современной отечественной психологии фактически не существует. Вместе с тем признание предметом социальной психологии *социальной психики человека* создает ряд проблем теоретического и практического, исследовательского характера.

Во-первых, что следует понимать под «социальной психикой». Если это психика людей (как индивидов, так и различных форм общностей) – социальных феноменов как *носителей* психики, – то в таком случае снимается вопрос о специфике предмета социальной психологии. Такая проблема уже возникала в период первых дискуссий о предмете социальной психологии в советское время, в 20-30-е гг. прошлого столетия.

Во-вторых, психика как отдельного человека, так и социальных общностей не только социально обусловлена. В таком случае первая проблема в целом как бы снимается, но возникает другая: как из реальной психики людей выделить именно социальный компонент.

В-третьих, выражение «социальная психика человека» дает основание считать возможным наличие социальной психики не только у людей. Конечно, и у животных могут возникать общая, групповая психика, групповые психические феномены. Однако использование эпитета «социальная» по отношению к такой психике, по нашему мнению, не является правильным.

Вместе с тем в своих ранних работах (1967 г.) Б.Д. Парыгин более корректно подходил к пониманию предмета социальной психологии. В работе «Социальная психология как наука» он выражает свою позицию по рассматриваемому вопросу следующим образом: «В целом предметом социальной психологии, по нашему мнению, являются как особенности групповой, коллективной и массовой психологии, проявляющиеся в совокупной деятельности людей, их совместном поведении, переживаниях и способах психологического общения друг с другом, так и особенности поведения и психическо-

го состояния индивида в группе, коллективе и массе» [10, с. 64]. При таком подходе, отмечает автор, «основное содержание предмета социальной психологии составляет не столько проблема личности, сколько весь комплекс проблем, связанных с изучением психологических особенностей социальных групп» [10, с. 64].

Чрезмерно широко, по нашему мнению, видит предмет социальной психологии П.Н. Шихирев. По его мнению, социальная психология является наукой «о роли психики в жизни человека, социальной группы и общества» [21, с. 5]. Такое понимание предмета социальной психологии в большей степени относится к психологии вообще как отрасли знаний, а не только к социальной психологии.

По мнению известного психолога А.М. Столяренко, «раздел психологической науки, изучающий психологические связи между людьми и разрабатывающий пути их совершенствования в процессе жизни и деятельности, именуется социальной психологией» [17, с. 19]. «Объектом научного изучения социальной психологии выступают сообщества людей... Предметом исследований... социальной психологии, – присущие сообществам и человеку в них, особые психологические факты, закономерности и механизмы, именуемые социально-психологическими» [17, с. 20].

Свою трактовку объекта и предмета социальной психологии предлагает В.Г. Крысько: «Социальная психология – это отрасль психологической науки, изучающая закономерности возникновения и функционирования общественно-психологических явлений, которые выступают результатом взаимодействия людей (и их групп) как представителей различных общностей» [6, с. 5]. «Объектом социальной психологии являются конкретные социальные общности (группы) или отдельные их представители (люди). Ее предметом – социально-психологические явления и процессы (общественно-психологические феномены), выступающие результатом взаимодействия людей (их общественных отно-

шений) как представителей различных социальных общностей» [6, с. 6].

Объединяя представленные подходы к пониманию объекта и предмета социальной психологии, можно сделать следующие выводы:

- социальная психология – это отрасль психологии;
- основная проблематика социальной психологии сводится к социально-психологическим характеристикам личности и групп;
- объектом социальной психологии выступают человек и группы людей как субъекты социального взаимодействия.

Интерес представляет подход к пониманию предмета социальной психологии в современной психологии США. Сошлемся на позиции в данном вопросе двух наиболее известных американских социальных психологов: Эллиота Аронсона [2] и Дэвида Майерса [9]. В их учебниках по социальной психологии представлен широкий спектр социально-психологических теорий, проблем. Глубокое содержание сочетается с живым, ярким и доступным изложением.

Ключевым словосочетанием в понимании предмета социальной психологии, по мнению Э. Аронсона, является «социальное влияние». Предметом социальной психологии он считает «влияние, которое люди оказывают на убеждения и поведение других людей» [2, с. 31].

Д. Майерс отмечает, что «социальная психология – это наука, изучающая, как люди думают друг о друге, как они влияют друг на друга и как относятся друг к другу» [9, с. 29].

В рассмотрении объекта, предмета и проблематики социальной психологии мы опираемся на исследования данной проблемы в отечественной социальной психологии. Исходным, по нашему мнению, в понимании предмета социальной психологии является положение о том, что психика людей существует в двух основных видах: индивидуальной и групповой (массовой, общественной) психики [14, с. 4; 17, с. 16].

Индивидуальная психика человека и ее отдельные феномены, закономерности их

возникновения, развития, формирования, функционирования и проявлений, влияния на его поведение и деятельность выступают предметом *общей психологии*.

Социальная психология изучает закономерности возникновения, развития, формирования, функционирования и проявлений, влияния на поведение и деятельность людей психики различных форм общностей людей (групп, масс, толп и др.) и ее отдельных феноменов. К числу социально-психологических феноменов также относятся и те, которые характеризуют личность в системе её социальных и психологических связей и отношений. По мнению Б.Д. Парыгина, «общность – это понятие, которое характеризует связь и сопричастность людей друг к другу по тому или иному признаку. В качестве последних может выступать, в частности, и сходство, единство элементов, составляющих нечто целое» [11, с. 228].

Под групповой, массовой, общественной психикой мы понимаем сферу духовной жизни и деятельности людей той или иной общности. Эта сфера жизнедеятельности людей характеризуется конкретным *содержанием* (нравственным, политическим, профессиональным, эстетическим, этническим, религиозным, экологическим и др.), *направленностью, уровнем функционирования* (от апатии, безразличия до энтузиазма, подъема, высокого уровня функционирования), *действительностью* [14; 13].

Истоки групповой, общественной (в том числе и индивидуальной) психики, факторы и обстоятельства, под влиянием которых она складывается, формируется и развивается, многообразны [14; 13].

В первую очередь к числу таких факторов, обстоятельств относятся:

- исторический опыт существования, жизнедеятельности рассматриваемой общности людей, социальной группы;
- ведущий вид деятельности данной социальной общности;
- прижизненный опыт этой общности людей;
- опыт жизнедеятельности других по-

добных социальных общностей, который становится достоянием рассматриваемой социальной группы и потому не может не оказывать влияния на психику данной группы людей;

- конкретные жизненные обстоятельства, в которых находится эта социальная группа, общность людей в настоящее время;
- особенности идеологического, воспитательного и другого целенаправленного информационного воздействия на людей данной общности и др. Здесь особую роль, наряду с семьей, образовательными учреждениями, средой непосредственного контактного взаимодействия, играют современные средства массовой информации, массовых коммуникаций.

Групповая, массовая психика представляет собой сложную совокупность социально-психологических процессов и явлений, социально-психологических феноменов. В зависимости от оснований классификации выделяют различные группы, системы этих феноменов [14, с. 13-15].

Так, можно выделить социально-психологические процессы и явления, выступающие *формами существования и проявления* группового, массового сознания. К их числу относятся: общие цели, потребности, интересы, суждения, мнения, отношения, настроения, традиции, авторитет, лидерство, конформизм и др. Есть также социально-психологические феномены, которые не являются выражением содержания массового, группового сознания. Это *психологические механизмы взаимовлияния* людей, механизмы интеракции, передачи индивидуальной и групповой информации при возникновении контактов между людьми: убеждение, внушение, психическое заражение, подражание, психологическое принуждение.

Продуктивной, по нашему мнению, является классификация социально-психологических феноменов, основанная на выделении основных носителей, субъектов таких феноменов:

- социально-психологические процес-

сы и явления, характеризующие ту или иную общность, социальную группу как нечто целостное. Они выражают единые для данной общности социально-психологические характеристики. Это – *массовидные социально-психологические феномены*: общие, групповые цели, потребности и интересы, суждения и мнения, настроения, социальные чувства, традиции, нормы, правила, ценности, жизненные, профессиональные и другие смыслы, установки и другие;

– каждая социальная общность состоит из отдельных и конкретных людей, которые, включаясь в социальные и психологические связи и отношения, своеобразно проявляют индивидуальность, осуществляют свое социально-психологическое поведение. В связи с этим выделяются социально-психологические феномены, характеризующие социально-психологическое своеобразие проявления личностью индивидуальности, особенности социально-психологического поведения и реагирования личности на внешние социальные и социально-психологические обстоятельства. Это *своеобразные социально-психологические ролевые функции личности*: лидерство, подчинение, сотрудничество; эмпатийность – ригоризм; гибкость – ригидность личности; конформизм – неконформизм; экстра-, интра-, нормовертированность личности; экстра-, интра-, импунитивность личности; стиль поведения и деятельности личности; особенности авторитета, самоутверждения, психологической адаптации личности и др.;

– следующую группу составляют *социально-психологические феномены, характеризующие особенности взаимодействия* членов социальной общности как между собой, так и с социальной средой их жизни и деятельности: процессы и механизмы психологической перцепции и интеракции, взаимопонимание, взаимоотношения, симпатии, антипатии, доверие, неприязнь, эмпатия, аттракция, коллизии и барьеры во взаимоотношениях вплоть до конфликтных отношений и т. п.;

– *интегративные социально-психологические феномены*: слаженность, сплоченность,

морально-психологическая атмосфера, морально-психологический климат, степень профессиональной, нравственной, эстетической, политической и др. зрелости людей данной общности.

Как видим, групповая, массовая, общественная психика включает в себя социально-психологические феномены массовидного характера, характеризующие индивида как субъекта и объекта социального взаимодействия, само социальное взаимодействие, а также интегративные социально-психологические феномены.

В связи с таким подходом достаточно отчетливо проявляется основной объект и предмет социальной психологии. *Объект* – различные формы общностей людей, человек в системе социальных связей и отношений, социальное взаимодействие. *Предмет* – социально-психологические феномены, закономерности их возникновения, развития, формирования, функционирования, проявлений в этих объектах.

В социальной психологии есть и другие подходы к типологии, классификации групповых психических феноменов.

Так, в зависимости от степени их устойчивости и динамики различают статические, динамические и статико-динамические социально-психологические процессы и явления (А.Д. Глоточкин).

По характеру влияния на степень общности социальной среды выделяют социально-психологические феномены, интегрирующие, сплачивающие социальную общность, и социально-психологические процессы и явления, оказывающие дифференцирующее и даже разлагающее влияние на социальную среду.

На основе вышесказанного *объектом* социальной психологии является:

– человек как объект и субъект социальных связей и отношений, социального взаимодействия;

– различные формы общностей людей: большие и малые социальные группы, массы, толпы, расы, региональные и другие общности;

– социальное взаимодействие.

Вместе с тем объект, а потому и проблематика социальной психологии значительно шире. Объектом социальной психологии являются также:

– массовые социальные явления (революция, война, бунт, мятеж, безработица, проституция, терроризм, мода, реклама, митинг, сектантство и др.);

– массовые социальные процессы (миграция населения, криминализация общества, социальное расслоение и дифференциация общества, сближение города и деревни и др.);

– массовые социальные движения (политические, профсоюзные, молодежные, спортивные, религиозные и др.);

– различные виды массовой деятельности (производственная, политическая деятельность, выборные кампании, зрелищные мероприятия, управление, деятельность СМИ, боевые операции и др.);

– основные формы общественного сознания (наука, искусство, религия);

– различные субкультуры в обществе (криминальные, панки, рокеры, брейкеры, металлисты, скинхеды, толкиенисты, фанаты и др.).

Предметом в вышеназванных массовых социальных феноменах выступают социально-психологические процессы и явления, возникающие в них.

При социально-психологическом анализе названных массовых социальных феноменов необходимо выявить:

1) какая психика, какие потребности, цели, интересы, жизненные смыслы и ценности, установки людей побуждают их принимать участие, действовать либо уклоняться от участия, осуществлять то или иное поведение в массовых видах деятельности, субкультурах, социальных процессах, явлениях, движениях;

2) какая психика, какие социально-психологические процессы и явления проявляются, функционируют и оказывают регулятивное влияние на поведение и действия людей, включенных (либо уклонившихся от учас-

тия) в вышеназванные массовые социальные феномены;

3) какие психологические последствия возникают у людей под воздействием вышеназванных массовых социальных феноменов.

Как видим, к числу проблем социальной психологии следует отнести также выявление, изучение, прогнозирование, разработку рекомендаций по регулированию социально-психологических феноменов, возникающих у людей в результате воздействия на них массовых социальных явлений, процессов, движений, субкультур, видов массовой деятельности и тех или иных форм общественного сознания.

Влияние массовых социальных феноменов на психику людей происходит через социальное и другое взаимодействие, которое и выступает основой и определяющим условием возникновения и функционирования социально-психологических процессов и явлений. Социальное взаимодействие может проявляться в различных формах: *взаимное содействие, взаимное несодействие, взаимное противодействие и в формах одностороннего содействия, несодействия и противодействия*. Очевидно, что каждая из этих форм взаимодействия людей оказывает своеобразное влияние на особенности социально-психологических феноменов.

Вместе с тем есть и *другие виды взаимодействия людей*, которые также могут быть основой и условием возникновения, функционирования и существования социально-психологических феноменов. К числу таких взаимодействий относятся:

– взаимодействия людей в неформальных, психологических связях и отношениях – социально-психологическое взаимодействие. В процессе такого взаимодействия складывается психологическая структура групп, возникает (либо разрушается) подлинно человеческое общение, психологическое лидерство, происходит личностное самоутверждение, социально-психологическая адаптация и социализация личности, формирование общности нравственных ценностей, позиций, отношений и т. п.;

– взаимодействие людей с предметным миром, миром вещей, с природной и технической средой. Следствием этого взаимодействия у людей может возникать та или иная степень общности мнений, настроений, систем смыслов, ценностных ориентаций, отношений и т. п. по отношению к экологической, технической и другой материальной среде их жизнедеятельности. Под влиянием природных и техногенных бедствий, катастроф могут возникать и негативные социально-психологические феномены: паника, массовый страх, беспокойства, недовольства, тревожность, психическая напряженность и др.

Названные виды взаимодействия людей (социальное, социально-психологическое и взаимодействие с предметным миром) находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности. И даже когда отдельный человек взаимодействует с предметным миром, он не может не осознавать своей принадлежность к той или иной реальной или воображаемой социальной и психологической общности.

Из вышесказанного вытекает, что *объектом* социальной психологии является человек и различные формы общностей людей как субъекты и объекты социального и другого взаимодействия, взаимодействие людей, массовые социальные феномены. *Предметом* – закономерности возникновения, развития, формирования, функционирования, проявлений и влияния на поведение и деятельность людей социально-психологических процессов и явлений, возникающих у людей в процессе их социального и другого взаимодействия.

Социальная психология – это одна из базовых отраслей психологии, изучающая закономерности возникновения, развития, формирования, функционирования, проявлений и влияния на поведение и деятельность людей социально-психологических феноменов, характеризующих индивида и различные общности как субъектов и объектов социального и другого взаимодействия.

К числу *основных проблем* социальной психологии относятся:

– социально-психологические проблемы групп и других общностей людей;

– социально-психологические проблемы личности;

– социально-психологические проблемы взаимодействия людей;

– социально-психологические проблемы массовых социальных явлений, процессов, движений, видов массовой деятельности, общественного сознания, субкультур.

Из социальной психологии выделились и стали самостоятельными отраслями знаний психология управления, политическая психология, этническая психология, практическая психология, психологическая конфликтология и ряд других.

Социальная психология, наряду с общей психологией, является, по нашему мнению, базовым и необходимым компонентом в психологическом образовании специалистов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2004. – 230 с.
2. Аронсон Элиот. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М., 1998. – 517 с.
3. Битянова М.Р. Социальная психология. – М., 2001. – 576 с.
4. Вундт В. Проблемы психологии народов. – М., 1912. – 16 с.
5. Краткий психологический словарь / Под общей ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1985. – 174 с.
6. Крысько В.Г. Социальная психология. – М., 2002. – 352 с.
7. Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. – Л., 1967. – 174 с.
8. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1996. – 240 с.
9. Майерс Дэвид. Социальная психология. – СПб., 1997. – 688 с.
10. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. – Л., 1967. – 263 с.
11. Парыгин Б.Д. Социальная психология. – СПб., 1999. – 592 с.
12. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. – М., 2000. – 512 с.
13. Психология и педагогика / Под общ. ред. В.А. Сластенина, В.П. Каширина. – М., 2013. – 609 с.
14. Сластенин В.А., Каширин В.П. Психология и педагогика. – М., 2001. – 480 с.

15. Словарь практического психолога. – Минск, 1997. – 192 с.
16. Социальная психология / Под ред. А.Л. Журавлева. – М., 2002. – 351 с.
17. Социальная психология / Под ред. А.М. Столяренко. – М., 2001. – 543 с.
18. Тард Г. Законы подражания. – СПб., 1982. – 14 с.
19. Тард Г. Общественное мнение и толпа. – М., 1902. – 414 с.
20. Шевандрин Н.И. Социальная психология в образовании. – М., 1995. – 544 с.
21. Шихирев П. Современная социальная психология. – М., 2000. – 448 с.

УДК 316.37

Садолина Т.В.

Ярославский государственный университет им. Демидова П.Г.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ У ЖЕНЩИН,
НАХОДЯЩИХСЯ В ПОИСКЕ СПУТНИКА ЖИЗНИ,
ФОРМИРОВАНИЕ КОТОРЫХ ПРОИСХОДИЛО ПОД ВЛИЯНИЕМ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОТЦОМ**

T. Sadolina

The Yaroslavl State University of Demidov

**PSYCHOLOGICAL DEFENSIVE MECHANISMS OF WOMEN, WHO ARE
IN SEARCH OF A PARTNER IN LIFE, HAVING FORMED
IN SOCIO-PSYCHOLOGICAL INTERACTION WITH THEIR FATHERS**

Аннотация. В статье раскрывается специфический аспект социально-психологического взаимодействия между отцом и дочерью. Описываются особенности влияния образа отца на формирование психологических защит у женщин в период взросления. В основе исследования лежит определение психологических защит, предложенное З. Фрейдом, а также данные отечественных учёных, которые проводили исследования с подростками. Проведя сравнительный анализ литературы и собственное исследование, автор пришел к заключению, что эмоциональные детские травмы у женщин, полученные во взаимоотношениях с отцом, приводят к возникновению дезадаптивного поведения, нарушению полоролевой идентичности, к выбору «идеального» спутника жизни, схожего с отцом, который поддерживает их травмирующий опыт.

Ключевые слова: психологическая защита, эмоциональная травма, полоролевая идентичность, социально-психологический аспект взаимоотношений в диаде отец – дочь.

Abstract: The article describes a specific aspect of socio-psychological interaction between father and daughter. The author studies the peculiarities of father's image influence on forming a woman's socio-psychological defensive mechanisms when she is at the stage of moving into adulthood. The research is based on S. Freud definition "psychological defence", as well as on the data of Russian scientists who carried out investigations of teenagers' behaviour. The comparative analysis of the sources and personal research performed by the author enable to draw the conclusion that women's emotional infantile traumas, which they got in relationship with their fathers, results in non-adaptive behaviour, violation of gender-role identity; and lead to selecting an "ideal" partner in life who supports their traumatizing experience and is identical to their fathers.

Key words: psychological defence, emotional trauma, gender-role identity, socio-psychological aspect of relationship in dyad "father-daughter".

Необходимость повышения эффективности работы психологической службы в сфере клубов знакомств и брачных агентств ставит перед психологами задачу более углубленного и всестороннего изучения индивидуальных особенностей личности женщин, обратившихся за помощью. Ни для кого не секрет, насколько слабо развита психологическая грамотность среди населения нашей страны, особенно это касается жителей небольших городов и сельской местности. В период прохождения нашей страной очередного кризиса эти люди приезжают в крупные города не только в поиске работы, но и с надеждой обрести свою вторую половину. Так как у многих из них рушатся социальные связи, то большую помощь в этом поиске могут оказать клубы знакомств и брачные агентства. Таким образом, женщины, обратившиеся в клуб знакомств, впервые в жизни оказываются на приеме у психолога. От того,

как сложится эта встреча и будет построена сама работа, зависит простое человеческое счастье.

Данная статья посвящена описанию некоторых результатов проведённого нами исследования особенностей психологических защит, которые сформировались у женщин в периоде взросления под влиянием социально-психологических особенностей отношения с отцом. Прежде всего, нам бы хотелось представить отправные идеи, которые легли в основу нашего исследования. Основой исследования послужило определение психологических защит, сделанное З. Фрейдом. Совместные усилия Фрейда и Брейера о теории травмы были изложены в 1895 г. в «Предупреждении» к книге «Исследование истерии». Эта работа, по мнению М.М. Решетникова [10], определила целую эпоху в современной психиатрии. Там впервые описываются психологические защиты, в частности феномен вытеснения. Принято считать, что одним из самых главных признаков травмы является боль. Сила душевной боли, которую может испытывать человек, ничуть не меньше физической. Иногда она доходит до того, что человек готов даже лишиться себя жизни. Чаще всего рефлекторной реакцией на физическую боль является отстранение, избегание или бегство. Но основной функцией боли является информативная функция, так как она извещает нас о том, что произошла травма, и соответственно запускает механизмы, направленные на исцеление или обеспечивающие выживания, а также формирует соответствующий опыт («защитные поведенческие реакции»), для того чтобы предотвратить возможные подобные эксцессы. В результате получения человеком какого-либо яркого впечатления (будь то позитивное или негативное – это несущественно), в его психике происходит увеличение этого «нечто», того, что З. Фрейд [12] называет «суммой возбуждений». В результате этого возбуждения начинают действовать механизмы (реализуемые интрапсихически и обеспечивающие отреагирование вовне), направленные на уменьшение этой «сум-

мы возбуждений» в интересах сохранения психического гомеостаза. Например, если человеку нанесли удар или оскорбление, то он, чтобы снизить возбуждение, вероятнее всего, нанесет ответный удар, и это принесет ему некоторое облегчение. Реакция может быть и другой, если нанести ответный удар невозможно (например, маленький ребёнок не может сделать этого физически, или возникает страх перед дальнейшей расправой). Ответной реакцией в таком случае могут быть плач, чувство бессильной ярости и т. д., но реакция присутствует всегда, и чем тяжелее или продолжительнее действует травматическая ситуация, тем сильнее ответное внешнее действие или внутреннее переживание. Особое значение имеет то событие, когда аффект не был выплеснут, а остался подавленным, иногда на долгие годы. *Аффект* – (душевное волнение, страсть) сильнейшее эмоциональное переживание, возникшее в результате столкновения личности с необычными или даже угрожающими обстоятельствами, для преодоления которых у нее нет выработанных адекватных поведенческих стереотипов. Часто в основе аффекта лежит само противоречие между влечением, стремлением или желанием личности и возможностью их реализовать. Существует понятие «ущемленный аффект», которое чаще используется в психоанализе, т. е. подавленный вместе со всем относящимся к нему психическим содержанием, который, сохраняясь в бессознательной сфере, способствует продукции болезненных симптомов. По мнению З. Фрейда, реакция ЭГО на угрозу прорыва импульсов ИД возможна двумя путями: блокировкой выраженных импульсов в сознательном поведении или изменением их интенсивности до такой степени, чтобы их изначальный заряд снизился или уклонился в сторону. Защитные механизмы наделены общими характеристиками: они действуют на уровне, который человек не осознаёт, и поэтому являются своего рода самообманом; они способны изменить до неузнаваемости восприятие реальности, для того чтобы уменьшить состояние тревоги, которое яв-

ляется угрожающей для индивидуума. Необходимо заметить, что люди очень редко прибегают к какому-либо одному механизму защиты. Фрейд описал широкий спектр различных защитных механизмов для ослабления тревоги и разрешения конфликтных ситуаций. Основными защитными стратегиями, по мнению З. Фрейда, являются:

1) *вытеснение* – как первичная защита эго оно способно обеспечивать наиболее прямой и быстрый путь ухода от состояния тревоги. Вытеснение – это своего рода процесс «удаления» из осознания мыслей и чувств, которые способны причинить страдания, «мотивированное забывание». Такое освобождение от тревоги не проходит бесследно. З. Фрейд считал, что мысли и импульсы, вытесненные в бессознательное, не теряют своей активности. И поэтому для их удержания затрачивается большое количество психической энергии, что приводит, к постоянному снижению ресурсов эго и может серьезно снижать формирование более адаптивного, творческого, направленного на собственное развитие поведения;

2) *проекция* – защитный механизм, который по своей значимости следует за вытеснением и является процессом, в результате которого человек начинает приписывать свои собственные мысли, чувства и поведение другим людям. Проекция как бы позволяет индивидууму возложить свою вину на кого-нибудь или на что-нибудь. Такое отражение можно найти в русских пословицах и поговорках: «Плохому танцору – ноги мешают». На сексуальном уровне можно наблюдать проекцию у многих молодых женщин, которые не осознают, что борются со своим сильным сексуальными влечениями, но подозревают каждого, кто с ними встречался, в намерении их соблазнить;

3) *замещение* – в этом защитном механизме проявление инстинктивного импульса переадресовывается от более угрожающей личности к менее угрожающему объекту. Ребёнок, которого наказали родители, впоследствии толкает своих младших сестру или брата, даёт пинка собаке или ломает игрушки

ки. Возможна такая форма замещения, как аутоагрессия, это форма замещения, когда оно направлено как бы против самого себя, т. е. враждебные послы, адресованные другим людям, переадресуются самому себе;

4) *рационализация* – это возможность этого справиться с фрустрацией и тревогой. Происходит путём искажения реальности, что позволяет защитить или поднять самооценку. Рационализация – это своего рода ложная аргументация, которая позволяет иррациональное поведение представить в выгодном свете, так, чтобы оно выглядело достаточно разумным и последовательным, что сделает его оправданным в чужих глазах. Женщина, которой мужчина не перезвонил после первого свидания, утешает себя тем, что он совершенно не в её вкусе;

5) *реактивное образование* это выражение в поведении и мыслях, противоположных побуждений. Реактивное образование, или обратные действия, – этот защитный механизм проявляется двумя «ступенями»: первая – неприемлемый импульс подавляется; вторая – на уровне сознания проявляется противоположный. Такое противостояние хорошо видно в социально одобряемом поведении, которое выглядит вычурным и негибким. Женщина, которая испытывает тревогу в связи с собственным выражением сексуальных влечений, становится в своем кругу яркой феминисткой. Многие мужчины, позволяющие себе высмеивать гомосексуалистов, таким образом защищаются от собственных гомосексуальных фантазий;

6) *регрессия* используется как защитный механизм от тревоги. Характерен возврат к детской модели поведения. Возврат к наиболее раннему периоду своей жизни, в котором было безопасно. Варианты возврата в детское поведение разнообразны: несдержанность, игра в «молчанку», «детский лепет», непримиримость или езда в автомобиле с высокой скоростью;

7) *сублимация* даёт возможность индивидууму для адаптации изменить свои импульсы для того, чтобы их можно было выразить социально приемлемым способом

посредством мысли, действия. Эта защита может рассматриваться как зрелая стратегия, которая позволяет обуздать нежелательные импульсы, так как она даёт возможность это поменять цель и направить импульсы на объект, не задерживая их проявления. Таким образом, женщина с неосознанными садистическими наклонностями вполне может быть врачом-патологоанатомом. Она может демонстрировать свое превосходство над другими в различных видах своей деятельности, но это в целом будет приносить полезный результат;

8) *отрицание* – отказ признавать произошедшее неприятное событие означает, что включился защитный механизм. Отрицание произошедшего бывает и тогда, когда люди говорят: «Со мной этого не может случиться просто потому, что не может», – так бывает, даже если имеются очевидные доказательства обратного. Так, многие матери до последнего не верят в то, что их дети употребляют алкоголь или наркотики. С.Н. Мельник, ссылаясь на работы З. Фрейда, пишет, что этот способ защиты характерен для маленьких детей и людей старшего возраста со сниженным интеллектом (в очень травмирующих ситуациях к этому способу защиты могут прибегать и зрелые, и нормально развитые люди) [6].

Описанные выше защитные механизмы представляют собой те пути, которые использует наша психика в момент столкновения с внешней или внутренней угрозой. Для создания необходимой защиты расходуется большое количество психологической энергии, в результате чего происходит ограничение силы и гибкости эго. Далее работу в этом направлении продолжила дочь З. Фрейда, А. Фрейд, которая считала, что в основе защитного механизма психики лежат два типа реакций: это блокирование выражения импульсов в сознательном поведении и искажение их до такой степени, чтобы изначальная их интенсивность заметно снизилась или отклонилась в сторону [11]. Проводя анализ работ своего отца, а также анализируя собственный психоаналитический опыт, она пришла к выводу, что использование

защиты не снимает сам конфликт и страхи сохраняются, что, в конечном счете, велика вероятность появления болезни. А. Фрейд практически доказала, что определенные наборы психозащитных техник приводят к соответствующей, совершенно определенной симптоматике. Это подтверждается и тем, что при определенных психологических патологиях используются определённые защитные техники. Так, например, при истерии («обезьяна всех болезней»), характерно частое обращение к вытеснению, а при неврозе навязчивых состояний происходит массированное использование изоляций и подавления. Анна Фрейд [11] перечислила следующие защитные механизмы: вытеснение, регрессия, реактивное образование, изоляция, отмена бывшего некогда, проекция, интроекция, обращение на себя, обращение в свою противоположность, сублимация. Безусловно, существуют и другие приемы защиты. В этой связи она называла также отрицание посредством фантазирования, идеализацию, идентификацию с агрессором и пр. По мнению А.Фрейда, реакция «вытеснение» играет особую роль, так как оно требует гораздо большей работы, в отличие от других техник. Ему свойственно использование бессознательного против сильных влечений, которые неподвластны переработке другими техниками. В частности, А. Фрейд выдвинула гипотезу о том, что функция вытеснения, в первую очередь, состоит в борьбе с сексуальными влечениями, в то время как другие техники защиты направлены в основном на переработку агрессивных импульсов.

В 1919 г. Мелани Кляйн [5] показала, что механизм вытеснения, являясь защитным механизмом, одновременно снижает качество исследовательской деятельности ребенка, не освобождая энергетического потенциала для сублимации, т. е. перевода энергии на социальную деятельность, в том числе интеллектуальную. В дальнейшем в своей работе она описывала в качестве простейших механизмов защиты расщепление объекта, проективное (само-) отождествление, отказ от психической реальности, претен-

зию на всевластие над объектом и пр. Психоаналитик Вильгельм Райх [9] считал, что единым защитным механизмом человека является вся структура его характера. Один из ярких представителей эго-психологии, Х. Хартманн [13] предположил, что защитные механизмы «Я» служат как для контроля над влечениями, так и для приспособления к окружающему миру.

В отечественной психологии есть несколько подходов к психологическим защитам. Так, один из подходов представлен Ф.В. Бассиным [1], который рассматривает психологическую защиту как важнейшую форму реагирования сознания индивида на психическую травму. Другой подход находим в работах Б.Д. Карвасарского [4]: он рассматривает психологические защиты как систему адаптивных реакций личности, направленную на защитное изменение значимости дезадаптивных компонентов отношений – когнитивных, эмоциональных, поведенческих – с целью ослабления их психотравмирующего воздействия на «Я-концепцию». Это процесс, происходящий в результате неосознаваемой деятельности психики при помощи целого ряда механизмов психологических защит, в результате чего одни действуют на уровне восприятия (например, вытеснение), а другие – на уровне трансформации (искажения) информации (например, рационализация). В результате их устойчивости, частого использования, ригидности, тесной связи с дезадаптивными стереотипами мышления, переживаниями и поведением такие защитные механизмы становятся вредными для развития личности и противодействуют её саморазвитию.

Обычно люди используют не один, а несколько различных защитных механизмов. Ответ на вопрос: «Откуда же берутся разные типы защиты?», – парадоксален и прост – из детства. Ребенок рождается и приходит в этот мир, не имея психологических защитных механизмов, все они приобретаются и усваиваются им в том нежном возрасте, когда он ещё не осознает, что делает, а просто старается «выжить». Одним из величайших и основных

открытий психодинамической теории стало открытие важнейшей роли ранних детских травм. Доказано, чем в более раннем возрасте ребенок получает психическую травму, тем более глубокие слои личности оказываются «деформированными» у взрослого человека. Эрик Берн в своей книге «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры» приводит пример со стопкой монет: если внизу оказывается деформированная монета, то вся стопка оказывается кривой [2]. Социальная ситуация и система отношений в семье порождает душевные переживания ребёнка, которые оставляют неизгладимый след на всю его жизнь, а могут даже и обесценить её. Многие люди, привыкшие в детстве к мукам и страданиям, продолжают мучить себя, уже повзрослев, они посещают: клубы садомазохистов, становятся приверженцами сатанинских культов, в которых измывательства над адептами являются неотъемлемой частью веры и называют это освобождением. Некоторые женщины прокалывают себе грудные соски, вешают на них кольца, утверждая, что не испытывают никакой боли, а, напротив, получают удовольствие. Все эти люди, как правило, достаточно рано научились вообще не чувствовать боли. Они готовы пойти на многое, лишь бы не почувствовать вновь боль, которую они испытывали в детстве, когда подвергались психологическому, физическому или сексуальному насилию, в том числе и со стороны отцов [7]. Женщины, которым пришлось перенести инцест, находятся в постоянном стремлении забыть этот кошмар, нередко они прибегают к помощи секса, алкоголя, наркотиков или чрезмерно отдаются работе. Им нужно постоянно держать себя в напряжении, они ни на секунду не дают себе успокоиться, чтобы не нахлынули воспоминания о пережитом в детстве жгучем чувстве одиночества, которое для них страшнее смерти. Если бы они научились понимать то, что воспоминания о детских травмах и их осознание не «убивает», а освобождает вытесненный когда-то аффект. «Убивает» же их выработавшаяся с годами защитная реакция по отношению к

тем событиям, которые осознаны с переживанием ощущений, раскрывающих правду. Люди вытесняют воспоминания о детстве в сферу бессознательного, и это накладывает отпечаток не только на индивидуальный жизненный уклад, но и на выработку различных табу [7].

Гипотезой исследования являются следующие положения:

- эмоциональные детские травмы у женщин, полученные в результате отношения с отцом, приводят к возникновению дезадаптивного поведения в отношениях с противоположным полом;
- отцовский образ влияет на формирование образа будущего спутника жизни, на выбор «идеального» спутника жизни, схожего с отцом;
- сформированные в детстве защитные паттерны поведения не позволяют сделать выбор партнера, отличного от отца;
- влияние отцовского образа на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность женщины продолжается всю её жизнь и не зависит от её возраста;
- эмоциональная устойчивость и адаптивное поведение женщины зависит от таких факторов, как присутствие отца в её жизни и характер его образа.

Исследование проводилось на базе клубов знакомств и брачных агентств г. Москвы, на сайтах знакомств в Интернете.

Опытно-экспериментальной базой для исследования стали 170 женщин в возрасте от 23 до 56 лет, находящиеся в поиске спутника жизни.

В представленной выборке женщин (170 человек) 127 человек (74,7%) имели высшее образование, 20 человек (11,76%) – н/высшее, 14 человек (8,23%) – ср/техническое образование; 6 человек (3,52%) имели среднее специальное, 3 человека (1,76%) – среднее образование.

Для решения поставленной задачи нами была проведена психодиагностика образа отца, при этом использовались наблюдение, беседа, анкетирование; сочинение «Ваша жизнь», «Жизнь Вашего отца»; тест «Мой

личный имago» (образ приемлемого партнёра); проективный тест «Метафорический автопортрет»; диагностика самоактуализации личности по методике А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина (САМОАЛ); полоролевой опросник С. Бем; методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона; шкала депрессии Бека (Beck Depression Inventory); методика исследования ролевых паттернов отношения к Другому взрослого человека (МИРП), разработанная Ю.В. Александровой (1998).

В результате проведённого исследования были выявлены несколько видов психологических защит, к которым испытуемые прибегают наиболее часто в общении с мужчинами, это: регрессия – у 30% испытуемых, рационализация – 25%, вытеснение – 15%, проекция – 10%, замещение – 10%, реактивное образование – 10%.

Положения нашей гипотезы нашли подтверждение:

- меньший уровень депрессивности выявлен у женщин, чьё восприятие отца основано на воспоминаниях о проявлении эмоциональной теплоты в отношениях;
- эмоционально негативный отцовский образ связан с большим уровнем депрессивности;
- с уровнем тревожности у женщин связано восприятие отца как сверхконтролирующего;
- автономия и независимость проявлялись у женщин, образ отца которых был связан с эмоциональным благополучием;
- маскулинность и феминность женщины напрямую зависит от восприятия отца как эмоционально теплого, и его общего позитивного образа;
- в период взросления отцовский образ важен для поддержания и развития чувства женственности, поэтому его позитивность способствует усилению феминности девочек и сохраняется у женщин независимо от их возраста;
- женщины, у которых отсутствовал отец или не проявлял позитивного участия, имеют более выраженную маскулинность;

– на андрогинность (сочетание в себе маскулинности и феминности) влияет положительный образ отца, созданный матерью или другим значимым взрослым;

– негативный образ отца, при его присутствии в семье, будет решающим при выборе спутника жизни;

– в условиях дефицита общения с отцом его образ формирует мать или другой значимый взрослый, в случае их конфликта это является основной проблемой для дальнейшего взаимодействия с мужчинами.

Итак, социально-психологический аспект взаимодействия отца с дочерью играет огромную роль в сепарации дочери от матери, именно отец выводит её в новое измерение взаимоотношений, которые неподвластны диаде «мать – дочь». Процесс отделения от матери, развитие таких чувств, как автономность, феминность и маскулинность, будут затруднены, если в восприятии образа отца присутствует эмоциональная отстранённость, холодность и негативизм. Возможными последствиями этого являются проблемы взаимоотношения с противоположным полом. Вероятно развитие агрессивного поведения и депрессивная симптоматика. По мнению психологов-аналитиков, всемогущее и тотальное влияние отца блокирует автономное развитие детей [14]. Исследование также показало, что отсутствие отца как такового может не оказать отрицательного влияния на формирование полоролевой идентичности женщины, но существенным фактором оказывается сам образ отца [15]. В ходе исследования выявлена взаимосвязь между детской моделью поведения и моделью поведения взрослой женщины [3].

Таким образом, можно говорить о сформировавшихся паттернах поведения на основе детской травмы, полученной в результате влияния социально-психологического взаимодействия с отцом. Созданная программа диагностического исследования для выявления психологических защит и формирование паттерна на его основе в полном объёме удовлетворяет поставленной зада-

че. Все эти женщины пришли в клубы знакомств и брачные агентства с одной мыслью – создать семью, кто-то из них был готов к откровенному диалогу, но большинство считало, что им психологическая помощь и консультация не нужны. Это в целом свидетельствует о психологической безграмотности населения нашей страны. Порой только случайная встреча с психологом впервые даёт возможность человеку задуматься о том, что он сам с собою делает. Большинство из пришедших в клубы знакомств женщин мечтают о «принце на белом коне», говоря при этом, что имеют на это право! Искренне веря, что этот «принц» решит все их проблемы, но, к сожалению, чудес не бывает, и пока они не в состоянии сами разрешить свои личностные проблемы, они будут всё так же наступать на одни и те же грабли. Не осознавая при этом, что повторная травма или кризис усиливает проблему и таким образом способствует распространению физиологических симптомов. Люди, которые периодически подвергаются притеснению или насилию, находятся в тревожном и возбужденном состоянии без каких-либо признаков базисного состояния спокойствия и комфорта. Опыт продолжительной травмы образует то, что Л.А. Пергаменщик [8], ссылаясь на Нидерленда, называет «триадой выжившего» – бессонница, ночные кошмары и психосоматические жалобы. Паралич инициативы, вызванный повторной травмой, соединяется с апатией, беспомощностью и депрессией. Разрывы в межличностных контактах, связанные с травмой, усиливают ощущения изоляции и удаленности (одиночества), ощущение вины и безнадежности.

Вполне возможно, что женщины, проходя курс психотерапии, снова ощутят появлявшееся у них в далеком детстве чувство одиночества. И можно прийти к выводу: эти девочки не могли бы вынести в детстве столь сильные душевные страдания, если бы не сработали механизмы защиты. Для этого было бы необходимо другое, гораздо более эмоционально отзывчивое окружение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бассин Ф.В. Проблемы бессознательного. – М., 1968. – 468 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М., 2012. – 256 с.
3. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков // Вопросы психологии. – 2007. – № 1. – С. 15-26.
4. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. – СПб., 1998. – 752 с.
5. Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хартманн П. Развитие в психоанализе. – М., 2001. – 512 с.
6. Мельник С.Н. Психология личности : учеб. пособие. – Владивосток, 2004. – 96 с.
7. Миллер А. Драма одарённого ребёнка и поиск собственного Я. – М., 2001. – 144 с.
8. Пергаменщик Л.А. Введение в кризисную психологию: курс лекций. – Мн., 2003. – 265 с.
9. Райх В. Характероанализ. – М., 1999. – 464 с.
10. Решетников М.М. Психическая травма. – СПб., 2006. – 322 с.
11. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы (детская психология). – М., 1993. – 143 с.
12. Фрейд З. Психология бессознательного. – М., 1989. – 448 с.
13. Хартман Х. Эго психология и проблема адаптации. – М., 2002. – 160 с.
14. Colman W. Tyrannical omnipotence in the archetypal father // J. Analyt. Psychol. 2000 Vol. 45. – P. 521-539.
15. Davids M. Fathers in the internal world: from boy to man to father / Trowell J., Etchegoyen A. (eds). The importance of fathers. – Hove: Brunner-Routledge, 2002. – P. 67-93.

УДК 159.962.52

Сечко А.В.

Московский государственный областной университет

АТТИТЮДЫ В ПОДРОСТКОВЫХ СУИЦИДАХ

A. Sechko

Moscow State Regional University

ATTITUDES IN TEENAGE SUICIDAL SCENARIOS

Аннотация. В статье перечислены основные причины и события, приводящие детей и подростков к совершению суицидальных действий. Своеобразным толчком, направляющим поведение подростка по определенному сценарию, является аттитюд, который быстро формируется средствами массовой информации в ходе освещения трагических событий. Предстоящий и произошедший суицидальные сценарии тем более похожи, чем более схожи демографические признаки и переживаемые трудности подростков. Описаны правила и рекомендации, разработанные ВОЗ для СМИ, позволяющие не возбуждать направляющее и динамическое влияние на аналогичное поведение.

Ключевые слова: подростковый суицид, факторы суицидального поведения, аттитюды, средства массовой информации, рекомендации по освещению суицидального поведения.

Abstract. The article enumerates main reasons and events resulting in children and adolescents' suicidal behavior. The attitude, quickly formed by the media covering some tragic event, is a kind of stimulus that directs teenagers' behavior towards fulfilling a particular scenario. The two suicidal scenarios: the forthcoming and the performed ones, have the more similarities the more similar are the demographic characteristics and difficulties experienced by adolescents. The article presents some WHO's rules and recommendations for the media which enable to prevent directing and dynamic influence on suicidal behavior.

Key words: teenage suicide, factors for suicidal behavior, attitudes, the media, recommendations on coverage of suicide.

Частота суицидальных действий среди молодежи в течение последних двух десятилетий удвоилась. У 30% лиц в возрасте 14-24 лет возникают суицидальные мысли, 6% юношей и 10% девушек совершают суицидальные действия» [6].

Россия занимает 1 место в Европе по количеству самоубийств среди детей и подростков и 6 место в мире – по числу суицидов среди всех возрастов (после Литвы, Южной Кореи, Казахстана, Беларуси и Японии). По данным статистики, за последние годы количество детских суицидов и попыток самоубийств увеличилось на 35-37% [9].

Дети и подростки с суицидальными тенденциями, как правило, пережили трагические события в раннем возрасте. У них наблюдается повышенная чувствительность к стрессовым воздействиям, мешающая им адекватно справляться с текущими жизненными трудностями. Психотравмирующие события пробуждают в них чувства беспомощности, безнадежности и отчаяния, которые могут актуализировать суицидальное мышление и привести к совершению суицидальной попытки или самоубийства.

В число ситуаций риска и событий, которые могут спровоцировать совершение суицидальных попыток или самоубийства, входят:

- ситуации, переживаемые как обидные, оскорбительные, несправедливые (даже если при объективном рассмотрении они таковыми не являются);

- неприятности в семье;
- разлука или разрыв с друзьями, любимым человеком;
- смерть любимого или значимого человека;
- межличностные конфликты;
- проблемы с дисциплиной и законом;
- давление, оказываемое группой сверстников или других лиц;
- запугивание, издевательства со стороны сверстников, длительное пребывание в роли «козла отпущения» или жертвы;
- разочарование успехами в школе, серьезные трудности в учебе;
- высокие требования в школе к итоговым формам отчетности, контрольным работам и экзаменам;
- проблемы с трудоустройством, безработица, тяжелое экономическое положение семьи;
- нежелательная беременность, аборт и его последствия;
- ВИЧ-инфекция и другие болезни, передающейся половым путем;
- серьезные физические недостатки;
- чрезвычайные внешние ситуации и катастрофы, природные катаклизмы.

Для того чтобы понять, что предшествует развертыванию реального действия, необходимо прежде всего проанализировать потребности и мотивы, побуждающие личность к деятельности. В общей теории личности рассматривается соотношение потребностей и мотивов для уяснения внутреннего механизма, побуждающего к действию. Понятие, которое в определенной степени объясняет выбор мотива, есть понятие социальной установки или аттитюда.

После открытия феномена аттитюда – социальной установки – начался своеобразный бум в его исследовании. Возникло несколько различных толкований аттитюда и много его противоречивых определений. Из семнадцати насчитанных в 1935 г. Г. Олпортом определений были выделены черты аттитюда, которые отмечались всеми исследователями. В окончательном, систематизированном виде они выглядели так:

- а) определенное состояние сознания и нервной системы;
- б) выражающее готовность к реакции;
- в) организованное;
- г) на основе предшествующего опыта;
- д) оказывающее направляющее и динамическое влияние на поведение.

Таким образом, были установлены зависимость аттитюда от предшествующего опыта и его важная регулятивная роль в поведении, которая выполняет следующие функции:

- 1) приспособительную (иногда называемая утилитарной, адаптивной) – аттитюд направляет субъекта к тем объектам, которые служат достижению его целей;
- 2) функцию знания – аттитюд дает упрощенные указания относительно способа поведения по отношению к конкретному объекту;
- 3) функцию выражения (иногда называемая функцией ценности, саморегуляции), при которой аттитюд выступает как средство освобождения субъекта от внутреннего напряжения, выражения себя как личности;
- 4) функцию защиты, выполняя которую, аттитюд обеспечивает разрешение внутренних конфликтов личности [1].

Социальная установка определяется как осознание, оценка, готовность действовать.

Таким образом, аттитюд является своеобразной предпосылкой, толчком, который направляет поведение подростка по сформированному социумом сценарию. Формирование аттитюда – явление, организованное обществом и происходящее на основе усвоения и переработки информационных потоков, освоения культурных, национальных традиций, норм поведения различных слоев общества. Важную роль при его формировании играет наличие предшествующего опыта.

Несмотря на то, что сам по себе суицид, как правило, акт одинокого и отчаявшегося человека, такой поступок в действительности оказывает очень сильное влияние на окружающих. Подросток оценивает отношение к этому явлению, которое в средствах

массовой информации и ближайшем окружении наполнено переживанием по поводу отсутствия перспектив у современной молодежи, непонимания детских проблем родителями, отсутствия необходимого душевного тепла со стороны педагогов, конкуренции в среде сверстников, приводящей к дискриминации в микросоциуме. Так ребенок получает готовый сценарий выхода из своих проблем, каждая из которых не представляет особой сложности и опасности, но, действуя комплексно, в виде синдрома, они заполняют жизнь черными красками, превращая ее в бесконечный туннель, по которому идти неинтересно, неуютно, страшно, одиноко и бессмысленно. Отсутствие перспектив решения проблем и проявление эффекта заражения приводит детей и подростков, испытывающих психологические трудности, на путь подражания деструктивным действиям людей, совершивших самоубийство или суицидальную попытку. Суицидальный кластер может охватить не только знакомых друг с другом детей и подростков, но и совершенно чужие и никогда не встречавшие самоубийцу юноши и девушки могут имитировать его поведение и в результате тоже совершить самоубийство.

Так, две четырнадцатилетние школьницы 7 февраля 2012 г., взявшись за руки, бросились с крыши 15-этажного дома в подмосковной Лобне. 9 февраля на юге Москвы после ссоры с родителями из окна своей квартиры на 14 этаже выбросился 15-летний подросток. 11 февраля на востоке Москвы произошло третье в этой череде самоубийство, 15-летняя Диана выпрыгнула из окна высотки. Как рассказал дедушка девочки, она была инвалидом, на руке не хватало пальца. Родная мама бросила Диану, когда той было 3 года. Воспитывали ее папа и мачеха. Возможно, из-за этого у девочки могли появиться комплексы. Близкая подруга погибшей девушки, Алена, сообщила о тех разговорах, которые были у них накануне: «Мы несколько раз обсуждали новости о выбросившихся из окна в Москве и Лобне подростках. Но Диана сама говорила, что это все ужас и

просто глупо». Тем не менее мы видим, что все события в этих грустных историях происходили по одинаковому сценарию и с подростками одного возраста. Первая трагедия в средствах массовой информации освещалась очень подробно. Известно, что девочки готовились к суициду заранее. На месте происшествия полицейские нашли предсмертные записки, в которых школьницы сообщили причину, по которой пошли на самоубийство. Свести счеты с жизнью они решили из-за проблем в школе. Оказалось, что девочки прогуляли две недели занятий и боялись осуждения со стороны родителей и учителей. Они написали, что предпочитают лучше умереть, чем выслушивать позорные порицания. В квартире одной из подруг девочки оставили подарки своим мамам, куда положили бусы, картонные сердечки, фруктовый чай и еще одну записку с заверениями в любви и просьбой их помнить.

В день самоубийства, 7 февраля, на своей страничке в социальной сети одна из них написала: «Ненавижу фразу: “А если твои друзья с 9-го этажа прыгать пойдут, ты тоже пойдешь?” Да, пойду, че мне без друзей делать???»

Вторая в предсмертной записке также оставила фразу, что всегда будет ценить только тех, кто с ней до конца.

И это только малая часть значительного объема информации, которая циркулировала в средствах массовой информации. Но в ней видим и стремление детей к независимости, ответственности за свои поступки, верность и преданность в дружеских отношениях, любовь к своим родителям, которые, видимо, не давали нужного количества тепла своим детям, в большей степени формально строили свои отношения. Она пропитана духом некоего романтизма. Об этом красноречиво говорит название одной из статей, отражающей описываемое событие: «Психологи: школьников-самоубийц превращают в “звезд”» [3].

В мартовские праздники 2012 г. произошла аналогичная цепь событий в разных регионах России. В Туве 8 марта повесился

ученик 4-го класса, на Кубани 10 марта покончил с собой 13-летний школьник, и в тот же день в Кирово-Чепецке обнаружили повесившегося 10-летнего беспризорника [2].

В обеих историях аттитюд направил последователей к объектам, которые служат достижению его целей. В первом случае – к окну высотного здания, во втором – к веревке.

С одной стороны, причина детско-подросткового суицида зачастую заключается в том, «что в сознании подростка нет негативного отношения к суициду». Самоубийца вызывает в христианском обществе сочувствие, сожаление, но ни в коем случае не возмущение или презрение. И если человек воспитывается в подобной культуре, то, попав в трудную ситуацию, он покусается на свою жизнь, оправдывая себя тем, что «я им всем докажу» и «это не стыдно». Раньше в христианском обществе к суициду относились жёстко. Церковь вела плотное наступление на самоубийство как явление. В 693 г. от церкви отлучались не только самоубийцы, но и те, кто остался жив после попытки самоубийства. В наше время Церковь и общество стали гораздо лояльней относиться к самоубийцам. И мы воспринимаем самоубийцу не как человека, совершившего страшный грех, а как несчастного, запутавшегося в своих проблемах горемыку.

У коренных народов Севера нашей страны до сих пор остаются сильными языческие корни. Они проросли в национальные традиции и обычаи. Большинство этих верований обещают жизнь после смерти, только в каком-то ином качестве. Самоубийство у этих народов – не грех, а вполне допустимая норма поведения. Более того, у некоторых этносов оно является достойным поступком, заслуживающим уважения выходом из какой-либо сложной ситуации. Дети напитываются этими идеями, формируется аттитюд. Они часто играют в похороны, представляют себя повешенными или утопленниками. Причем это делается из любопытства, без каких-либо негативных эмоций. Через игру идет обучение и лояльное отношение к та-

ким вещам. В результате, по данным Росстата за 2009 г., лидеры по частоте суицидов среди детей и подростков – Бурятия, Тува и Якутия – превышают этот показатель в Москве более чем в двадцать раз [4].

С другой стороны, при отсутствии аттитюда на жизнелюбивую активную позицию средствами массовой информации формируется противоположный по направленности аттитюд.

В 1774 г. Гете опубликовал книгу «Страдания юного Вертера», в которой герой покончил со своей жизнью, потому что влюбился в женщину, которая была ему недоступна. После публикации романа по Европе прошла «эпидемия» самоубийств. Многие из тех, кто умер, были одеты в стиле Вертера, использовали его метод или были найдены с книгой в руках.

Во всех случаях, современных и многолетней давности, аттитюд дал упрощенные указания относительно способа поведения по отношению к своей жизни и выступил как средство освобождения психики от внутреннего напряжения, и помог разрешить внутренние конфликты личности.

Предположение о подражательном характере суицидального поведения, происходящего в ответ на репортаж или изображение самоубийств в новостях и публикациях СМИ, было доказано в исследовании Д.П. Филлипс. Ретроспективно сравнивалось число самоубийств, происшедших в течение нескольких месяцев после публикации на первой полосе статей о самоубийствах в прессе США, с числом происшедших в месяцы, в которых такие статьи не появлялись. За двадцатилетний период анализа было выявлено, что из 33 месяцев, когда появлялись подобные сообщения, рост законченных суицидальных происшествий в 26 случаях не наблюдался [8].

Однако в ходе дальнейших исследований в этой области было выявлено, что информация по телевидению имеет более тяжелые последствия, наблюдается больший рост законченных и незаконченных суицидов. Также наблюдается увеличение скрытых су-

ицидов, которые проявляются в увеличении количества автомобильных и авиационных катастроф. У авторов имеется гипотеза, что лица, совершающие открытый суицид, уже имели достаточно сформированный аттитюд и описанное в СМИ событие сыграло роль последней капли. А лица, принадлежащие к категории, совершающей скрытый суицид, ранее не имели суицидальных намерений или относятся двойственно к этому явлению. В этих исследованиях обнаружено, что для детей является критичным недельный срок [7].

На основе изучения более 50 подражательных суицидов Всемирная организация здравоохранения сделала выводы о большой роли средств массовой информации в суицидальных эпидемиях, то есть формирования аттитудов, основными детерминантами которого являются убеждения, репрезентирующие субъективное знание людей о самих себе и об окружающем мире.

Вспышка, вероятность повторных суицидов наиболее возможна в первые три дня и сохраняется на протяжении двух недель после описания события в средствах массовой информации. Но может продолжаться и более длительный период, особенно если информационное покрытие велико по объему и площади. Это усугубляется, когда лицо, описанное в истории, похоже на читателя или зрителя, или когда лицо, указанное в суицидальной истории, является знаменитостью или занимает высокую позицию.

В связи с этим в 2008 г. были выпущены рекомендации ВОЗ «Предотвращение самоубийств: ресурс для работников средств массовой информации», разработанные большой группой ученых из разных стран мира [5].

Рекомендации призывают избегать обзоров, особенно в названии, которые превращают самоубийство с сенсацию или делают его нормой либо демонстрируют его в качестве способа решить проблемы. В заголовке, который в качестве основной функции решает задачи привлечения внимания, не рекомендуется употреблять слово «самоубийство», а также слова, идентифицирующие место и способ суицида.

Рекомендации ВОЗ советуют избегать яркого описания или чрезмерного повторения новостных историй о самоубийствах. Газетные статьи о самоубийстве в идеале должны быть расположены на внутренних страницах, в нижней части страницы, а не на первой странице или в верхней части внутри страницы. Кроме того, трансляция рассказа о самоубийстве должна быть представлена после второго или третьего рекламного перерыва в телевизионных новостях, а не в качестве ведущего элемента.

Недопустимо детальное описание способа совершенного самоубийства либо попытки самоубийства. Подробное обсуждение метода и пошаговых действий суицидальной попытки или завершеного суицида может побудить лиц, испытывающих различные трудности, к копированию этого акта. Например, при описании передозировки было бы неразумно оговаривать детали, количество или комбинации принятых препаратов или способы их приобретения. Особенную осторожность следует проявлять, когда метод самоубийства является необычным.

Необходимо избегать предоставления детальной информации о месте совершенного самоубийства либо попытке самоубийства. Например, мостов, высотных зданий, скал, железнодорожных станций или метрополитена. Описание статистических данных о совершении суицидов в том или ином месте или описание его в формате сенсации формирует представление о нем как месте-террористе и невольно притягивает к себе потенциальных суицидентов.

Необходимо быть внимательным при использовании фотографий либо видео. Они не должны быть на видном месте и не должны приводить к героизации личности. Они не могут использоваться, если это делает ясным читателю или зрителю местоположение происшествия. Кроме того, если по изображению можно опознать погибшего, то для публикации необходимо получить разрешение родственников.

Необходимо быть особенно внимательным при освещении самоубийств известных

личностей, которые, очевидно, заслуживают освещения в печати, и отчетность о них часто необходима обществу. Тем не менее доклады о самоубийствах известных артистов и политических деятелей могут влиять на поведение уязвимых лиц, особо почитающих своих кумиров. Особенно это характерно для молодежи.

Необходимо взвешенно подходить к решению о просьбе интервью у близких людей суицидента. Они в наибольшей степени подвержены риску скрытого суицида, и их частная жизнь должна быть уважаема и не должна выноситься для публичного обсуждения.

Кроме этого, рекомендации указывают на то, что «журналисты сами могут попадать под влияние новостей о самоубийствах». Подготовка рассказа о самоубийстве человека может резонировать с собственным опытом работников средств массовой информации. Эффект может быть особенно заметен в маленьких, сплоченных общностях, где специалисты средств массовой информации имеют сильные локальные связи с обществом.

Одним из главных назначений информации в СМИ о суицидальном происшествии является предоставление информации о том, где искать помощь в случае попадания в сложные жизненные ситуации.

Таким образом, дети и подростки в современном российском обществе зачастую сталкиваются с массой жизненных проблем, которые субъективно ими рассматриваются как неразрешимые. В большинстве случаев это сопровождается длительными переживаниями, находящими свое отражение во внешних признаках поведения человека, чаще всего противоречивого. С одной стороны – протестного поведения, с другой – вызывающего о помощи и желании получить тепло, поддержку и прощение. Равнодушие общества, ближайшего окружения к проблемам подростка ведет к эскалации внутренней напряженности и аутоагрессии, которая сначала проявляется на уровне демонстративных суицидов и завершается «подсказанным» способом СМИ и социального окружения разрешения кризисной ситуации.

Гуманной практикой было бы некоторое ограничение в отношении суицидальных сенсаций в СМИ. Конечно, закрытость подобной информации имеет свои недостатки, наполняет сознание людей слухами и домыслами, которые при определенных обстоятельствах могут привести к рассматриваемым эффектам. Поэтому основной акцент при освещении несчастных случаев у подростков должен быть смещен от сенсационности и подробности описываемых событий в сторону сухого повествования о несчастном случае без версий о причинах события, что позволит не возбуждать направляющее и динамическое влияние на аналогичное поведение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2000. – 375 с.
2. Во время праздников в разных регионах России повесились трое детей: [сайт]. [2012]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=738085&tid=96014> (дата обращения: 11.12.2012).
3. В Подмосковье две школьницы спрыгнули с крыши многоэтажки из-за прогулов: [сайт]. [2012]. URL: <http://www.mr7.ru/articles/49686/> (дата обращения: 11.12.2012).
4. Пуля Ирина. «Роковой пустяк» // Российская газета – Федеральный выпуск № 5430 (54) от 16.03.2011 // <http://www.rg.ru/2011/03/15/suicid-poln.html> (дата обращения: 12.06.2012)
5. Рекомендации ВОЗ: «Предотвращение самоубийств: ресурс для работников средств массовой информации» [сайт]. [2012]. URL: <http://www.juridicalrussia.ru/index.php/news/284-menshe> (дата обращения: 12.06.2012).
6. Смертность российских подростков от самоубийств. – Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2011. – 132 с.
7. Bollen K.A., Phillips D.P. Imitative suicides: A national study of the effects of television news stories. *American Sociological Review.* – 1982. – 47(6). – Pp. 802-809.
8. Phillips D.P. The influence of suggestion on suicide: Substantive and Sociological Review. – 1974. – 39 (3). – Pp. 340-354.
9. Yang B., Lester D. Natural suicide rates in nations of the world. Short report. – *Crisis* 2004; 26. – Pp. 187-188.

УДК 159.922.8

Манахов С.В.

Московский государственный областной университет

**РЕФЛЕКСИЯ КАК ВЕДУЩИЙ КОМПОНЕНТ
ПСИХОПРОФИЛАКТИКИ
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ**

S. Manakhov

Moscow State Regional University

**REFLECTION AS A LEADING COMPONENT OF DEVIANT BEHAVIOR
PSYCHOPROPHYLAXIS AMONG ADOLESCENTS**

Аннотация. В статье рассматривается значение рефлексии в психопрофилактике девиантного поведения подростков. Описана модель рефлексии, выделены функции рефлексии в процессе психопрофилактики девиантного поведения подростков: диагностическая, мотивационная, проектировочная, организационная, смысловая. Рассмотрены ведущие компоненты процедуры рефлексии в процессе психопрофилактики девиантного поведения подростков, показатели состояния развития в различных сферах личности подростка в процессе психопрофилактики.

Ключевые слова: модель рефлексии, функции, ведущие компоненты, показатели состояния развития.

Abstract. The article discusses the importance of reflection in deviant behavior psychoprophylaxis among adolescents. The model of reflection in the process of deviant behavior psychoprophylaxis among adolescents is described. Functions of reflection in the process of deviant behavior psychoprophylaxis among adolescents are as follows: diagnostic, motivational, designing, organizational, and notional. The article outlines the leading components of the reflection procedure in the process of deviant behavior psychoprophylaxis among adolescents. The indicators of the development state in different spheres of a teenager's personality in the process of psychoprophylaxis.

Key words: model of reflection, functions, leading components, indicators of the development level.

Содержательная сторона психопрофилактики девиантного поведения подростков основывается на психологическом механизме рефлексии. Понимание сущности рефлексии и особенностей ее развития позволяет не только с психологических позиций объяснить возможную неэффективность психопрофилактики девиантного поведения несовершеннолетних, но и обосновать, как ее целенаправленное формирование повышает эффективность психопрофилактического взаимодействия.

Развитие рефлексивной психологии связано с именем А. Буземана, который выделил ее в качестве самостоятельной дисциплины в начале XX в. Само слово «рефлексия» происходит от позднелатинского «*reflexio*», что буквально означает 'обращение назад, отражение'.

В психологии она исследуется с разных позиций, анализ которых свидетельствует о сложности функционирования и проявления этого феномена [1]. Рефлексивные процессы включены в регуляцию практически всех сфер человеческой активности, и в соответствии с этим исследователи рассматривают рефлексию в рамках различных психологических концепций: *осознания* (Л.С. Выготский, Н.И. Гуткина, А.Н. Леонтьев, В.Н. Пушкин, И.Н. Семенов, Е.В. Смирнова, А.П. Сопиков, С.Ю. Степанов и др.); *мышления* (Н.Г. Алексеев, А.В. Брушлинский, В.В. Давыдов, А.З. Зак, В.К. Зарецкий, Ю.Н. Кулюткин, С.Л. Рубинштейн, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов и др.); *личности* (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова,

Л.С. Выготский, Б.В. Зейгарник, А.Б. Холмогорова и др.); *общения* (Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, С.В. Кондратьева и др.); *творчества* (Я.А. Пономарев, Ч.М. Гаджиев, С.Ю. Степанов, И.Н. Семенов и др.).

Психологической концепцией, в которой рефлексии отводится ведущая роль в самодетерминации человека, является субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, в котором подчеркивается, что возникновение сознания связано с выделением из жизни и непосредственного переживания рефлексии на окружающий мир и на самого себя.

С.Ю. Степанов и И.Н. Семенов выделяют четыре основных направления изучения рефлексии, в каждом из которых определяется тот или иной ее тип [5].

Интеллектуальная. Рефлексия понимается как умение субъекта выделять, анализировать и соотносить с предметной ситуацией собственные действия.

Личностная. Рефлексия выражается в построении новых образов себя в результате общения с другими людьми и активной деятельности.

Коммуникативная. Рефлексия рассматривается как существенная составляющая развитого общения и межличностного восприятия, как специфическое качество познания человека человеком.

Кооперативная. Рефлексия рассматривается как высвобождение субъекта из процесса деятельности, как его выход во внешнюю позицию по отношению к ней.

Интеллектуальному направлению изучения рефлексии посвящены работы Л.Ф. Берцфаи, Л.Л. Гуровой, В.В. Давыдова, А.З. Зака и др.

Рефлексия в исследованиях А.З. Зака рассматривается как процесс, который направляется представлением о результате, который должен быть достигнут человеком. От действий, которые составляют содержание некоторой конкретной деятельности (флексивные), рефлексивные действия отличаются тем, что их объектами выступают сами эти флексивные действия. При этом цель рефлексивного действия – внутренняя логика

осуществления флексивного действия, т. е. рефлексия есть намеренное осознание человеком логической формы своего действия, специфическое обращение человека к схеме собственного действия, к плану его построения, особая активность, направленная на установление действительно необходимых, закономерных ориентиров. Рефлексивное действие выступает условием выполнения флексивного действия обобщенным способом [2].

Исследованию личностного направления изучения рефлексии посвящены работы Н.И. Гуткиной, И.Н. Семенова, С.Ю. Степанова, Е.Р. Новиковой и др.

Центральным для личностного аспекта рефлексии является понимание рефлексии как процесса переосмысления, как механизма «не только дифференциации в каждом развитии и уникальном человеческом «Я» его основных подструктур («Я» – физическое тело, «Я» – биологический организм, «Я» – социальное существо, «Я» – субъект творчества и др.), но и интеграция «Я» в неповторимую целостность, не сводимую ни к одной из ее отдельных составляющих, ни к механической сумме» [5, с. 38]. Личностная рефлексия проявляется в способности человека через общение с другими людьми и активную совместную деятельность строить новые образы себя и вырабатывать более адекватные знания о мире.

Коммуникативному направлению изучения рефлексии посвящены исследования И.Е. Берлянд, А.В. Петровского, М.С. Миримановой, Ю.А. Шрейдер и др.

И.Е. Берлянд рассматривает рефлексия как общение человека с собой как с другим субъектом, которое требует обращения сознания не только на себя, но и к себе. «Рефлексия – это диалогическое отношение к себе как к человеку, как к субъекту, а такое отношение может строиться лишь через отношение к другому» [2, с. 139]. По мнению автора, понятие рефлексии раскрывает роль другого в развитии личности, сложность осознания себя: «своими и чужими глазами одновременно».

Четвертое направление изучения рефлексии связано с кооперативной деятельностью людей, которое задает социально-психологический контекст индивидуальной рефлексии (А.В. Карпов, Я.Л. Коломинский, И.С. Кон, В.И. Сосновский, В.В. Рубцов, Г.П. Щедровицкий и др.).

В качестве объекта рефлексии в данном случае выступают явления сознания не только самого человека, но и окружающих его людей. И.С. Кон, обозначая социальную природу рефлексивного процесса по отношению к самосознанию личности, отмечает: «рефлексия на себя есть, по сути дела, не что иное, как способность поставить себя на место другого, усвоить отношение других к себе» [4, с. 37].

Я.Л. Коломинский рассматривает рефлекссию как «способность субъекта воспринимать и оценивать основные параметры своих собственных взаимоотношений с другими членами группы» [3, с. 67]. Рефлексия рассматривается как оценочная деятельность, которая в качестве своего объекта имеет социально-психологическую ситуацию субъекта. Результатом этой деятельности являются представления субъекта о собственном статусе и собственных взаимоотношениях со сверстниками.

Таким образом, в результате проведенного теоретического анализа различных типов рефлексии выделяется основная функция рефлексии – адаптация к внешнему миру через регуляцию своего поведения и изменения себя.

Отечественные ученые, проводившие исследования психологии личности подростка (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, И.С. Кон, А.П. Краковский, А.М. Прихожан, Д.И. Фельдштейн, Д.Б. Эльконин и др.), считают подростковый возраст периодом противоречий, притязаний на взрослость и признание, углубление самоанализа, развитие самосознания, становления «Я-концепции», стремления к социальному и личностному самоопределению.

А.Г. Ковалев, Д.В. Колесов указывают, что подростковый возраст является тем перио-

дом, когда уже отчетливо выступает потребность в самовоспитании и ведется активная работа над собой. Это возраст становления самостоятельности, формирования чувства собственного достоинства, выражающего потребность в самоопределении и самоутверждении подростка в среде взрослых. Необходимо отметить, что данные острые процессы не всегда имеют благоприятный исход. В связи с этим в подростковом возрасте остро встает проблема девиантного поведения. Д.И. Фельдштейн отмечает, что самоутверждение подростков может иметь социально полярные основания – от подвига до правонарушения [6].

Проблема развития рефлексивности как способности у девиантных подростков остается на сегодняшний день малоизученной. В числе работ можно отметить исследования Ю.А. Васильевой, в которых подростки с девиантным поведением характеризуются неумением осуществлять контроль поведения и деятельности, меньшей ответственностью за совершенные поступки, низким уровнем рефлексивности. А.М. Бандурка, С.П. Бочарова, Е.В. Зеленская отмечают у девиантных подростков, наряду с эмоциональной неуравновешенностью, упрямством, сниженным самоконтролем, импульсивностью, преобладание низкого уровня рефлексивности.

Рефлексия в процессе психопрофилактики девиантного поведения подростков является процессом самоидентификации субъектов психопрофилактического взаимодействия со сложившейся профилактической ситуацией, с тем, что составляет профилактическую ситуацию: подростком, психологом, условиями развития субъектов психопрофилактического взаимодействия, содержанием, психолого-социальными технологиями и т. д. Суть психопрофилактической ситуации – во взаимодействии психолога и подростка, в котором деятельность одного детерминирует определенную деятельность другого.

Определению сущности психологической рефлексии в процессе психопрофилактики способствует рассмотрение ее структуры.

Опираясь на представления о структуре психопрофилактического процесса, возможно рассмотрение следующей модели рефлексии в процессе психопрофилактики девиантного поведения подростков:

- 1) рефлексия психологом деятельности девиантного подростка;
- 2) рефлексия психологом совместной деятельности в процессе психопрофилактики девиантного поведения подростков;
- 3) рефлексия психологом своей профессиональной деятельности;
- 4) рефлексия подростком с девиантным поведением своей деятельности;
- 5) рефлексия подростком с девиантным поведением совместной деятельности в процессе психопрофилактики;
- 6) рефлексия подростком с девиантным поведением деятельности психолога.

Психопрофилактика девиантного поведения несовершеннолетних осуществляется психологом для создания психопрофилактической среды, влияющей на восстановление и формирование социально приемлемых личностных и поведенческих навыков. Осуществление психопрофилактического воздействия на всех этапах психопрофилактики должно вестись с учетом возрастных и индивидуально психологических особенностей подростка с девиантным поведением, направленного на формирование реальной жизненной перспективы на основе продолжения образования, развития трудовых навыков, коррекции взаимоотношений и коммуникативных связей со значимыми другими лицами и с ближайшим социальным окружением.

Определяя функции рефлексии в процессе психопрофилактики, необходимо отметить, что главным условием эффективности психопрофилактики девиантного поведения подростков является саморазвитие субъектов взаимодействия в процессе психопрофилактики. Рефлексия в процессе психопрофилактики девиантного поведения подростков выполняет различные функции, констатируя уровень развития участников процесса психопрофилактики и их совместной дея-

тельности, уровень эффективности взаимодействия, эффективности средств психопрофилактических интервенций.

Коммуникативная функция является важным условием развития эффективного взаимодействия психолога и подростка в процессе психопрофилактики девиантного поведения и др.

Диагностическая функция диагностика индивидуальных психологических особенностей и уровня развития саморефлексии девиантного подростка; процесса психопрофилактики, уровня эффективности совместной деятельности психолога и подростка в процессе психопрофилактики и др.

Мотивационная функция определяет направленность, характер, результативность: психопрофилактических интервенций, совместной деятельности психолога и подростка в процессе психопрофилактики и др.

Проектировочная функция предполагает моделирование, проектирование психопрофилактической деятельности, способов взаимодействия субъектов психопрофилактического процесса и др.

Организационная функция способствует организации психопрофилактической среды, наиболее оптимального взаимодействия субъектов психопрофилактики и др.

Смысловая функция – обуславливает формирование в сознании субъектов психопрофилактического процесса смысла их совместной деятельности, смысла взаимодействия и др.

Коррекционная функция побуждает субъектов к корректировке совместной деятельности в процессе психопрофилактики в общем и психолога – к коррекции профессиональной деятельности, а девиантного подростка – к коррекции своего поведения в частности.

Выделение и реализация этих и других функций способствует повышению развивающего потенциала рефлексии в процессе психопрофилактики девиантного поведения подростков, определяет процедуру рефлексивной деятельности психолога и подростка.

Следует отметить, что процедура рефлексии должна осуществляться как в процессе проведения психопрофилактического воздействия в частности, так и при подведении промежуточных итогов и по окончании процесса психопрофилактики девиантного поведения несовершеннолетних в общем.

Процедура рефлексии в процессе психопрофилактики девиантного поведения несовершеннолетних складывается из трех ведущих компонентов.

Первым компонентом является фиксация состояния развития субъектов психопрофилактики. Субъект психопрофилактического взаимодействия фиксирует свое состояние развития в следующих сферах.

Эмоциональная сфера – какие эмоции испытывал в процессе совместной психопрофилактической деятельности; какие эмоции испытывает на момент рефлексии и т. д.

Мотивационная сфера – насколько совместная деятельность является личностно значимой для субъектов психопрофилактического взаимодействия; какие переживания вызвала совместная деятельность; внешние и внутренние мотивы совместной деятельности и т. д.

Сфера потребностей – пассивное или активное участие в процессе психопрофилактики; появилось ли стремление, влечение, желание к совместной психопрофилактической деятельности, к саморазвитию и т. д.

Сфере интересов – какие интересы появились в процессе совместной психопрофилактической деятельности; на что они направлены; уровень развития интереса и т. д.

Сфера ценностных ориентаций – что явилось личностной ценностью совместной психопрофилактической деятельности; как обогатился спектр ценностей; в чем проявилась ценность и т. д.

Деятельностная сфера – какую деятельность детерминирует совместная психопрофилактическая деятельность; какую деятельность корректирует; от какой деятельности заставляет отказаться; насколько обогащает опыт деятельности и т. д.

Когнитивная сфера – что произошло со знаниями; произошло ли наращивание, углубление знаний в процессе совместной психопрофилактической деятельности; что нового узнал и т. д.

Сфера сознания – произошло ли осознание: психологом – особенностей психопрофилактического взаимодействия, подростком – своего девиантного поведения в процессе совместной психопрофилактической деятельности; осознает ли себя субъектом совместной деятельности; самооценка своей деятельности и т. д.

Сфера умений – какие умения и навыки приобрел субъект в процессе совместной психопрофилактической деятельности и т. д.

Вторым компонентом в осуществлении процедуры рефлексии в процессе психопрофилактики является определение субъектами причин и причинно-следственных связей зафиксированного состояния развития. Среди причин можно отметить: интересное содержание совместной деятельности; эффективность совместной деятельности; позитивную атмосферу психопрофилактического воздействия; возможность творческого самовыражения; диалогичность взаимодействия; личностную ценность совместной деятельности; смену видов личной деятельности; инновационные психологические технологии и др.

Третьим компонентом является оценка эффективности развития саморефлексии субъектов взаимодействия в процессе психопрофилактики девиантного поведения подростков. Осуществляется при подведении промежуточных итогов и по окончании процесса профилактики. Под оценкой понимаются:

- 1) данные психодиагностического обследования;
- 2) мнения подростка с девиантным поведением о степени, уровне своего развития и влиянии на него совместной деятельности в процессе психопрофилактики;
- 3) мнение психолога о степени, уровне развития подростка с девиантным поведением и влиянии на его и свое развитие

совместной деятельности в процессе психопрофилактики девиантного поведения подростков.

Ведущими показателями эффективности психопрофилактики девиантного поведения подростков являются компоненты состояния развития подростка с девиантным поведением (сформированность социально приемлемых личностных и поведенческих навыков, устойчивая мотивация на отказ от девиантного поведения, сформированность реальной жизненной перспективы на основе продолжения образования, трудовой деятельности, восстановления адаптивных взаимоотношений и коммуникативных связей со значимыми другими лицами и с ближайшим социальным окружением).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берлянд И.Е. К постановке проблемы рефлексии как проблемы общения // Методологические проблемы личности: Сб. ст. – М., 1981. – С. 134-144.
2. Зак А.З. Экспериментальное изучение рефлексии у младших школьников // Вопросы психологии. – 1978. – № 2. – С. 102-112.
3. Коломинский Я.Л. Психическое развитие детей в норме и патологии, психологическая диагностика, профилактика и коррекция. – СПб., 2004. – 480 с.
4. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М., 1984. – 335 с.
5. Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. – 1985. – № 3. – С. 31-41.
6. Фельдштейн Д.И. Психология развивающейся личности. – М., 1996. – 112 с.

УДК 159.9.019.43

Божевольнов Г.Ю.

Московский государственный областной университет

АДАПТИВНОЕ И ДЕЗАДАПТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФЕНОМЕНЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

G. Bozhevolnov

Moscow State Regional University

ADAPTIVE AND NON-ADAPTIVE BEHAVIOR AS PSYCHOLOGICAL SCIENCE PHENOMENA

Аннотация. В статье рассматривается феномен адаптивного/дезадаптивного поведения сквозь призму основных психологических школ. Согласно взглядам первой, адаптивное поведение представляется крайне негибким и его польза очевидна лишь в тех условиях среды, в (или для) которых оно было сформировано. По мнению другой школы, существует особое поведение, характерное только для человека, которое может оставаться адаптивным, не отвечая критериям функциональности. В работе определяются основные мультимодальные критерии адаптивного/дезадаптивного поведения.

Ключевые слова: адаптация, поведение человека, приспособление, функциональное поведение, самоэффективность, экспрессивное поведение, конгруэнтность, психоанализ, натуральное поведение, культурное поведение, присвоение общественно-исторического опыта.

Abstract. The article studies the phenomenon of adaptive / non-adaptive behavior through the views of the main psychological schools. According to one of them, adaptive behavior is extremely inflexible and its benefits become obvious only in those environments in (or for) which it was formed. According to the other school, there exists some specific type of behavior characteristic only for the person, which may remain adaptive even without answering the criteria of functionality. The article defines the basic multimodal criteria of adaptive / non-adaptive behavior.

Key words: adaptation, human behavior, accommodation, functional behavior, self-efficacy, expressive behavior, congruence, psychoanalysis, natural behavior, cultural behavior, acquisition of social and historical experience.

Впервые термин «адаптация» получил свою популярность после выхода эволюционной теории Ч. Дарвина, основной идеей которой является учение о том, что сохраняются и дают потомство только те индивиды, которые наилучшим образом приспособлены к среде обитания. Таким образом, процессы биологической адаптации приводят к адаптированности организмов, что означает наилучшее структурно-функциональное соответствие организма (растения, животного) к условиям постоянной среды его обитания.

Ч. Дарвин отмечал, что адаптация как процесс происходит не только на уровне вида (филогенез), но и на уровне одного индивида (онтогенез), вследствие чего принято считать, что любое поведение носит адаптивный характер [3].

Не менее интересными оказались рассуждения В.Н. Помогайбина относительно теории эволюции. В своей книге «История психологии: лица, взгляды, концепции» он рассуждает о том, какое значение для истории психологии имели работы Ч. Дарвина, и приходит к нескольким важным для нас выводам:

– во-первых, «поскольку естественный отбор отсекает все не нужное для жизни, то он истребил бы и психические функции, если бы они не способствовали приспособлению. Это по-

будило рассматривать психику как элемент адаптации организма к окружающей среде... и порождало новый системный стиль мышления, который в дальнейшем привел к выводу, что предметом психологии должно быть не сознание индивида, но его поведение во внешней среде...» [8, с. 147];

– во-вторых, В.Н. Помогайбин акцентирует наше внимание на термине «целесообразность», который, с нашей точки зрения, является тождественным понятию «адаптивность». В связи с этим мы начинаем понимать, что «приспособленность видов... всегда относительна и полезна лишь в тех условиях среды, в которых виды длительное время существуют» [8, с. 147].

Эти рассуждения наталкивают нас на мысль о том, что сам процесс адаптации следует рассматривать в контексте поведения, погруженного в определённые условия среды. Такими условиями, с нашей точки зрения, должны и могут являться требования, представляемые к поведению человека со стороны общества.

Однако достаточно сложно выявить чёткие критерии адаптивного поведения в психологической науке, основываясь лишь на теории Ч. Дарвина. Это побудило учёных и далее обозначать адаптивное поведение в качестве предмета своих исследований. Посмотрим более подробно на доступные нам исследования касательно данной проблематики.

Исторически так сложилось, что в большей мере проблемами адаптивного поведения занимались учёные, работающие в бихевиоральной парадигме, поэтому нам необходимо остановиться на взглядах учёных, работающих в рамках поведенческого подхода.

Один из основоположников бихевиоризма Дж. Уотсон занимался исследованием личности сквозь призму приспособительного поведения и в своей статье «Психология как наука о поведении» указывает, что этот способ рассмотрения личности требует «как будто нормы для приспособленности и как будто предполагает, что такая норма действительно существует» [13].

Однако в своих исследованиях он даже не пытается её определить, и вопрос о том, будут ли когда-нибудь существовать научные и точные нормы адаптивного поведения, его не занимал [13]. Он лишь вскользь упоминает об условной норме адаптивного поведения, которая, с его точки зрения, носит практический характер и основана на здравом смысле.

Гораздо большую ценность в нашей работе будут представлять взгляды Дж. Уотсона касательно дезадаптивного поведения, которое он рассматривал сквозь призму видоизменения навыков. Если организм не способен изменить старый навык в новой среде, то индивидум остаётся в постоянно неприспособленном состоянии, а навык становится «извращённым». Человек с «извращённым» навыком не находится в контакте со своей средой (Дж. Уотсон имеет в виду социальную среду).

Принимая такой подход, логично было бы предположить, что адаптивное поведение, с точки зрения Дж. Уотсона, можно измерить количеством «контактов с социальной средой», что представляется вполне логичным.

Также нам интересны взгляды на феномен адаптивного поведения одного из пионеров бихевиористского движения Э. Торндайка, который рассматривал всю человеческую психику и поведение как систему реакций организма на внешние раздражения, посылаемые средой, и внутренние раздражители, возникающие в самом организме [12].

При этом Э. Торндайк не дифференцировал адаптивное и дезадаптивное поведение. Он считал, что новорождённый ребёнок уже в минуту своего рождения наделён всеми функционирующими рабочими органами и является наследником громадного родового капитала приспособительных, безусловных реакций. Однако, при всей своей целесообразности, они медленно изменяются. Поэтому существует форма приспособлений посредством изменения поведения без изменения в организации. Сама реакция организма (поведение) рассматривается им как адаптация.

Однако, согласно концепции Э. Торндайка, существуют механизмы, нарушающие адаптацию – это посторонние раздражители, которые имеют достаточную силу, чтобы сформировать случайную условную реакцию или затормозить уже сформировавшуюся.

Таким образом, можно предположить, что, с точки зрения Э. Торндайка, дезадаптивное поведение характеризуется наличием случайных условных реакций, а адаптивное – их отсутствием.

Продолжил и дополнил взгляды вышеупомянутых учёных Б.Ф. Скиннер, который описывал оперантное обусловливание как отбор поведения через его последствия. Он также сравнивал этот отбор с эволюционным принципом естественного отбора, в процессе которого организмы отбираются на основе их соответствия конкретному окружению. Однако поведенческий отбор происходит стремительнее и не требует участия генетических механизмов, по сути – это способность научиться из опыта [11].

Б.Ф. Скиннер часто критиковал людей «невежественных», не знающих причин поведения, и призывал прекратить использовать надуманные объяснения в качестве научно-аналитического метода. Исходя из таких соображений, в своих работах он применяет термин «желательное/нежелательное поведение» как альтернативу нормальному/отклоняющемуся и адаптивному/дезадаптивному поведению [14].

Эти положения радикального бихевиоризма обращают наше внимание не на адаптивность поведения, а на наличие желания в существовании какого-либо поведения и приносят довольно большой спектр методов модификации.

Рассматривая феномен адаптивного поведения, нельзя не остановиться также на взглядах основателя теории социального научения А. Бандуры.

В своей теории он привносит много нового для науки. Его теория произвела революцию в умах учёных. И вместе с тем, вопреки общему мнению, как пишет в предисловии к переводу книги «Теория социального науче-

ния» Н.Н. Чубарь, и мы не можем с этим не согласиться, в работах А. Бандуры центральное место занимает не социальное научение, а понятие «самоэффективность».

С точки зрения А. Бандуры, адаптивным является «самоэффективное» поведение, то есть равенство намерений поведения его результату [1]. При этом здесь важно прояснить, что под словом «намерение» А. Бандура призывает понимать ожидание «самоэффективности», а не ожидание результата. Обосновывается это тем, что человек может ожидать от каких-либо действий определённого результата, но не верить, что сам способен произвести эти действия.

Подход А. Бандуры, с одной стороны, дополняет подход Б.Ф. Скиннера, а с другой – привносит совершенно чёткий критерий адаптивности поведения – самоэффективность.

Несмотря на наличие критериев адаптивного поведения в вышеописанных подходах, взгляд на проблематику только с точки зрения бихевиоральной парадигмы представляется нам неполным. Поэтому нам необходимо проанализировать другие концепции, рассматривающие адаптивное или дезадаптивное поведение в той или иной степени. Одним из таких направлений является гуманистическая психология, которая по своей сути не противоречит бихевиоральной парадигме, а во многом дополняет её и является синергичной ей.

Одним из ярчайших представителей гуманистической психологии является Г. Олпорт, который в своих рассуждениях пришёл к одному очень интересному выводу. Суть этого вывода заключается в том, что человек, приспособляющийся к «нормам» поведения, является скучной посредственностью. Также Г. Олпорт говорит о том, что простая посредственность не сможет выжить в современном мире. «Кривая нормального распределения – говорит он, – не оставляет нам надежды на спасение» [7, с. 36]. Поэтому в своих работах он выделяет два вида поведения человека – «адаптивное поведение» и «экспрессивное поведение».

В своих работах он писал, что «экспрессивная часть поведения проистекает из глубинных детерминант, функционирующих, как правило, бессознательно и без усилий» [5, с. 429]. Адаптивную же часть поведения он считал более ограниченной системой, определяемой моментом и зависимой от стимуляции, волевого усилия или навыков. «Причина данного поведенческого акта, – писал Г. Олпорт, – в существующих в данный момент желаниях и намерениях индивида (хотя они, в свою очередь, могут проистекать из более глубоких личностных черт и интересов), но стиль исполнения всегда направляется прямо и без помех глубокими устойчивыми личностными диспозициями» (цит. по [5, с. 430]).

Упоминая о критериях измерения данных понятий, он указывает, что наиболее валидной единицей анализа, применимой для изучения различия в поведении разных людей, является *черта личности*, которая определяется им как некая нейропсихическая структура [15].

Тем не менее в своих исследованиях Г. Олпорт использовал такие критерии, которые, по его словам, могут дать возможность классифицировать поведение с точки зрения вызванного акта, например, выражение лица, походка, голос, почерк. Он полагал, что не следует обращать внимание лишь на какой-то один тип экспрессивного поведения, поскольку все они важны и пополняют наше знание об индивиде.

Труды Г. Олпорта очень сильно повлияли на воззрения основателя гуманистического направления в психологии А. Маслоу. Для нашего исследования его взгляды на адаптивное поведение являются ценными, так как именно они расширили границы психологии в понимании изучаемого нами феномена.

Главное и основное отличие взгляда А. Маслоу на адаптивное поведение от бихевиоральной концепции выражается в том, что само понятие адаптации (точнее, бихевиоральное его понимание) является негативным. Он говорил, что бихевиоральная концепция все подчиняет идее сохранения

жизни – выживания. Но, по мнению А. Маслоу, науке следует сконцентрироваться на том, чтобы сделать эту жизнь достойной, а альтернативой адаптивному поведению может стать понятие самоактуализации [6].

При этом А. Маслоу утверждает, что самоактуализирующаяся личность в большей мере ведёт себя экспрессивно. Для него экспрессивное поведение является «полезным», а адаптивное (функциональное) – «вредным». Тем не менее эти два вида поведения не противопоставлены друг другу – «они устремляют развитие организма в одном и том же направлении».

Такой анализ является для нас прикладным, но не менее важным. Ведь если мы говорим, что поведение человека не отвечает функциональным критериям, то оно дезадаптивно, но идеи А. Маслоу открывают нам третью сторону – экспрессивное поведение, которое может оставаться адаптивным, не отвечая критериям функциональности.

Среди различий функционального и экспрессивного поведения А. Маслоу выделяет следующие:

- функциональное поведение по определению целенаправленно и мотивированно, а экспрессивное поведение часто бывает немотивированным;
- функциональное поведение в большей степени детерминировано внешними – средовыми и/или культуральными – переменными, экспрессивное же поведение детерминировано главным образом состоянием организма;
- функциональное поведение легко понять как результат научения, в то время как экспрессивное поведение скорее антагонистично научению, оно представляет собой результат высвобождения, раскрепощения подавленных внутренних тенденций;
- функциональное поведение достаточно хорошо поддаётся контролю (подавлению, аккультурации), экспрессивное поведение, в свою очередь, обычно неконтролируемо, а порой даже принципиально неподконтрольно;
- функциональное поведение обычно устремлено к изменению текущей внешней

ситуации и, как правило, оно достигает этой цели. В противовес этому экспрессивное поведение не направлено на внешний объект: если оно и вызывает какие-то внешние изменения, то делает это непредумышленно;

- функциональное поведение – это поведение-средство, оно нацелено на удовлетворение тех или иных потребностей организма или на устранение возникшей угрозы, а экспрессивное поведение чаще всего самоцельно;

- функциональный компонент поведения, как правило, осознается индивидуумом (хотя, может быть, и неосознанным), в отличие от этого экспрессивный компонент обычно не осознаваем;

- функциональное поведение предполагает некоторые усилия со стороны индивидуума; экспрессия в большинстве случаев не требует усилий.

Таким образом, по критериям, описанным выше, мы можем отличить функциональное и экспрессивное поведение, но вот различить дезадаптивное и экспрессивное между собой представляется достаточно проблематичным.

Ключом к разгадке может стать само понятие самоактуализации. И, хотя в своих работах А. Маслоу пишет, что точного набора симптомов для ее определения нет, все-таки попытка умозрительно представить характеристики самоактуализации была им принята в книге «Мотивация и личность» в качестве описания анализа впечатлений, оставшихся после общения с друзьями, родственниками и посторонними пожилыми людьми на темы, так или иначе связанные с «самоактуализацией».

Развил и дополнил концепцию о самоактуализирующейся личности Э. Шостром. Он описал основные характеристики самоактуализации и на основании этого разработал «Опросник личностной ориентации», который позволяет измерить ценности и поведение, связанные с самоактуализацией. Опросник включает в себя следующие основные и дополнительные шкалы, которые имеют высокую корреляцию с «самоактуализацией»:

1. шкала поддержки, которая определяет степень независимости ценностей и поведения субъекта от воздействия извне. Считается, что самоактуализирующиеся люди независимы;

2. шкала компетентности во времени измеряет то, в какой степени человек живет в настоящем, а не концентрируется на прошлом или будущем. Самоактуализирующиеся люди в основном компетентны во времени [10].

Согласно субшкалам теста самоактуализация также включает в себя дополнительные шкалы: ценность самоактуализации, экзистенциальность, эмоциональную реактивность, спонтанность, заботу о своих интересах, самопринятие, природу человека, синергизм, принятие агрессии и способность к близким отношениям.

Вышеописанные критерии достаточно сильно взаимосвязаны, поэтому для наших целей мы можем позволить себе не вникать в суть дополнительных шкал, рассмотрев подробно только основные.

Среди учёных, работающих в гуманистическом направлении, особо можно отметить работы К. Роджерса, в которых говорится об изучении «приспособленного человека» в рамках Я-концепции.

Подход К. Роджерса заключается в том, что относительно феномена адаптивного поведения он ввёл важный научный факт – способность к ответственному личному выбору, которая является одним из наиболее важных принципов человеческого поведения [9].

Более того, в своих исследованиях К. Роджерс приходит к понятию «полноценно функционирующей личности», основным критерием которого является восприятие себя человеком с точки зрения собственной «приспособленности». Для оценки приспособленности К. Роджерс использовал ряд утверждений о «себе реальном» и «себе идеальном». Степень соответствия этих показателей и послужила критерием оценки «полноценно функционирующей личности».

Вдохновлённые работами К. Роджерса, учёные К. Холли Г. Линдсей установили оп-

тимальную величину корреляции +0,58 между идеальным и реальным представлением у человека. Слишком низкая же корреляция, по их мнению, ведёт к таким страданиям, что страждущий нуждается в терапии. В то же время слишком большая удовлетворённость собственным реальным «Я» означает патологию. «Наивысший из полученных коэффициентов (+0,90) был отмечен у человека явно патологического склада. Корреляции, приближающиеся к 1, можно ожидать только у самодовольных психопатов, в частности, параноидных шизофреников» [7, с. 40].

Также в описании «полноценно функционирующей личности» К. Роджерс использовал термин «конгруэнтность» как согласованность переживания и сознания. Измерять степень «конгруэнтности» в поведенческих проявлениях К. Роджерс предложил с помощью сообщений (не обязательно вербальных) о сознании переживания другим.

Идеи психологов, работающих в гуманистической концепции, расширили и дополнили наше понимание адаптивного поведения, но для полного исследования феномена адаптивного поведения этого недостаточно. Вопреки общепринятому мнению, многие идеи психоаналитической теории З. Фрейда непосредственно связаны с феноменом адаптивного поведения. Рассмотрим их более подробно.

Несмотря на всю важность исследования первоисточников, мы не будем обращаться к работам основателей психоанализа и пытаться преломлять их сквозь призму адаптивного поведения, потому что такая работа уже существует и во многом мы с ней согласны. В своей книге «Эго-психология и адаптация» Х. Хартманн попытался создать внутри рамок психоаналитической эго-психологии основу для теории человеческого поведения в целом, как нормального, так и аномального [16].

Суть взглядов Х. Хартманна заключается в рассмотрении адаптации как непрерывно продолжающегося процесса, который имеет свои корни в биологической структуре, отражающими постоянные попытки эго сбалан-

сировать внутрисистемные и межсистемные напряжения [16].

Что же касается адаптивного поведения, то Х. Хартманн считает, что в психоанализе под рациональным поведением подразумевается противоположность невротическому поведению как измерительному средству нормальности, как цели терапевтических усилий и т. д. При этом Х. Хартманн также призывает использовать понятие адаптивного поведения в качестве такой же цели и измерительного средства. Исходя из таких размышлений, мы можем предположить, что два вышеперечисленных понятия в психоанализе тождественны.

В качестве центрального понимания невротического поведения выступает самообман, который сопровождается неправильными суждениями о внешнем мире и о себе. Х. Хартманн пишет, что значительная часть психоанализа может быть описана как теория самообманов. В ходе психоаналитического процесса человек учится смотреть в лицо собственному психическому содержанию как объекту опыта и осмысления и видеть в нем части причинной сети. Таким образом, заключает Х. Хартманн, психоанализ является наивысшим развитием мышления, направленного на внутреннюю жизнь, так как он исправляет и регулирует адаптацию и приспособление (со всеми биологически значимыми для индивида последствиями, которые при этом подразумеваются).

Особого внимания в понимании адаптивного и дезадаптивного поведения заслуживают работы отечественных психологов.

В своей работе «Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок» Л.С. Выготский и А.Р. Лурия рассматривают эволюцию приспособительных механизмов сквозь призму развития поведения человека [2].

При изучении феномена адаптивного поведения Л.С. Выготский и А.Р. Лурия в первую очередь обращают наше внимание на то, что процесс исторического развития поведения человека и процесс его биологической эволюции не совпадают, один не является продолжением другого, но каждый

из этих процессов подчинен своим особым законам.

Это легко доказывается несколькими тезисами, описанными в «Этюдах истории поведения».

Изначально, с точки зрения Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, следует различать инстинкты и условные рефлексы. Если инстинкты служат средством приспособления к таким условиям среды, которые являются более или менее постоянными, закрепленными, устойчивыми, то условные рефлексы представляют собой гораздо более гибкий, тонкий и усовершенствованный механизм приспособления к среде, сущность которого заключается в том, что наследственные инстинктивные реакции приспособляются к индивидуальным, личным условиям существования.

Следуя дальнейшей логике Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, мы обращаем внимание на некоторую беспомощность инстинктов и условных рефлексов в условиях приспособления к новым обстоятельствам и условиям, с которыми сталкивается индивид, и принимаем для себя, «что работа интеллекта начинается там, где деятельность инстинкта и условных рефлексов прекращается или задерживается».

В активной встрече со средой человек вырабатывает умение пользоваться вещами внешнего мира как орудиями или как знаками; сначала это функциональное использование их носит наивный, неадекватный характер («магическая» фаза). Далее человек перерастает их, вырабатывая умение пользоваться своими собственными нервно-психическими процессами как приемами для достижения определенных целей. Натуральное поведение превращается в культурное; воспитанные социальной жизнью внешние приемы и культурные знаки становятся внутренними процессами.

В результате изучения трудов Л.С. Выготского и А.Р. Лурии можно предположить, что в качестве адаптивного поведения выступает культурное поведение, а в качестве дезадаптивного – натуральное (непосредственное приспособление).

А.Н. Леонтьев развил и дополнил взгляд на «приспособительное поведение», обозначенный Л.С. Выготским и А.Р. Лурией.

Он также считал, что приемы и средства поведения наследуются ребенком не биологически, а исторически, т. е. он усваивает их под влиянием социальной среды, которая, таким образом, не только выступает перед ним в качестве объекта приспособления, но вместе с тем сама создает условия и средства для этого приспособления.

Однако в основе его теории основное противопоставление делалось не в контексте «культурное – натуральное» приспособление, а в контексте «приспособление – присвоение».

Согласно мнению А.Н. Леонтьева, основное различие между процессами приспособления в собственном смысле и процессами присвоения, овладения состоит в том, что процесс биологического приспособления есть процесс изменения видовых свойств и способностей организма и его видового поведения [4]. Процесс же присвоения является процессом, в результате которого происходит воспроизведение индивидом исторически сформировавшихся человеческих способностей и функций, а именно воплощение в свойствах индивида достижений развития вида.

Присвоение общественно-исторического опыта создаёт изменение общей структуры процессов поведения и отражения, формирует новые способы поведения и порождает подлинно новые его виды и формы. Поэтому механизмы процесса присвоения имеют такую особенность, что это «суть механизмы формирования механизмов».

Исходя из воззрений на адаптивное поведение представителей разных психологических концепций, мы можем предположить, что феномен адаптивного/дезадаптивного поведения заключается в том, что «адаптивное поведение» (с точки зрения функциональности) и «адаптивное человеческое поведение» имеют ряд отличий.

С одной стороны, адаптивное поведение крайне негибко, и его польза очевидна лишь

в тех условиях среды, в (или для) которых оно было сформировано. Таким образом, если организм не способен изменить старый навык в новой среде, то индивидуум остаётся в постоянно неприспособленном состоянии, пока не сформируется новое функционально адаптивное поведение. При этом велика роль посторонних раздражителей, которые имеют достаточную силу, чтобы сформировать случайную условную реакцию или затормозить уже сформировавшуюся. Но, обладая знаниями о механизмах формирования адаптивного поведения, мы можем его успешно контролировать и рассматривать в контексте «желаемое/нежелаемое поведение».

С другой стороны, существует ряд мнений о существовании особого поведения, характерного только для человека, которое может оставаться адаптивным, не отвечая критериям функциональности. Среди них можно отметить понятия: «самоактуализация», «полноценно функционирующая личность», «психоанализ», «культурное поведение», «присвоение».

Тем не менее, несмотря на все различия, в человеке одновременно присутствуют оба вида адаптивного поведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бандура А. Теория социального научения / пер. с англ.; под ред. Чубарь Н.Н. – СПб., 2000. – 320 с.
2. Выготский Л.С. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Прimitив. Ребенок / Лурия А.Р. – М., 1993. – 224 с.
3. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора / пер. с англ. К. Тимирязева / под ред. Н. Вавилова. – М., 2009. – 320 с.
4. Леонтьев А.Н. Эволюция психики. – М.; Воронеж, 1999. – 416 с.
5. Линдсей Г., Холл С. Теории личности / пер. с англ. И. Гриншпун. – М., 2008. – 672 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А.М. Татлыбаевой. – СПб., 1999. – 478 с.
7. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / пер. с англ. Л.В. Трубицыной и Д.А. Леонтьева. – М., 2002. – 462 с.
8. Помогайбин В.Н. История психологии: лица, взгляды, концепции. – М., 1999. – 197 с.
9. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. М.М. Исениной; под ред. Е.И. Исениной. – М., 1994. – 478 с.
10. Рукавишников А.А. Опросник личностной ориентации (ЛиО): практическое руководство. – М., 2002. – 96 с.
11. Скиннер Б.Ф. Технология поведения // Американская социологическая мысль: Тексты / пер. А. Гараджи. – М., 1994. – С. 30-46.
12. Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии / пер. с англ. Е.В. Герье. – М., 1998. – 701 с.
13. Уотсон Дж. [Электронный ресурс] // Психология как наука о поведении [сайт]. [2012]. URL: <http://behavior.romek.ru/watson1.htm> (дата обращения: 12.12.2012).
14. Фрейдджер Р., Фейдимен Дж. Радикальный бихевиоризм. Б. Скиннер / Пер. с англ. Н. Муравьева. – М., 2007. – 128 с.
15. Фрейдджер Р., Фейдимен Дж. Теории личности и личностный рост. – М., 2004. – 657 с.
16. Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации / пер. с англ. И.Б. Гриншпун. – М., 2002. – 160 с.

РАЗДЕЛ III ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 35.08 – 057.17

Утлик Э.П.

Московский государственный областной университет

УПРАВЛЕНИЕ МЕЖГРУППОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИИ

E. Utlik

Moscow State Regional University

MANAGEMENT OF INTERGROUP RELATIONS IN ORGANIZATION

Аннотация. В духовной жизни организации значительное место принадлежит процессам межгруппового взаимодействия: восприятия, оценки, сравнения, соперничества, дискриминации, адаптации, сотрудничества и др. Эти процессы имеют свои непосредственные результаты, а также оказывают влияние на множество личностных и межличностных проявлений. Проведенных исследований достаточно для того, чтобы управление межгрупповыми процессами стало органической составной частью управленческой деятельности. Университетская подготовка управленцев, психологов-консультантов и других специалистов, включающая теоретическое и практическое изучение закономерностей межгрупповых отношений, вносит свой вклад в формирование нового поколения руководителей и новой управленческой культуры.

Ключевые слова: межгрупповые процессы, конфликт, соперничество, адаптация, сотрудничество, управление, межгрупповая ситуация, социальная психология, организационная психология, межгрупповая дифференциация, дискриминация, методы межгрупповой адаптации.

Abstract. Inter-group interaction processes, such as: perception, evaluation, comparison, competition, discrimination, adaptation, cooperation, etc. take special place in spiritual life of any organization. These processes have their immediate results, and exert influence on a lot of personal and interpersonal manifestations. The studies of intergroup processes result in making them an organic part of management. University course for administrators, counselors and other professionals includes theoretical and practical study of the patterns of intergroup relations, contributes to the formation of a new generation of leaders and a new management culture.

Keywords. Intergroup processes, conflict, competition, adaptation, collaboration, management, inter-group situation, social psychology, organizational psychology, intergroup differentiation, discrimination, intergroup adaptation methods.

Методологическое, теоретическое и практическое значение концепций межгрупповых отношений. Тема межгрупповых отношений рассматривается в социальной психоло-

© Утлик Э.П., 2013.

гии с разных сторон, с разных теоретических и практических позиций. Два из многих подходов привлекают наше внимание: один – методологический, второй – преимущественно прикладной.

Методологический анализ диктуется необходимостью решения ряда теоретических проблем социальной психологии, которые по своей природе тесно связаны с межгрупповыми отношениями. Прикладной подход побуждается множеством практических задач, вытекающих из конфликтного взаимодействия различных групп и организаций.

Формирование и поведение личности, групповая динамика, психологические вопросы более широкого социального порядка нуждаются в опоре на решения в межгрупповой области. Если, например, выпускник университета вступает в контакт с работодателем, то в этом процессе сталкиваются, по крайней мере, две культуры: университета и организации-работодателя – за спиной студента стоит его университет, то есть контакт является межгрупповым. Социально-психологическая адаптация индивида в новой для него социальной среде – это адаптация межгрупповая, взаимодействие двух и более культур на личностно-групповом пространстве. Многие внутриличностные конфликты – это не что иное, как преобразованные формы межгрупповых столкновений. Являются также межгрупповыми процессами такие деятельности, как управление, обучение, лечение и им подобные.

Взаимодействие психологии с общественными науками при объяснении различных социальных явлений тоже не обходит межгрупповую область. Как раньше, так и в настоящее время многие исследователи находят источники социальной вражды или сотрудничества внутри личности или в безличных социально-экономических условиях. Можно расширить область поисков причин социальных конфликтов и социальной гармонии, если принять во внимание идеи, родившиеся и проверенные в ходе изучения межгрупповых отношений.

Психологические концепции межгрупповых отношений лежат в основе политики, «паблик рилейшнз», конкуренции, межнациональных споров и конфликтов, социальных проблем, выражением которых являются забастовки (отношения между работодателями и работниками); внутриорганизационных отношений и коммуникаций. Они же образуют теоретическую основу ведения войны. Возможно, что наибольшее развитие теория межгрупповых отношений получила в военном, конфликтологическом направлении, то есть в области стратегии и тактики межгрупповой борьбы. Может быть, сама война есть следствие того, что отсутствуют развернутые теории сотрудничества, в отличие от теорий войны и военной науки в целом.

В отношениях людей групповой фактор играет более значительную роль, чем можно было бы думать. В межличностных контактах за каждым партнером стоит его группа (группа членства или референтная), даже если они этого не осознают. Это их «команды», как утверждал И. Гофман [2, с. 117]. Иногда они помогает, дают силы, иногда мешают, сковывают, ограничивают. В душе каждого человека есть всякого рода групповые, социальные ограничители, фильтры и преломляющие призмы, которые приближают собственно индивидуальное поведение к групповым образцам и соотносят его со стандартами других групп.

Все это обнажается, в частности, на важных переговорах: партнеры являются, естественно, членами разных групп, так сказать, «ближнего круга», и это членство иногда вступает в противоречие с интересами представляемых ими сторон. Чтобы не «потерять лицо» перед «своими», переговорщики могут пожертвовать интересами организации и отказать от полезной тактической уступки. Как писал Т. Шибутани, многие политические решения принимаются государственными деятелями, чьи личные связи ограничены небольшим кругом с определенными обязательствами. Учитывая взгляды друзей, официальное лицо может «забыть» о национальных интересах. До тех пор, пока человек

не осознает, что картина мира, разделяемая в его группе, составляет фильтр, через который проходят воспринимаемые им ситуации, многие его поступки будут не вполне индивидуальными, а поступки других людей могут вызывать недоумение [12, с. 350-351].

Все это говорит о широте методологического приложения теоретических решений в области межгрупповых отношений.

Что касается собственно социально-психологической теории, то в свое время предполагалось, что социальная психология будет преобразована в межгрупповом духе, то есть она станет в перспективе не «межличностной», какой она якобы является, а действительно социальной. Поэтому важно, чтобы изучение межгрупповых отношений шло опережающим темпом. Несмотря на известное преувеличение, что свойственно новым идеям, тема межгрупповых отношений фактически выдвигается на передний план [1]. Достаточно сослаться на то, что она за последние годы стала предметом крупных исследований на уровне докторских диссертаций (В.С. Агеев 1990, А.В. Булгаков 2006, О.А. Гулевич 2000, С.Д. Гуриева 2010, И.С. Клецина 2004, А.П. Оконешникова 1989, В.П. Позняков 2003, Т.Г. Стефаненко 1999, И.Р. Сушков 2002, Г.У. Солдатов 1998 и др.).

Отличительная особенность исследований межгрупповых явлений – их тесная связь с практическими задачами управления и воспитания. Эта связь хорошо прослеживается в одном из первых и впечатляющих исследований, выполненных М. Шерифом в 1954 г. и посвященных межгрупповой враждебности. В дальнейшем это явление назвали межгрупповой дискриминацией: это – внутригрупповой фаворитизм (отношение к своей группе) и внегрупповая враждебность (отношение к чужим группам).

В определенных научных кругах сложилось мнение, что «причина межгрупповой дискриминации – простой факт осознания того, что одна группа – своя, а другая – чужая. Утверждают, что первичным социальным действием является так называемая «самокатегоризация», то есть отнесение человеком

себя и других людей к определенным социальным категориям. При этом происходит дифференциация на «своих и чужих». Согласно ряду теорий, межгрупповые отношения подобного рода являются основой социальной жизни.

Правда, были попытки указать и на неадекватность подобных взглядов. С. Московичи возражал против абсолютного характера межгрупповой дискриминации и не считал, что социально значимая совместная деятельность служит надежным средством против межгрупповой дифференциации.

Вопросы межгрупповых отношений в теориях организации и управления. Межгрупповые проблемы возникают везде, в том числе внутри организаций. В современной организационной психологии, а также в смежных дисциплинах организации рассматриваются как сети взаимозависимых групп, а эффективное управление трактуется как умелая работа с их взаимозависимостью [4, с. 17].

В наше время достижения в исследованиях межгрупповых отношений интересуют организации разных типов и назначений, прежде всего потому, что они нуждаются в горизонтальных коммуникациях. Организация, состоящая из большего или меньшего числа подразделений, – это система взаимосвязанных специализированных элементов, поэтому непосредственный информационный обмен между ними нужен для координации задач и действий. Если в одном из подразделений создается негативный образ другого подразделения, то неизбежна борьба между ними, последствия которой всегда отрицательны.

Руководство должно добиваться, чтобы эти подразделения работали согласованно, обеспечивая и повседневные результаты, и развитие организации. Кроме того, коммуникации по горизонтали необходимы для формирования длительных партнерских отношений, без которых нет удовлетворенности работников своей работой.

Многие страны и учреждения накопили хороший опыт управления межгрупповыми

процессами и научились создавать условия для полноценного общения групп.

«В японской фирме в каждом отделе есть лицо, которое знает людей, проблемы и процедуры любого другого отдела. Когда необходимо урегулировать отношения, обе стороны в состоянии понять друг друга и установить необходимые контакты. Вероятно, более важным фактом является то, что каждый работник знает, что в течение всей своей служебной карьеры он будет выполнять различные функции, его будут переводить в различные отделы фирмы, в том числе в других городах или странах. Лицо из другого отдела, которое просит кого-то помочь ему сегодня, может оказаться завтра сотрудником или даже начальником. Таким образом, есть не только возможность, но и мотив иметь широкие личные связи в масштабе всей организации, а также сотрудничать со всеми» [5, с. 46].

Э. Роджерс и Р. Агарвала-Роджерс формулируют некоторую практически значимую закономерность: «члены организации... выполняют разные функции. Одни являются как бы “сторожами”: они контролируют входные потоки сообщений. Другие занимают ключевые позиции, связывая группы. Их называют “связными”. Еще одна группа — «космополиты» — это как бы “окна в мир” организации, поскольку они связывают систему с внешней средой» [7, с. 132].

Уже в первой четверти XX в. публиковались теоретические обобщения и исследовательские работы по межгрупповой тематике.

Четкие параметры качества межгрупповых отношений и их влияния на интегрированность предприятия представил А. Файоль, опираясь на обобщение управленческой практики (табл. 1).

Таблица 1

Хорошие и плохие межгрупповые отношения (по А. Файолю)

Хорошо скоординированное предприятие	Плохо скоординированное предприятие
Каждая служба работает в согласии с остальными	Каждая служба не знает и не хочет ничего знать о других. Она работает так, как если бы она была сама себе целью и смыслом, не заботясь нисколько ни о соседних службах, ни о предприятии в целом
В каждой службе отделы и подотделы точно осведомлены относительно доли участия их в общей работе и той помощи, которую они должны друг другу оказывать	Между отделами и бюро одной службы существует такая же разомкнутость, как и между различными службами
Программа хода работ в различных службах и отделах каждой службы постоянно согласуется с обстоятельствами	Никто не думает об общем интересе

По мнению этого крупного практика и теоретика в организации, губительное для предприятия самоизоляционное умонастроение персонала является не результатом злой воли, а следствием недостаточной координации или же его отсутствия. «Хороший персонал непременно станет портиться, если постоянно не напоминать ему о его обязанностях по отношению к предприятию и ко всем частям социального организма» [10, с. 79].

Получила некоторую известность работа по межгрупповому поведению, выполненная

в 1944 г. У.Ф. Уайтом. Изучая межгрупповые отношения на примере ресторана, он установил, что если работники со статусом ниже (официантки) формально могли предъявлять прямые требования к поварам – работникам с более высоким статусом, – возникали конфликты. В естественных же условиях поток требований исходит от групп более высокого статуса: повара не предрасположены получать распоряжения от официанток. Чтобы исключить конфликты, между поварами и официантками поставили межлич-

ностный барьер — стойку, на которую официантки клали свои заказы [6, с. 83-84].

Проведено немало исследований для того, чтобы понять, какие психологические факторы обуславливают возникновение и статусную дифференциацию групп. В явных случаях межгрупповой статус определяется исходом борьбы: какая-то группа оказывается более сильной, и ее статус – это ее завоевание в непосредственной или косвенной борьбе, например, в конкуренции или в продвижении своих собственных интересов.

Исследование Д. Далтона (1959) (по: Р. Холл. Организации: структуры, процессы, результаты.) показало, что в организациях создаются агрессивные клики для защиты от реальной или воображаемой угрозы, исходящей от планов реорганизации или иных инновационных мероприятий. Основанием для формирования клик могут также послужить мнимая или реальная дискриминация сотрудников по возрастным, гендерным, этническим и религиозным признакам; ведомственная позиция в организации, образование, стаж работы и личные качества также могут явиться предпосылкой развития межгрупповых процессов и вести к расколу организации [11, с. 200].

В ходе межгрупповой борьбы подразделения организации используют преимущества, которые дает им их характер деятельности. Например, работники ремонтных подразделений приобретают высокий статус, потому что производственники зависят от них; если происходят поломки машин, станков и оборудования, находящегося на гарантийном обслуживании, они оказываются совершенно беспомощными. Производственные рабочие и их руководители стараются всячески угодить мастеру-ремонтнику.

Исследования показали, что «в изучаемых фирмах в большинстве случаев господствовали отделы продаж», из чего был сделан вывод, что такой тип межгрупповых отношений характерен для большинства промышленных фирм. Высокостатусное положение занимают также финансовые отделы.

Исследователи утверждают: «Отдел организации, выполняющий основные, решающие функции, обладает наибольшей властью» [11, с. 190].

Накоплен значительный эмпирический и описательный материал о многообразных факторах внутриорганизационной дискриминации групп и ее формах.

Пример 1. В банке «Х» дискриминирующим фактором во внутренних отношениях явилось поведение бухгалтерско-операционного отдела. Сотрудники этого отдела выделялись более высоким уровнем профессиональной компетенции. Они имели доступ ко всей информации о происходящих в банке хозяйственных процессах, в том числе располагали сведениями о незаконных доходах сотрудников других отделов, которые выдавали необеспеченные кредиты за вознаграждение, что приносило вред банку. К тому же бухгалтерия была больше загружена работой по сравнению с другими отделами. В итоге данный отдел воспринимался в организации как источник опасности. Все это нарушило рабочие взаимодействия между подразделениями, создало эмоциональный дискомфорт, недоверие и конфликты даже там, где явных причин не было.

Радикальные изменения в организационной структуре и качественном составе работников других отделов не устранили дискриминацию, потому что не были затронуты ее психологические причины.

Пример 2. Л. Якокка делится своими впечатлениями от нового места работы: «Фирма “Крайслер” отнюдь не функционировала как целостная корпорация.

Здесь не было ничего, что цементировало бы организационную структуру, не было практики совещаний, на которых люди могли бы обмениваться мнениями. Менеджер, возглавляющий конструкторский отдел, не поддерживал постоянной связи с руководителем производственного отдела.

Сотрудник из конструкторского отдела, возможно, обладал способностью изобрести какой-нибудь агрегат, представляющий чудо конструкторской мысли, сэкономивший бы

компании кучу денег. Он мог предложить великолепный дизайн новой модели. Существовала лишь одна проблема: он понятия не имел, сумеют ли производственники реализовать его замысел. Он никогда на эту тему с ними не говорил.

Никто в корпорации “Крайслер”, казалось, не понимал, что взаимодействие различных функций в компании абсолютно необходимо. Конструкторам и производственникам следовало чуть ли не спать в одной постели. А они даже не позволяли себе пофлиртовать друг с другом!» [13, с. 179].

Пример 3. В некоторых университетах кафедры изолированы друг от друга, духовно (теоретически и методически), даже в том случае, когда они работают с одними и теми же группами студентов. Они не обмениваются опытом, не делятся полезной информацией, непосредственно не согласовывают свои планы, а иногда просто игнорируют само существование друг друга.

Пример 4. Транспортная корпорация столкнулась с напряженным конфликтом между исследовательским отделом инноваций и развития и отделом по эксплуатации. Первый отвечал за развитие операционных инноваций, за все, начиная от загрузки железнодорожного вагона до повышения эффективности процесса перевозок. Второй нес ответственность за составление расписания и непосредственное движение поездов.

Менеджеры по эксплуатации считали исследовательский отдел абсолютно бесполезным. Они утверждали, что исследовательский персонал занимается только разговорами о долгосрочных перспективах и проектах. Эксплуатационники то и дело говорили: «Пятидесятипроцентное решение острой проблемы в сжатые сроки гораздо лучше стопроцентного решения через десять лет». Их также не устраивали сложные технологии и термины.

Исследователи разработали несколько эффективных проектов, в число которых входили автоматическая загрузка платформы и новые модели поездов, однако это вызвало сопротивление эксплуатационников. В

итоге исследователи были вынуждены либо отказаться от внедрения разработок, либо опуститься на уровень менее образованного персонала по эксплуатации.

Межгрупповая враждебность значительно понижала эффективность работы. Климат в коллективе был неблагоприятный, и менеджеры по эксплуатации не проявляли значительного интереса к новым разработкам.

Выход нашли в ротации менеджеров обоих подразделений между собой. Сначала обменяли по одному менеджеру из каждого подразделения. Затем – двух и немного позже – трех. Каждая ротация продолжалась около шести месяцев. Через два с половиной года взаимоотношения заметно улучшились. Теперь менеджеры рассматривали проблему с двух точек зрения, что способствовало преодолению разногласий. Один из менеджеров по эксплуатации настолько заинтересовался работой управления инноваций и развития, что захотел перейти работать в это управление. Управление по эксплуатации взяло к себе на постоянную работу двух менеджеров управления инноваций и развития.

Пример 5. Нередко отношения между подразделениями организации оказываются отягощенными в течение настолько продолжительного времени, что становятся чуть ли не привычными.

В ходе исследования, проведенного на крупном машиностроительном предприятии (Чувашия) под нашим руководством, установлено сложное переплетение различных межгрупповых проявлений – деловых оценок, эмоциональных реакций, предложений, самооценок и т. д. Ключевые области межгрупповой ситуации таковы.

Оказалось, что два структурных подразделения – конструкторский и технологический отделы – находятся в зоне повышенного внимания других групп.

Конструкторский отдел является объектом недоброжелательства со стороны большинства подразделений. Считается, что его сотрудники пользуются незаслуженными преимуществами, которые ему предоставля-

ет руководство (по первому требованию этот отдел получает людей, оборудование, доступ к руководству, а также социальные блага: квартиры, путевки, кредиты и т. д.). Сотрудники отдела называют «белыми людьми», «господами». Существует мнение, что они не умеют принимать самостоятельные решения, не стремятся наладить контакты с цеховым персоналом, не имеют чувства ответственности за работу, не могут воспользоваться в полной мере доступными ресурсами. Руководство отдела обвиняется в неспособности эффективно организовать работу.

Технологический отдел получает негативную оценку у представителей почти всех подразделений. Особенно бескомпромиссны в своих суждениях производственные подразделения. Более того, производственники время от времени экзаменуют сотрудников технологического отдела и даже подшучивают над ними. Например, технолог при посещении цеха спрашивает, изделие какой серии находится в покраске. Мастер называет несуществующую серию и, увидев, что технолог удовлетворен ответом, делает заключение о его некомпетентности. Подобные факты дают основание утверждать, что технологическая служба не является достойным партнером. Среди мастеров и начальников цехов распространено мнение о низком профессионализме технологов, их неспособности оперативно и квалифицированно реагировать на изменения, брать на себя ответственность, проявлять инициативу. Чем успешнее работает цех, тем выше его требования; здесь говорят о неорганизованности технологического отдела, избегании острых производственных проблем, дефиците квалифицированных кадров, предлагают варианты реорганизации от замены руководства до обновления кадрового состава.

Дело дошло до полного или частичного игнорирования этого отдела. Начальники цехов, объединившись, создали свой архив документации, благо, заказы время от времени повторяются. Пока технологи готовят официальные документы, производственники работают по архивным материалам.

Документация приходит от технологов с большим опозданием, когда изделия уже готовы к сдаче.

Подразделения, которые негативно оценивают заводских конструкторов и технологов, себя воспринимают как несправедливо обделенных.

Групповая самооценка всех подразделений, включенных в межгрупповой процесс, может быть выражена словами: «мы лучше всех». В частности, все группы (за исключением конструкторского отдела) считают, что у них конфликты случаются реже, чем в других подразделениях, что их подразделения более организованны и более компетентны, чем другие.

Место и роль руководства завода в сложившихся межгрупповых отношениях таковы. Привилегированное положение конструкторского отдела и негативные характеристики его деловых свойств не признаются. Директор считает, что конструкторам создаются условия в соответствии со значимостью выполняемых ими функций, а недочеты в работе обусловлены объективными причинами.

Относительно технологического отдела руководство завода придерживается следующей точки зрения: здесь действительно есть сотрудники без специального образования, но в отделе много рутинной работы, не требующей особой квалификации, которую можно освоить за два-три месяца. Поэтому выполнение такой работы правомерно поручать людям без профессиональной подготовки.

Как видно, функциональные подразделения, вопреки своему предназначению, склонны к самоизоляции, уклонению от межгрупповых контактов; линейные подразделения, напротив, стремятся к налаживанию деловых отношений и совместному решению проблем.

В целом же руководство завода объясняет трения в отношениях подразделений желанием людей снять с себя вину за собственные неудачи. Ситуация в целом оценивается им как достаточно привычная, не проблемная

и не содержащая каких-либо возможностей для роста. Другими словами, руководство завода не намерено заниматься межгрупповыми отношениями.

Явление достаточно распространенное. Несмотря на то, что руководители всех уровней признают важность организационных коммуникаций, на практике им уделяется мало внимания. Более того, от прошлых времен осталась привычка публично делить подразделения организации на «лучшие» и «худшие», определять «победителей соцсоревнования», приписывать им ранговые места на некоторой, мало кому понятной шкале. Бюрократическая дифференциация групп в организации чаще всего имеет негативные последствия – усиливает дезадаптационные явления в межгрупповых отношениях.

Как оптимизировать межгрупповые адаптационные процессы в организации?

Для управления межгрупповыми адаптационными процессами необходимо, прежде всего, адекватно воспринимать проблемы в этой области, не смешивая их с другими.

Вот поучительный пример [9, с. 27-28]. Президент компании обращается к организационному психологу: «Не могли бы вы предложить семинар для одного из моих парней. Замечательный малый, острый, энергичный, все у него в руках горит, но всегда ведет себя словно бык с дюжиной пик в спине. Он мой заместитель по производству, и я поручил ему курировать комплексный проект на 2 млн долларов, но боюсь, как бы он все не испортил из-за своего ненормального характера».

Психолог разобрался в ситуации и пришел к выводу, что «замечательный малый», возглавляющий производственный отдел, находится в жестком конфликте с руководителем строительного отдела. В этот конфликт вовлечен и персонал этих отделов. Сотрудники производственного отдела считали ребят из строительного отдела бестолковыми, тупыми роботами, только и способными бездумно исполнять то, что им велят, и больше озабоченными тем, как бы не получить нагоняй от начальства, чем достижением ре-

зультатов. В свою очередь, сотрудники строительного отдела терпеть не могли парней из производственного отдела, отзывались о них как о «тупом, упрямом сброде, которому как следует промыли мозги».

Дополнительно к этому, президент компании решил держаться в стороне и дать подчиненным самим разобраться со своими проблемами, чем только способствовал разрастанию конфликта.

Проблема потребовала длительной работы и была решена на пути улаживания межгрупповых отношений, а не «коррекции» поведения одного человека, как виделось это президенту компании.

Для прогнозирования динамики межгрупповых явлений желательно иметь представление об исходной ситуации в этой области, в частности, о зависимости подразделений или групп друг от друга при достижении своих целей. Различают разные степени межгрупповой зависимости.

1. Независимые команды. Здесь вероятность конфликта очень низка. Это происходит, например, с независимыми или подчиненными компаниями, передающими свои результаты в общий фонд.

2. Односторонняя, или последовательная, зависимость. Одно подразделение зависит от результатов работы другого и без этих результатов не может работать, что типично для производственной деятельности. Угроза конфликта здесь выше.

3. Взаимная зависимость, которая характерна для управленческих групп, которые связаны друг с другом при планировании и выполнении сложной работы. Здесь таится еще большая возможность конфликтов. Взаимная зависимость и конфликтность в межгрупповых отношениях может усиливать групповое («огруппленное») мышление, в частности, порождать стереотипы и другие негативные явления, которые получили в свое время название «этноцентризм» (У. Самнер, Т. Адорно).

Если есть признаки того, что внутриорганизационная проблема носит межгрупповой характер, то лучше всего обратиться к

консультанту – специалисту по данной проблематике. Возможно, придется согласиться с тем, что коррекционная работа будет продолжительной – межкультурные конфликты обычно устойчивы, тем более, если они опираются на известные традиции.

Существуют, разумеется, методы поведенческого типа, которые снимают некоторую остроту в отношениях групп и подразделений в организации. Например, если разделить группы территориально, изменив условия взаимодействия, то и конфликт теряет свою остроту.

Чтобы добиться устойчивого изменения межгрупповых аттитюдов, практикуют следующие методы.

- Массовое общение групп заменяют общением их представителей, которые, по мнению обеих групп, обладают высоким профессиональным статусом, личными качествами, соответствующими идеалам обеих групп, и опытом, необходимым для понимания взглядов каждой группы.

- Организуют переговоры между представителями групп по вопросам, касающимся конфликта, в присутствии сотрудников, которые занимают нейтральную позицию и обладают опытом и личными качествами, ценимыми обеими сторонами.

- Проводят прямые переговоры между представителями недружественных групп без присутствия третьей стороны.

- Привлекают представителей соперничающих групп к совместной работе над производственными проектами.

- Формулируют общеорганизационные цели таким образом, чтобы направить усилия всех на общий результат. Делают надлежащие выводы из того факта, что организация, участвуя в жесткой рыночной конкуренции, не воспроизводит внутри себя рыночный дух. «Никто не может наслаждаться работой, если его сравнивают с другими», – утверждал Э. Деминг [3, с. 98].

- Обращают внимание на формирование субкультуры отдельных подразделений, предупреждая чрезмерные расхождения и отличия от общеорганизационной культуры.

- Целенаправленно занимаются развитием единых организационных ценностей, «общего видения». «Трудно вообразить организацию, сумевшую достичь чего-либо стоящего, без глубоко укорененных в членах организации целей, ценностей и сознания долга», – читаем мы у П. Сенджа [8, с. 72].

Управленческо-коррекционная деятельность в межгрупповой области формируется в настоящее время как практическое приложение результатов научных исследований, а также (в меньшей степени) на основе обобщения опыта руководителей различных рангов, сумевших решать те или иные проблемы: развития отношений доверия, межгрупповой адаптации, предупреждения и преодоления конфликтов между группами и др. В целом же управление межгрупповыми отношениями – слабое место в отечественном менеджменте, в том числе в тех теориях, на основе которых готовятся управленцы в различных университетах. Даже в учебниках по психологии управления, социологии управления, организационному поведению и другим дисциплинам теория и практика межгрупповых организационных отношений представлена все еще недостаточно. Теорией и практикой менеджмента психология межгрупповых отношений и вовсе не освоена. Между тем, в этой области находятся резервы роста производительности труда, развития личности, облагораживания организационного климата, повышения мотивации деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. – М., 1983. – 144 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М., 2000. – 305 с.
3. Деминг У.Э. Новая экономика. – М., 2006. – 208 с.
4. Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации. — М., 1996. – 285 с.
5. Оучи У. Методы организации производства. Японский и американский подходы. – М., 1984. – 183 с.
6. О'Шонесси Д. Принципы организации управления фирмой. – М., 1979. – 227 с.
7. Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р. Коммуникации в организациях. – М., 1980. – 176 с.

8. Сендж П. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающихся организаций. – Харьков, 2006. – 408 с.
9. Тобиас Л. Психологическое консультирование и менеджмент: Взгляд клинициста / Пер. с англ. – М., 1997. – 160 с.
10. Файоль А. Общее и промышленное управление. – М., 1923. – 120 с.
11. Холл Р. Организации: структуры, процессы, результаты. – СПб., 2003. – 512 с.
12. Шибутани Т. Социальная психология – М., 1969. – 512 с.
13. Якокка Л. Карьера менеджера. – М., 1990. – 316 с.

УДК 316.6+159.9.01

Евенко С.А.

Московский государственный областной университет

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ

S. Yevenko

Moscow State Regional University

THEORETICAL MODEL OF MANIFESTATION OF GENDER FEATURES OF INTERPERSONAL CONFLICTS IN AN ORGANIZATION

Аннотация. Статья посвящена изучению теоретических проблем исследования проявления психологических и поведенческих характеристик сотрудников организации, относящихся к определенному социальному полу. На основе теоретико-методологического анализа проявления гендерных особенностей в межличностных конфликтах автор приходит к выводу о том, что изучаемый процесс имеет достаточно сложный характер развития и свои особенности. В статье предложена авторская модель проявления гендерных особенностей в межличностных конфликтах.

Ключевые слова: межличностный конфликт, гендер, социальный пол, гендерные схемы.

Abstract. The article is devoted to the study of theoretical problems of manifestation of psychological and behavioural characteristics of the staff –members belonging to a certain social sex. On the basis of the theoretical and methodological analysis of gender features manifestation in interpersonal conflicts, the author comes to the conclusion that the process under study has a rather difficult nature of development and its own peculiarities. The article presents the author's model of gender features manifestation in interpersonal conflicts.

Keywords: interpersonal conflict, gender, social sex, gender schemes.

Современными реалиями функционирования любой организации являются межличностные конфликты [1], которые оказывают негативное влияние на психическое самочувствие сотрудников, сплоченность коллективов и в целом снижают эффективность деятельности производства.

Существующая практика по предупреждению межличностных конфликтов свидетельствует о том, что в этой деятельности уделяется значительное внимание статусно-ролевым, возрастным, национальным и др. характеристикам конфликтующих, тогда как гендерные качества участников конфликтов остаются неучтенными. Однако современные гендерные исследования убедительно продемонстрировали, что участники конфликтной ситуации достаточно часто применяют гендерные схемы в формировании информационной модели конфликта, в выборе стратегии поведения в нем.

Ситуация проявления гендерных особенностей в конфликтах обостряется еще и тем, что в настоящее время наблюдается активное вхождение женщин в традиционно мужские профессии (бизнес, МЧС, силовые структуры и т. д.) и мужчин в женские (модельный бизнес, сфера торговли и т. д.). Осваивая нормы и правила неполотипичной для себя профессии, женщины меняют привычные феминные гендерные стереотипы в сторону маскулинности, становясь более мужественными, профессионально активными, а мужчины демонстрируют феминные черты.

Поскольку социальный пол не является глубинной структурой личности [2] и может меняться в соответствии с профессиональной деятельностью, возникает вопрос, как поведут себя неполотипичные сотрудники организации?

Межличностный конфликт играл и играет важную роль в жизни общества, различных социальных институтов, и в этой связи неудивительно, что изучение конфликтов – тема, которая привлекает внимание многих ученых [3]. Существующее классическое определение межличностного конфликта определяет данное социально-психологическое явление как столкновение противоположных целей, мотивов и точек зрения интересов участников взаимодействия, не совместимых в конкретной ситуации [4, с. 123].

В психологии имеются значительные традиции в изучении межличностных конфликтов. Межличностные конфликты являются предметом научного анализа в многочисленных исследованиях зарубежных психологов и рассматривается: как следствие фрустрации (Л. Берковиц 2007; Д. Доллард 1967; Г. Миллер 1967), как результат агрессивности индивида и толпы (К. Лоренц 2008), как следствие блокады удовлетворения потребности в самоактуализации (А. Маслоу 2007; Т. Шибутани 2002).

В отечественной психологии изучению проблем межличностных конфликтов посвящено значительное число научных работ (А.Я. Анцупов 2009; Н.В. Гришина 2008; С.Л. Евенко; Г.Г. Журавлев 2008; Н.Н. Иванникова 2007; В.Н. Кириллина 2007; Л.Р. Комалова 2006; А.Н. Кошелев 2007; Е.Ю. Красова 2002; Э.А. Понуждаев 2003; М.А. Цебрук, 2008 и др.). Учеными активно изучаются отличительные признаки межличностных конфликтов в организациях, способы профилактики и управления конфликтами, поведение лидера и ведомых в конфликте.

На основании исследований различных видов межличностных конфликтов отечественными учеными было доказано, что конфликтные ситуации определяются не только

«врожденными механизмами» конфликтующих, но и социально-психологическими причинами: характером микросреды, групповыми взаимоотношениями (Е.М. Дубовская 2009; Р.Л. Кричевский 2009), внутригрупповой антипатией и межличностным эгоцентризмом (Л.И. Уманский 2001), нарушением межличностной аттракции, сплоченностью группы (А.И. Донцов 1979), нарушением ценностно-ориентационного единства ее членов (А.В. Петровский 2008).

Понятие гендер, означает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [2]. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют в конечном счете психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли.

В настоящее время научные представления о механизмах и закономерностях проявления гендерных качеств в конфликтах получили свое развитие в исследованиях отечественных психологов: искажения гендерной социализации (Г.М. Андреева 2004; Н.К. Радина 2006; Е.Ю. Терешенкова 2006); нарушение гендерной идентичности личности как механизма детерминации конфликта (Е.П. Ильин 2010; И.С. Клецина 2004; Е.Ю. Красова 2002; Э.А. Понуждаев, 2003); противоречия полового диморфизма моделей поведения мужчины и женщины в семейных конфликтах (Е.Г. Баранов 1995; Р.А. Березовская, 2001; И.В. Грошев 1996; В.Л. Леви 2006; Д.Я. Райгородский 2008); гендерная агрессивность, проявляемая в конфликтах (Г.Г. Журавлева 2004; А.А. Реан 1996); противоречия восприятия гендерных ценностей (Л.Н. Ожигова 2006).

Вступая в межличностный конфликт, человек в соответствии со своим гендерным типом применяет гендерные схемы оценки конфликтной ситуации и поведения в нем.

Значительный вклад в разработку теории гендерных схем внесла С. Бем (2004). По мнению ученого, применение гендерных схем способствует стандартизации и единообразию индивидуальных социально-психологических реакций. В зависимости от особенностей использования гендерных схем люди делятся на полотицизированных и неполотицизированных. Полотицизированные личности прибегают к схемам постоянно и поэтому воспринимают мир исключительно в дихотомических терминах противостояния мужского и женского; неполотицизированные личности почти не используют гендерные способы категоризации мира, выходя за пределы стереотипного мировосприятия и самооценки.

Методологической основой выделения гендерных особенностей межличностных конфликтов выступают его структурные элементы, представленные в работах А.Я. Анцупова.

С учетом выделенных методологических подходов к изучаемой проблеме разработана теоретическая модель проявления гендерных особенностей межличностных конфликтов в организации, включающая в себя структурно-функциональный и структурно-динамический компоненты (см. рис. 1).

В структурно-функциональном аспекте теоретическая модель проявления гендерных особенностей конфликтов в организации включает структурные компоненты межличностных конфликтов (объект конфликта, информационная модель конфликта, стратегии и тактика поведения, мотива и пр.) и их функциональные характеристики. Структурно-динамический аспект модели состоит из психологических и поведенческих характеристик, проявляющихся в ситуациях конфликтного взаимодействия в соответствии с принадлежностью к социальному полу конфликтующих.

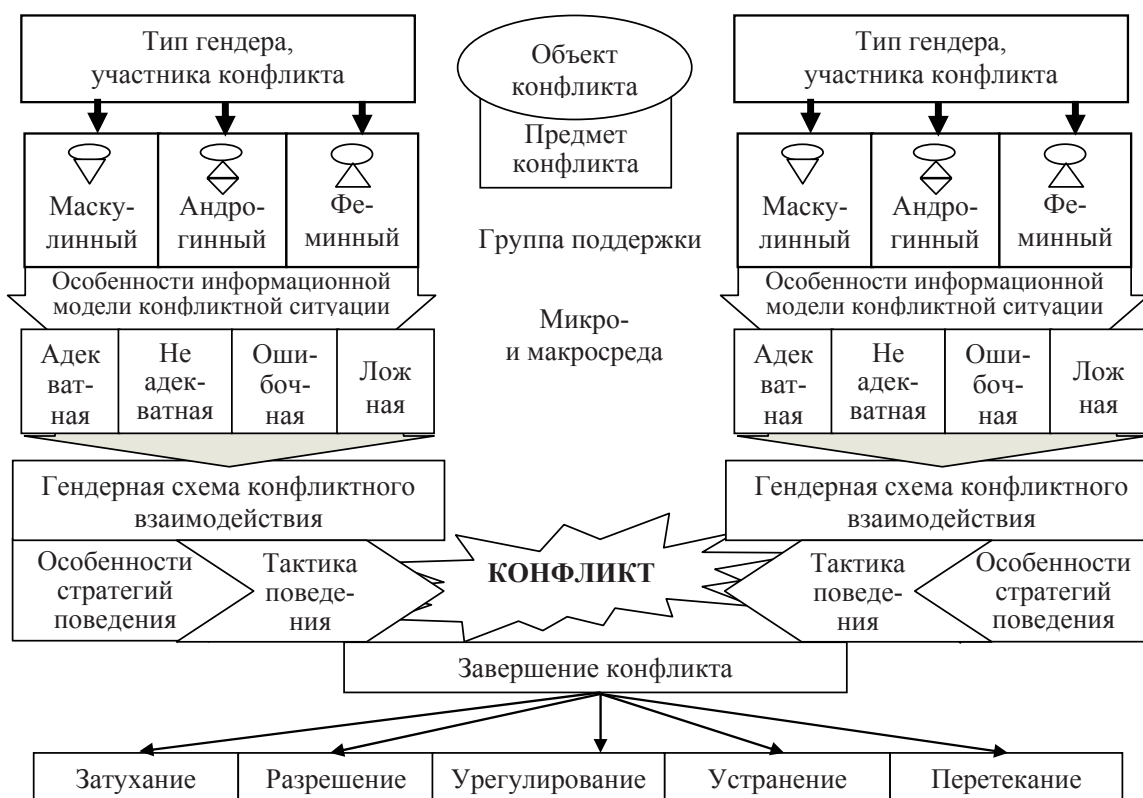

Рис. 1. Теоретическая модель проявления гендерных особенностей межличностных конфликтов в организации

В зависимости от гендерной типизации конфликтующих выделяют социально-психологические виды конфликтов в организации: «асимметричный конфликт гендерно типизированных сотрудников», «асимметричный конфликт гендерно нетипизированных сотрудников», «симметричный конфликт гендерно типизированных сотрудников» и «симметричный конфликт гендерно нетипизированных сотрудников».

Таким образом, гендерные особенности конфликтов в организации – это значимые отличия наиболее важных параметров конфликтной ситуации, которые обусловлены психологическими и поведенческими харак-

теристиками конфликтующих, традиционно приписываемые социальному полу, влияющие на эффективность их разрешения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анцупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях: Учеб. пособие. 2-е изд. перераб. – СПб., 2009. – 304 с.
2. Бэм С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. – М., 2004. – 336 с.
3. Евенко С.Л., Жуков А.М. Диагностика и профилактика отклоняющегося поведения военнослужащих: Монография / Под ред. А.Г. Караяни. – М., 2009. – 235 с.
4. Шапарь В.Б., Россоха В.Е., Шапарь О.В. Новейший психологический словарь. – М., 2007. – 243 с.

УДК 331.108.2/3;331.108.43

Носс И.Н.

Московский государственный областной университет

КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРОЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ КАДРОВ

I. Noss

Moscow State Regional University

CONSTITUTIVELY PROJECTIVE TECHNIQUES OF PERSONAL AND PROFESSIONAL EXPERTISE OF THE STAFF

Аннотация. В статье представлена характеристика наиболее популярных конститутивных проективных методик: тесты Роршаха, Хольцмана и «интегративной системы» Экснера. Дана краткая структура и теоретическое обоснование построения и интерпретации тестовых результатов. Рассматриваются возможности диагностики личностно-профессиональных качеств персонала в процессе входной и промежуточной экспертизы при помощи подобного рода методик. Делается вывод о степени достоверности диагностических результатов, а также, ввиду оптимальной маскировки эксперимента, возможности группового применения, валидной диагностики профпригодности специалистов. Анализируются возможности обработки и адекватной интерпретации шкал, а также способов кодирования и раскодирования проективной информации о личности испытуемого. Приведены результаты работы с тестом Роршаха в клинических условиях и модификации данной методики в рамках профессиональной диагностики и консультирования.

Ключевые слова: Конститутивный проективный тест, конститутивные технологии, проективные стимулы, типы личности по Роршаху, проективные категории, дезинтегрированные ответы, модификации методики Роршаха, интегративная проективная система, шкалы «интегративной системы».

Abstract. The article presents the characteristics of the most popular constituent of projective techniques: Rorschach, Holtzman and Exner's "integrative systems". The article covers the brief structure and theoretical basis for the construction and interpretation of test results. The author examines the possibilities of diagnostics of personal and professional qualities of the staff performed with the use of such techniques while expertizing at the initial stage and at the middle stage. The author makes conclusions about the reliability of the diagnostic results; the possibility of using it in a group, due to the optimal disguise of the experiment; and about its validity as a diagnostic technique used for assessing the specialists' professionalism. The article analyzes the possibilities of the scales processing and interpretation. Besides, the methods of encoding and decoding of the information about the personality of the person tested are analyzed. The article presents the results of the work with Rorschach's test in a clinical setting and the modification of this technique in professional diagnostics and consulting.

Key words. Constitutive projective test, constitutive technologies, projective stimuli, Rorschach's system of personality types, projective categories, disintegrated answers, Rorschach's modification techniques, projective integrative system, scales of "integrative system".

Как было отмечено в одной из наших предыдущих статей [4], проективные методы в профессиональной психодиагностике отвоевывают все более достойное место. Это, прежде всего, связано с их множеством позитивных качеств. Прежде всего, речь идет о создании в процессе тестирования взрослых людей атмосферы «замаскированного» поиска и оценивания личности, её возможностей оптимально вписываться и эффективно действовать в профессиональных ситуациях. Эта идея профессиональной экспертизы основывается на парадигме

личностной предрасположенности людей к определенным профессиям.

Наиболее популярными в профессионально-психологических и клинических исследованиях, по оценке западных специалистов, являются так называемые конститутивные технологии, предполагающие структурирование, оформление неопределенных стимулов, придание им смысла со стороны испытуемого, включенного в диагностическую процедуру. Тест чернильных пятен является одной из наиболее известных проективных методик этого класса. Созданный швейцарским психиатром Германом Роршахом в 1921 году [5] тест для выявления шизофрении занял прочное место в проективной психологии и на сегодняшний день является одним из самых информативных методов объективной психодиагностики. Чернильные пятна неопределенной формы использовались в клинике и до Г. Роршаха. Есть свидетельства, что подобный метод в свое время использовался Леонардо да Винчи и Боттичелли для «возбуждения фантазии». Исследуя интеллектуальные особенности, А. Бине метод «чернильных пятен» ввел в психологию¹.

В отличие от своих предшественников, Г. Роршах предложил совершенно новую концепцию, которая заключалась в том, что основное внимание было уделено не ассоциациям испытуемого (как было принято ранее), а процессам распознавания тех или иных объектов при восприятии стимулов. Проявления нарушений восприятия в ответах психически больных людей явились критериями дифференцирования их от ответов здоровых. Причем особенности восприятия проявлялись в содержании ответа и в формальных характеристиках, которые включали локализацию названного испытуемым объекта в стимуле, а также особенности самих стимулов. Г. Роршах выявил такие особенности стимулов, как форма или контуры

пятна, цвет пятна, а также их некоторые необычные признаки, которые побуждали испытуемых формировать ответы на основе узнавания в них движений человека.

Изготовленные Г. Роршахом стимулы, в отличие от других используемых в то время чернильных клякс, не были полностью аморфными. Отдельные области пятен были определенными по контурам, что давало основание полагать, что если психически больные искаженно воспринимают хорошо знакомые объекты, то они также будут давать совершенно иные ответы при идентификации именно тех областей пятна, которые имеют менее определенные контуры. Данные особенности стимулов впоследствии стали основой для концептуального обоснования психодиагностической природы данного теста².

Г. Роршах одним из первых отметил значимую связь между фантазиями и личностными особенностями испытуемых. Сопоставляя клинические характеристики и особенности ответов пациентов, он определил «двигательный» (В-тип) и «цветовой» (Fb-тип) типы восприятия. То есть в первом случае пятна воспринимаются в движении, а в проецируемых образах акцентируется динамический аспект. Другой тип характеризуется фиксацией на цветовых аспектах. Тип восприятия (или переживания) характеризует соответственно интра- или экстра-тенсивные тенденции личности. По Г. Роршаху, экстра- и интраверсия – не взаимоисключающие свойства личности, а индивидуальные механизмы адаптации. Отсутствие или чрезмерное развитие одного из них приводит к акцентуации или патологии.

Кроме названных типов личности, Г. Роршах выявил так называемые «суженный», для которого характерно малое количество ответов, связанных с движением и цветом или полное их отсутствие, и «амбиэквальный», связанный с большим, но равным количеством и цветовых, и двигательных ответов.

¹ Испытуемых просили называть те ассоциации, которые у них возникали при взгляде на такие пятна. При интерпретации результатов основной упор делался на анализе содержания ответов испытуемых.

² Г. Роршах не смог сам развить свои идеи, так как скоропостижно скончался от перитонита в 1922 году, через 7 месяцев после опубликования теста.

Указанные типы связаны с определенными компонентами интеллекта, аффектом, чертами характера и видом психической патологии. Для целей профессиональной диагностики данные характеристики напрямую связаны с определением личностно-профессиональных качеств и могут использоваться в интересах отбора персонала.

Автором метода разработаны основные принципы анализа и интерпретации ответов, уточнены значения тех или иных показателей, отработаны способы шифровки, поиска патогномичных показателей, а также теоретическое обоснование методики. В настоящее время наиболее популярным является вариант метода Г. Роршаха, сформировавшийся под влиянием исследований «Эго-психологии» и экспериментов New Look [3]. В рамках этой концепции ответ испытуемого рассматривается как результат взаимодействия, с одной стороны, объективных свойств стимула и, с другой стороны, субъективных потребностей и механизмов регуляции. В свете этого подхода тест Г. Роршаха направлен на диагностику, главным образом, экспрессивного аспекта поведения или присущего личности индивидуального стиля поведения и деятельности.

Описание методики: Материал теста Г. Роршаха состоит из 10 стандартных таблиц, каждая из которых представляет собой копию с оригинала, полученного при складывании пополам листа бумаги с нанесенным на нее чернильным пятном. Пятна выполнены в черно-белых, черно-красных и пастельных тонах¹.

Исследование включает предъявление стимульных таблиц, опрос, анализ и интерпретация результатов. Б. Клоппер [8] считал необходимым в ряде случаев дополнять про-

цедуру эксперимента фазой «определения границ чувствительности».

Последовательное предъявление стимульных таблиц сопровождается инструкцией: «Что это такое, на что это может быть похоже?» После высказываний испытуемого задаются дополнительные вопросы типа «Что Вы можете добавить?» и т. д. Ответы, полученные во время опроса, не включаются в расчетные формулы, но иногда подсчитываются с учетом коэффициентов.

В ходе опроса выясняется, как испытуемый пришел к формулировке того или иного ответа, т. е. опрос всегда ориентирован на уточнение особенностей возникновения образа и его причин. Следует избегать прямых вопросов и вместе с тем необходимо получить подробные сведения, облегчающие последующую шифровку ответов. Для облегчения этой части диагностики а) используются специальные карты, с нанесенными на них и обозначенными наиболее часто интерпретируемыми участками пятна, б) предлагается сделать зарисовку фигуры на отдельном листе бумаги или в) предлагается альтернативный образ, отличающийся от выбранного по одной или нескольким невыясненным детерминантам, в процессе анализа которого уточняется причина появления именно названного образа.

Определение границ чувствительности осуществляется путем вызова тех реакции, которых избегает испытуемый: а) просят его выбрать самую приятную таблицу, б) затем самую неприятную, в) привлекают внимание к тем особенностям пятна, которые не учитывались при спонтанных высказываниях, и, наконец, г) предлагают образцы возможных интерпретаций, отличных от тех, которые дает сам испытуемый и т. д.

Шифровка – это обозначение и классификация ответов с учетом основных категорий: детерминанты, популярности/оригинальности, локализации, содержания, качества формы. Основная цель шифровки – это установление связи между ответом и элементом стимула, а также формализация ответа для последующих операций интерпретации.

¹ Опыт работы с методикой выявил, что отдельные таблицы неравнозначны в отношении эмоционального воздействия на человека. Таблицы 1, 4, 6 чаще всего ассоциируются со страхом и тревогой. Таблицы 9, 10 вызывают ощущения радости, праздника. Красные плоскости таблиц, напоминая кровь или огонь, вызывают беспокойство. Также беспокойство вызывает восприятие мелких деталей, расположенных вокруг вертикальной оси, и которые часто ассоциируются с сексуальными образами.

Ответом называют высказывание, соответствующее целому стимулу или его частям. Различают основные (спонтанные) и дополнительные ответы. Дополнительные ответы анализируются отдельно и учитываются со специальными коэффициентами. *Детерминанты* – это характеристики ответа, такие как форма, движение, цвет, оттенки. Движение является субъективным дополнением, проекцией испытуемого. Другие характеристики обусловлены свойствами стимула. Детерминанты, так же как и локализация, раскрывают способ восприятия человека, его избирательность в отношении тех или иных аспектов окружающей среды и собственного внутреннего мира.

В руководстве по тесту Г. Роршаха, как правило, содержатся списки популярных ответов¹. *Популярность* (банальность) ответа трактуется как выражение нормального интеллектуального конформизма, то есть человек видит мир, как все. Отсутствие популярных ответов указывает на патологический негативизм, аутизм, нарушение адаптации. *Оригинальными* (О) считаются ответы, встречающиеся один раз на сотню ответов. Если образ неадекватен пятну, производит впечатление вычурности, его шифруют как (О). На практике можно пользоваться простым указанием на тенденцию к оригинальности. Оригинальные ответы свидетельствуют о творческих способностях, однако это патологический признак дезорганизации мышления, потери контакта с реальностью. *Локализация* ответа (целое пятно или деталь) указывает на способ подхода к познанию индивидом объектов и явлений окружающей действительности, стремление охватить ситуацию во всей сложности, взаимозависимости ее компонентов или испытуемый проявляет интерес к частному, специфическому, конкретному.

Процесс шифровки заключается в отнесении ответа к одной из категорий классификации. К наиболее распространенным катего-

риям можно отнести: Н — целые или почти целые фигуры людей; (Н) — фигуры людей, которые истолковываются в рисунках, карикатурах или фантастические фигуры духов, ведьм и прочее; Hd — детали человеческой фигуры; (Hd) — детали человеческой фигуры, изображенной на рисунке, в скульптуре, или детали фантастических фигур; А — целые или почти целые фигуры животных; (А) — мифологические звери, чудовища, карикатуры, нарисованные звери; Ad — детали тела животных; (Ad) — детали тела антропоморфного или фантастического животного; At — анатомические органы человека; Aat — анатомические органы животного; Obj — предметы; N — пейзаж, ландшафт, реки, вид с высоты полета и т. д.

Интерпретация. В норме испытуемый, как правило, начинает с толкования целого стимула, затем его элементов и, наконец, фона. Такая последовательность указывает на систематический логически упорядоченный подход к реальности. Однако, если она сохраняется неизменной при интерпретации всех таблиц, то это указывает на ригидность, стереотипность мышления. Последовательность считается упорядоченной, если она, сохраняя указанный порядок в большинстве таблиц, варьирует в зависимости от структуры стимулов. Хаотическая беспорядочная последовательность, очевидно, связана с нарушениями адаптации и иногда проявляется у особо одаренных, творческих личностей.

Хорошо интегрированные целостные ответы в сочетании с четкой формой являются показателями высокого интеллекта с теоретической направленностью. Дезинтегрированные ответы, не соответствующие форме пятна, указывают на интеллектуальные нарушения. В норме целостные ответы составляют 20-30% от общего числа ответов на все таблицы. Использование больших и обычных маленьких деталей характеризует конкретную практическую ориентацию мышления. Значительное преобладание малых деталей ($d > 15\%$) может указывать на излишний педантизм или навязчивость. Редкие детали, как правило, свидетельствуют о неуверен-

¹ Следует обратить внимание на то, что не все ответы могут быть зашифрованы, а также отсутствуют статистически значимые данные для разных популяций.

ности, тревожности, а в отсутствии других показателей аффективного неблагополучия указывают на любознательность, оригинальность мышления.

Толкование белого фона у экстравертов свидетельствует о негативизме, стремлении противостоять влиянию окружения, а у интровертов — противопоставлении самому себе, неуверенности, чувстве неполноценности.

Качественный анализ предполагает символическую интерпретацию ответов испытуемых (М. Лузли-Устери), широты интересов личности и направленности ее мотивов (Б. Клопфер) [1; 8; 9].

Категория «животные» в ответах в умеренных количествах свидетельствует о возможности взаимопонимания, кооперации в области мышления, а свыше 50% указывает на стереотипию и бедность интересов. Образы хищных животных отражают агрессивные тенденции, образы домашних — пассивность и зависимость.

Категория «люди» связана с восприятием испытуемым себя, своего тела и своих отношений с другими людьми. Отражение исключительно отдельных частей тела часто указывает на возможные конфликты. Большое значение имеют поза, мимика, аффективная окрашенность образа. Например, дерущиеся люди отражают враждебность чувств и установок, в то время как смеющиеся, танцующие фигуры — удовлетворенность и оптимизм. Сказочные, фантастические образы встречается при неспособности идентифицировать себя с реальными людьми, при трудностях в сфере межличностных отношений. Страдающие от одиночества видят фигуры мужчин и женщин, удаленных друг от друга. В норме протокол содержит около 15% ответов (Н).

Категории «анатомия» и «география» являются отражением профессиональных интересов или указывают на «комплекс интеллектуальности», желание блеснуть.

Абстрактные интерпретации рассматриваются как проявление определенной интеллектуальной склонности, но иногда (на

таблицах 9, 10) — как защита от чрезмерной аффективности, ее переработка путем рационализации.

М. Лузли-Устери символически¹ [9] интерпретирует локализацию ответа относительно горизонтальной и вертикальной осей. Согласно психоаналитическим представлениям, вертикаль символизирует мужское начало, горизонталь — женское. Поэтому ответы, расположенные вдоль вертикальной оси, указывают на поиск поддержки у отца, стремление к власти, а ответы вдоль горизонтальной оси символизируют поиск убежища у матери, потребность в безопасности, беззаботности. Склонность интерпретировать края стимула указывает на бегство от тревоги. Предпочтение верхней части пятна отражает стремление к духовной власти, нижней части — тенденцию к депрессии, пассивности, подчинению.

Психологическая интерпретация *кинетических (двигательных)* показателей — самая сложная и противоречивая часть теста Г. Роршаха.

Большинство исследователей расценивают движение как проекцию бессознательных, глубинных слоев жизни личности, поскольку, в отличие от цвета и формы, обусловленных объективными качествами стимула, движение как бы привносится самим субъектом. Кинестезии часто связывают с творческими способностями, высоким интеллектом, развитым воображением, возможностью человека «уйти в себя», творчески переработать (сублимировать) аффективные конфликты и тем самым добиться внутренней стабильности². Последующие эксперименты выявили зависимость этого показателя от контекста, то есть уникального сочетания показателей адаптации, степени личностной дифференциации, самоконтроля эмоций, особенностей межличностных отношений, сопереживания, понимания

¹ Символические ответы. «Глаза» интерпретируются как подозрительность, слежка; «маска» — желание скрыть свое «истинное лицо», спрятаться и т. д.

² Данные исследований определенного контингента испытуемых — актеров, художников, людей умственного труда. — И.Н.

других людей, представлений человека о себе, социальном окружении и др. Б. Клопфер считал кинестезии признаком осознанной, хорошо контролируемой, принимаемой субъектом внутренней жизни — собственных потребностей, фантазий и самооценки. Г. Роршах дифференцировал кинестезии (движения) на активные (тело в движении) и пассивные кинестезии (позы). Первые говорят об активной доброжелательно-кооперативной жизненной установке, вторые указывают на пассивность, тенденцию к избеганию трудностей и реальности вообще.

Г. Роршах и некоторые современные авторы рассматривают в качестве движения позы, мимику только человеческих существ и антропоморфных животных. Б. Клопфер склонен считать, что интерпретация кинестезий относится ко всем проявлениям человеческой деятельности, например, разговаривающие животные, ссорящиеся гусеницы и т. д.

Данные теста Г. Роршаха интерпретируются в зависимости от теоретических установок исследователя. Определяется два направления развития Роршах-техники. *Первое* (швейцарская и французская клинические школы – М. Лузли-Устери, Э. Бом и др.) *направление* опирается на постулаты ортодоксального психоанализа и видит в тесте средство выявления различных инстинктивных влечений и их символического выражения [4]. *Второе направление* (Б. Клопфер, А. Раппапорт) основывается на психологии «Эго», экспериментальных исследований New Look, и в качестве основной категории анализа рассматривается когнитивный стиль личности. В этом случае адаптация к определенному стимулу определяется интеллектуальными возможностями испытуемого и имеющимися у него средствами контроля и регуляции аффекта [4].

В рамках исследований New Look структурирование стимулов рассматривается как процесс и результат взаимодействия «внешних» и «внутренних» факторов. Интерпретация стимулов представляется «категоризацией» ответов, исходя из свойств стимулов

и из субъективных потребностей, аффективных конфликтов, индивидуального когнитивного стиля. То есть процесс структурирования неопределенного стимульного материала отражает формальную структуру внутреннего мира личности, присущий ей способ видения себя и своего социального окружения.

Б. Клопфер выделяет три взаимосвязанных подсистемы личности, раскрывающиеся в индивидуальном способе структурирования стимула: *интеллект, аффект, функции «Эго»*. Каждая из этих подсистем в свою очередь обладает собственной структурой. *Познавательная деятельность* включает интеллектуальный статус, тип восприятия, устойчивость к эмоциональным воздействиям, продуктивность, оригинальность и т. д. При анализе *аффективной сферы* личности отмечаются эмоциональный тон восприятия, способы реагирования на стрессовые ситуации, контроль над аффективностью, специфика самооценки (принятие/отвержение собственных неосознаваемых побуждений, возможность сопереживания, понимания других людей и т. д.). *Функции «Эго»* – присущие индивиду особенности контакта с реальностью: объективность отражения, зоны конфликтов, психологические механизмы контроля и защиты.

Подобный подход к анализу данных теста позволяет выявить индивидуальные характеристики познавательной деятельности в их связи с аффективной сферой и направленностью личности, что невероятно важно для оценки персонала.

Интерпретация теста может включать несколько этапов. Первый этап «Глубина» интерпретации зависит от задач, стоящих перед испытуемым и состоит в выделении ряда параметров (тип переживания, характеристика интеллекта и т. д.), значения которых вычисляются по формулам, которые имеют своим источником клинический эмпирический опыт и основаны на ряде теоретических положений. *Второй этап* заключается в соотнесении между собой отдельных показателей теста и создании их комплексов

(«ансамблей» паттернов), так как изолированный показатель не может служить надежным индикатором, в то время как комплекс обеспечивает достаточную обоснованность вывода. *Третьим этапом* является переход от описания сфер личности к характеристике ее целостной структуры.

Как отмечает Э. Бом, высокая квалификация психолога, большая способность к интуитивному синтетическому мышлению определяют более «глубокую» интерпретацию результатов исследования.

Тест Г. Роршаха применялся и применяется в различных модификациях [2]. Одной из известных конститутивных методик является технология чернильных пятен В. Хольцмана (НІТ) [7], которая представляет собой реальную попытку построить тест в соответствии с требованиями, предъявляемыми к стандартным психометрическим средствам. Существуют подобные методики, разработанные по типу множественных выборов, например, исследования М. Харроуэр [5]. Изменения в стимульных материалах к методикам данной модификации достаточно значимы, что позволяет считать их новыми тестами [5, с. 123], однако оценивать их все-таки нельзя безотносительно к методологии теста Г. Роршаха.

Методика В. Хольцмана предусматривает две серии карточек, по 45 каждая. По карточке дается один ответ. Имеются как серо-белые, так и цветные карточки. Несколько стимулов асимметричны. Карточки отбирались из большого числа различных стимулов по трем критериям: 1) степени различия группы испытуемых, добровольно принимавших участие в исследовании, и группы находящихся на излечении психических больных; 2) «привлекательность» стимула для получения ответов, определяемая по таким переменным, как локализация, цвет, оттенок и движение и 3) показатели надежности.

Показатели НІТ *стандартизованы* и ясно описаны по 22 типам ответов испытуемых, различающихся на основании переменных, используемых в классическом тесте Г. Роршаха, и дополнительных переменных: пато-

гномической вербализации, тревожности и враждебности. По каждой переменной имеются процентильные показатели, полученные на нескольких выборках нормальных испытуемых и людей, страдающих шизофренией, умственной отсталостью, детей с эмоциональными нарушениями, правонарушителей-подростков и алкоголиков. Эти нормы получены на выборке 2000 человек.

Надежность, определенная методами расщепления и параллельных форм, тщательно исследована, результаты оказались положительными. Групповая форма этого теста с использованием слайдов дает **по большинству показателей результаты, соотносящиеся с результатами**, получаемым при индивидуальном проведении теста. К групповой форме теста применима компьютерная обработка и интерпретации показателей. Техника НІТ с психометрической точки зрения во многом опередила классический тест Г. Роршаха. Сведение ответов до одного на каждую карточку повышает продуктивность ответов и делает их постоянными для каждого испытуемого, что позволяет избежать многих недостатков традиционного определения показателей в тесте Роршаха.

Исследования по *валидности* НІТ связаны с различными подходами, в том числе с изучением тенденций развития, межкультурных различий, корреляции с другими тестами и с поведенческими проявлениями личностных характеристик, а также со сравнением результатов групп нормальных и больных испытуемых. Полученные результаты нуждаются в обосновании диагностической значимости различных показателей и конструктивной валидности оцениваемых этой методикой личностных факторов.

Объединяя данные исследований НІТ с полученными результатами по классическому тесту Г. Роршаха, Э. Хилл разработал руководство по интерпретации протоколов на двух уровнях. Первый уровень относится к 22 количественным показателям переменных факторов и их взаимосвязи. Вторым является более глубоким уровнем интерпретации, осуществляемой на основе более широких

и общих личностных факторов. При этом используются три основные категории описания: познавательное функционирование (интеллектуальный уровень и нарушение мышления), аффективное функционирование (уровни зрелости, формы тревожности, защитные механизмы) и представление о себе (в том числе некоторые формы полового отождествления).

В настоящее время в практике психодиагностики тест Г. Роршаха в подавляющем большинстве случаев используется в рамках Интегративной системы Экснера (Exner Comprehensive System). В рамках данной системы тест Г. Роршаха стал мощной стандартизированной методикой получения разносторонней валидной информации о различных аспектах психической деятельности человека. К сожалению, большинству отечественных психологов тест Г. Роршаха известен с позиций 40-летней давности и используется преимущественно на основе эклектического подхода. Исследовательских работ с использованием Интегративной системы в отечественной психологии до 2001 г. не было обнаружено.

Начиная с 30-х гг. интерес к тесту Г. Роршаха начал расти и стал приобретать популярность, прежде всего, в США.

Сформировалось пять основных подходов к использованию данного метода. Два подхода были созданы С. Беком и М. Гертц, которые придерживались классического роршаховского взгляда и основное значение придавали стандартизации тестирования и сбору данных. Подход Б. Клопфера был основан на психоаналитической интерпретации формальных характеристик ответа испытуемого. Система З. Пиотровского была ориентирована на исследование неврологических больных с органической патологией головного мозга. Очередной психоаналитический подход к использованию теста Роршаха был разработан Д. Рапапортом, идеи которого развиты Р. Шафером, предпринявшим попытку интерпретации содержания ответов с точки зрения психодинамики личности испытуемого. В Европе наиболее круп-

ным ученым, работавшим с тестом Г. Роршаха, был Э. Бом.

В 1961 г. Д. Экснером впервые были опубликованы сравнительные исследования различных психологических систем в рамках роршаховской концепции, в которых показано, что все подходы значительно разнятся между собой. Отличия касались критериев оценки адекватности формы, светотеневых детерминант, пространственного расположения психолога и испытуемого, текста инструкции, не говоря уже о технике кодирования и интерпретации: каждая система имела свой собственный набор символов для кодирования и свои собственные критерии оценки детерминант.

В 1968 г. был организован исследовательский центр «Rorschach Research Foundation», задачей которого было определение валидности, надежности и эффективности вариантов метода Г. Роршаха в практическом использовании: стандартизации техники тестирования и обработки данных. *Первый вывод* реализации этого проекта указывал на то, что различия в процедуре обследования приводили к пяти относительно различным группам протоколов. *Второй вывод* свидетельствовал о том, что каждый из пяти подходов включал коэффициенты, критерии кодирования и принципы интерпретации, которые не основаны на эмпирических данных. *Третий вывод* подчеркивал, что каждая из систем включала и совершенно обоснованные элементы [6].

Интегративный подход Д. Экснера, сформированный на эмпирической основе, предполагал психометрический анализ всех составных элементов диагностической системы с подтверждением валидности, вычислением коэффициентов надежности и созданием нормативной базы. Оценка внутренней согласованности и надежности воспроизведения результатов выявила, что значения коэффициентов надежности большинства шкал данной системы составляют 0.8 и более. Нормативная база, на основе которой составлены нормативные диапазоны значений шкал, регулярно обновляется. Пер-

вая версия новой системы вышла в 1974 г. На ее основе метод, предложенный Г. Роршахом, из эксперимента превратился в психологический тест, отвечающий основным психометрическим требованиям.

В настоящее время развитие интегративного подхода не прекращается. Осуществляются исследования когнитивных процессов восприятия стимулов во время латентной реакции, предшествующей вербализации ответа, отработаны четкие стратегии и алгоритмы интерпретации в соответствии с ключевыми переменными. Успешность апробации данной системы в различных странах обеспечили выводы о том, что переменные «интегративной системы» объективно отражают универсальные, не зависящие от культурных особенностей, формальные характеристики поведения человека. Эти исследования поднимают метод Г. Роршаха на более совершенный информационный уровень по сравнению с другими психологическими технологиями.

Концепция метода в рамках «интегративной системы» позволяет выявить скрытые нарушения различных сфер психической деятельности. Основные ответы формируются у испытуемого в течение *латентной фазы* (время реакции – в среднем 30 секунд), которая начинается после предъявления стимульной карты и предшествует первому ответу. В течение этого времени осуществляются основные когнитивные операции по обработке информации, заключенной в стимуле: сканирование стимульного поля – кодирование стимулов в образы – распознавание образов – классификация – парное сравнение – отбор образов. Ответы испытуемого на стимулы являются итогом сложного процесса принятия решения о том, какие образы следует вербализовать, а какие нужно исключить. Так как пятна Г. Роршаха включают различные особенности, которые могут создавать трудности при кодировании и распознавании образов, то каждая карта представляет собой проблемную ситуацию определенного уровня сложности, где требуется распознать образ в условиях помех.

Ответы представляют собой решения этих стимульных проблемных ситуаций, обладающих определенным уровнем личностной значимости для субъекта. То есть ответы испытуемого детерминированы как когнитивными, так и его личностными особенностями. Соответствие между параметрами ответа и психологическими особенностями было установлено эмпирическим путем в результате многочисленных экспериментов и многократно подтверждалось практикой.

Все шкалы «интегративной системы», предназначенные для интерпретации, распределены по кластерам, которые соответствуют основным сферам психической деятельности человека.

Сфера стилевого поведения: мыслительный, эмоциональный, недифференцированный и избегающий стили.

Когнитивная сфера психической деятельности представлена тремя кластерами, отражающими основные блоки когнитивной обработки информации при встрече с проблемной ситуацией. *Кластер «структурирование»* содержит шкалы, которые характеризуют процессы структурирования информации при взаимодействии с проблемной ситуацией (стратегия распределения внимания, уровень организационной активности, мотивация, адекватность организационной деятельности, параметры аналитико-синтетической деятельности, проявления когнитивной дисфункции, влияние личностных и стилевых особенностей на процессы структурирования). В *кластере «распознавание»* содержатся шкалы, описывающие процессы распознавания различных аспектов проблемной ситуации, то есть согласование нового образа с эталоном, хранящимся в долговременной памяти. Распознавание и идентификация образа является основой адекватного отражения действительности, соответствует ситуационным требованиям и основано на реальности (уровень адекватности распознавания, склонность к игнорированию стимульного поля, уровень перцептивных искажений, уровень распознавания социальных условностей, соответствие вос-

приятия общепринятым канонам (конвенциональность), уровень нонконформизма при распознавании действительности). *Кластер «концептуализация»* (смыслообразование) – образование значений и смыслов восприятия реальности с последующим преобразованием их в значимый для субъекта контекст составляет основу понимания и отражения реальности (концептуальная гибкость, уровень произвольной мыслительной деятельности и мотивационное напряжение, склонность к фантазированию при решении проблем, влияние негативных личностных особенностей, уровень ясности мышления при принятии решения (когерентность, релевантность и логичность), адекватность смыслообразования).

Эмоциональная сфера содержит шкалы, характеризующие эмоциональную активность субъекта при взаимодействии с проблемной ситуацией: склонность к депрессии, характер негативных переживаний (чувство беспомощности, вины, неудовлетворенности, одиночества), наличие эмоционального дистресса, склонность к интернализации негативного аффекта, уровень реактивности по отношению к эмоциональным стимулам, склонность к чрезмерной интеллектуализации, склонность к отрицанию негативных эмоций и замене их положительными, уровень контроля над эмоциональной экспрессией, уровень сложности и комплексности переживаний, склонность к пароксизмальному возрастанию сложности переживаний, наличие амбивалентности переживаний (одновременное присутствие позитивных и негативных эмоций).

Самовосприятие показывает, как испытуемый воспринимает самого себя в процессе взаимодействия с проблемной ситуацией: влияние витальных и обсессивных особенностей личности, уровень и характер самофокусирования, склонность к негативному самовосприятию, озабоченность состоянием соматического здоровья, уровень и характер саморефлексии и интроспекции, характер личной идентичности.

Социальная сфера характеризует социальное поведение испытуемого в процессе

взаимодействия с проблемной ситуацией: дефицит социальной зрелости, влияние чрезмерной витальности, способность к установлению эмоционально близких отношений, склонность к оральной зависимости, уровень социального интереса, характер социальной перцепции, наличие трудностей проявления эмпатии, способности к сотрудничеству и асертивности, склонность к социальной пассивности и избеганию ответственности, склонность к авторитарной защите, ситуационная адекватность социального поведения, склонность к социальной изоляции.

Контроль и толерантность к стрессу подразумевает способность субъекта организовывать свое поведение при разрешении проблемы в соответствии с ситуационными требованиями: уровень развития ресурсов, уровень и характер фрустрирующих переживаний, дефицит социальной зрелости, воздействие ситуационного стресса, стилевые особенности поведения при решении проблем.

В заключение следует отметить, что конститутивные проективные психодиагностические техники являются наиболее актуальными для клинической и профессионально-психологической практики. Так, в *Journal of Personality Assessment* (1994) и в седьмом издании *Test in print* (2006) в приведенном рейтинге наиболее используемых среди практических психологов США психологических методик достойное место, наряду с тестом Векслера, ТАТ и ММРІ, занимает тест Г. Роршаха, что подтверждает не только его долговечность, авторитет и совершенство, но и востребованность международной психологической наукой и практикой данного диагностического инструмента.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белый Б.И. Тест Роршаха. Практика и теория / Под ред Л.Н. Собчик. – СПб., 1992. – 200 с.
2. Бодалев А.А. Общая психодиагностика / А.А. Бодалев, В.В. Столин. – СПб., 2002. – С. 274-291.
3. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика. – СПб., 2005. – 350 с.
4. Носс И.Н. Перспективы проективных технологий в процессе личностно-профессиональной

- экспертизы кадров // Психология этнокультурного образования: Материалы Международной научно-практической конференции VII Левитовские чтения 18-19 апреля 2012 года / МГОУ. – М., 2012. – Т 1. – С. 155-163.
5. Хрроуэр М.Р. Тест Роршаха // Проективная психология. – М., 2000. – С. 108-128.
6. Exner J.E. Rorschach Systems. – New York; London, 1969.
7. Holtzman W.H. Validation studies of the Rorschach test: shyness and gregariousness in the normal superior adult // J. Clin. Psychol., 1950. – Vol. 6. –P. 343-351.
8. Klopfer B. et. al. Developments in the Rorschach technique. – New York, 1954-1956. – Vol. 1-2.
9. Loosli-Usteri M. Manuel pratique du test de Rorschach. 5me ed. – Paris, 1969. – 264 p.

УДК 32:93/94

Орлова Е.А.

Московский государственный областной университет

**ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ НА РАЗВИТИЕ
КОНФЛИКТНОСТИ У ПОДРОСТКОВ**

E. Orlova

Moscow State Regional University

**INFLUENCE OF A SCHOOL-TEACHER'S PROFESSIONAL DEFORMATION
ON TEENAGERS' PRONENESS TO CONFLICT**

Аннотация. В статье рассматривается недостаточно исследованная в психологии проблема выявления профессиональных деформаций личности преподавателя на подростка. Хотя к настоящему времени существует достаточно много работ, посвященных изучению профессиональных деформаций личности и развитию конфликтности как свойства личности, особенности взаимной связи двух этих феноменов специально не исследовались. Автор обосновывает необходимость применения системно-психологического подхода к изучению профессиональной деформации учителя и подчеркивает, что профессиональная деформация педагога, обусловленная спецификой его деятельности, приводит к деструкциям не только в личностной, но и в коммуникативной сфере и является одним из факторов развития конфликтности в подростковом возрасте.

Ключевые слова: профессиональная деформация личности, конфликтность, конфликтная личность, системная психолого-педагогическая коррекция.

Abstract. The article examines an insufficiently investigated psychological problem of detecting the influence of a teachers' personality professional deformation on teenager's behavior. Though there are a lot of works, devoted to studying the professional deformations of a personality and development of proneness to conflict as a trait of character, the author states that the specific features of interconnection of these two phenomena are not investigated yet. The author proves that there's a necessity of applying the systematic and psychological approach to studying a teacher's professional deformation. The author emphasizes that the professional deformation of a teacher, caused by the specific character of his activity, leads to destructions in both personal and the communicative spheres. Such deformation is one of the factors of causing teenagers' proneness to conflict development.

Key words: professional deformation of the personality, conflictness, disputed personality, system of psychological-pedagogical correction.

Профессиональное становление – это не только прогрессивное развитие, не только приобретения, но и потери. Профессиональная деятельность уже на стадии ее освоения, а в дальнейшем при ее выполнении приводит к искажению личностного профиля специалиста, так как выполнение конкретных видов труда не требует многообразных качеств и способностей личности, многие ресурсные возможности остаются невостребованными. Отдельные профессионально значимые качества с годами трансформируются в профессионально нежелательные. Результатом этого является образование профессиональных деформаций (Р.М. Грановская, Э.Ф. Зеер, Л.Н. Корнеева, А.К. Маркова, Е.В. Орел и др.).

В научной литературе ограничения, которые накладывает профессия на человека, обозначаются как профессиональные деформации.

Термин «профдеформация» впервые появился в 1921 г. благодаря социологу П.А. Сорокину.

В 30-е гг. XX в. в России начались исследования, посвященные влиянию профессии на личность человека. Они сосредоточились на медицинском аспекте влияния труда на организм и личность специалиста (Н.А. Вигдорчик, С.Г. Геллерштейн, М.М. Гран и др.). Именно тогда впервые ученые заговорили о профессиональных заболеваниях, профессиональных патологиях, профессиональных неврозах и т. п.

Во второй половине XX в. (точнее – в 1974 г.) за рубежом появился термин «эмоциональное сгорание» (англ. *burnout* – сгорание, выгорание, затухание горения). Он был введен американским психиатром Х. Фреденбергером.

В нашей стране исследования этого синдрома были начаты в конце 1980-х гг. Н. Аминовым. По его мнению, сутью синдрома эмоционального выгорания являются неоправданные ожидания, сформировавшиеся во время обучения, что проявляется в иронических и даже ёрнических высказываниях в адрес своей работы, в хронической усталости, в нежелании повышать квалификацию, а затем у специалиста возникают самые разные болезни, невроз.

Таким образом, к 1990 гг. были накоплены разнообразные, но недостаточно систематизированные сведения о влиянии труда на человека. Закономерно возникла необходимость обобщить накопленные данные и сформулировать психологические объяснения профессиональной деформации человека (Р.М. Грановская, А.К. Маркова, С.П. Безносков, В.П. Подвойский, Г.С. Абрамова и др.). Однако это понятие так и не получило единого определения. Так, исследователи рассматривают профессиональные кризисы, профессиональные болезни общения. Рассматривая синдром «эмоционального выгорания», они обогащают его различными эффектами («выжатого лимона», «сострадательной усталости», «синдрома конечной остановки», «эффекта Розенталя», перфекционизма, выученной беспомощности, «ролевой профессиональной маски», жесткого ролевого поведения и др.), описывают про-

фессиональное старение, профессиональную дезадаптацию, синдром хронической усталости и мн. др.

Несмотря на то, что термин «профессиональная деформация» встречается в научной литературе, понятие «профдеформация личности» почти не известно большинству профессиональных сообществ. При характеристике педагогической деятельности ссылки на профдеформацию как феномен появились в учебных пособиях, адресованных будущим педагогам и психологам только в конце XX – начале XXI в. (Г.С. Абрамова, А.А. Бодалев, И.В. Вачков, И.Б. Гриншпун, Л.В. Мардахаев, В.Д. Менделевич, В.А. Сластенин и др.).

Педагогическая деятельность насыщена разнообразными напряженными ситуациями и разнообразными факторами, несущими в себе потенциальную возможность повышенного эмоционального реагирования. По степени напряженности нагрузка учителя в среднем больше, чем у менеджеров и банкиров, генеральных директоров и президентов ассоциаций, то есть тех, кто непосредственно работает с людьми. Условия деятельности педагога приобретают очертания напряженной ситуации, когда они воспринимаются, понимаются, оцениваются как трудные, сложные, опасные.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что причины напряженности педагогической деятельности обусловлены объективными и субъективными факторами (Р.В. Демьянчук, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Н.В. Самоукина, Ю.В. Щербатых и др.). Под объективными факторами понимают внешние условия ситуации, ее сложность, то есть сложные, напряженные условия деятельности (загруженность рабочего дня, столкновение с новыми трудными ситуациями, повышенные интеллектуальные нагрузки и т. д.). Субъективными факторами обычно становятся особенности личности, провоцирующие чрезмерную чувствительность человека к определенным трудностям профессиональной деятельности, личностные (мотивационные, эмоциональные, социальные и др.) характеристики.

Поведение современных учителей нередко характеризуется повышенной напряженностью. Следствием ее являются грубость, несдержанность, окрики, оскорбления учеников и т.д. Описывая психологические образования современного учителя, Ю. Иванов и Э. Гусинский дают следующую характеристику «типичного представителя отечественного образования: «Рваное, противоречивое, набитое мифами и иллюзиями мировоззрение; постоянная готовность прикрыться должностью; практически тотальное отсутствие чувства юмора; привычка воспитывать, оценивать собеседника, самоутверждаться за его счет, предъявлять требования к другим и считать себя эталоном человека и профессионала. И при этом практически все – в общем, хорошие, но очень несвободные, плохо обеспеченные, не слишком счастливые люди» [1. с. 28].

В настоящее время возникла настоятельная необходимость в создании программ профилактики профессиональной деформации, реализуемых в ходе психолого-акмеологического сопровождения труда педагогов. Акмеологический характер модели такого сопровождения способствует раскрытию творческих возможностей личности, обеспечивает продуктивную саморегуляцию психической устойчивости и сохранение здоровья. Комплекс мер социо-психолого-педагогического характера, назначение которых – ослабление косвенным путем деформирующего влияния деятельности педагога на субъекта профессиональной деятельности – способствует созданию условий для восстановления и актуализации их личностно-профессионального ресурса (О.С. Анисимов, А.С. Гусева, Р.В. Демьянчук, П.А. Корчемный, В.Г. Михайловский, М.Ф. Секач, Е.М. Семёнова, А.П. Ситникова и др.). Социально-психологическое сопровождение педагогов, работающих в образовании, может осуществляться, на наш взгляд, психологическими службами или отдельными психологами, валеологами, медиками, работающими в данных учреждениях.

Состояние неблагополучия в современной российской школе констатируется пред-

ставителями всех профессиональных групп, имеющих прямое отношение к развитию, образованию и воспитанию подрастающего поколения – педагогами, медиками, психологами. Все большее число детей по различным причинам оказываются неуспешными в школе, как в сфере собственно учебной деятельности, так и в сферах развития, адаптации, воспитания. Для того, чтобы решить эту проблему (или хотя бы снизить ее остроту), необходимы серьезные усилия в административном, научном и практическом направлениях.

Можно считать, что одним из главных условий реализации человеческого и при этом конструктивного взаимодействия взрослого с ребенком в психолого-педагогическом общении является гуманистическая позиция педагога, которую К. Роджерс расшифровал как эмпатическое понимание, открытость личному опыту, искренность в выражении своих чувств, доверие к возможностям школьника. Позволяя себе выразить определенный скепсис относительно массовой распространенности высокого уровня эмпатического понимания в учительской среде (и, более того, предполагая, что эмпатическое понимание достижимо и «хорошо» далеко не для всех), мы в то же время выразим уверенность в необходимости понимания субъективных переживаний ученика, в том числе рационального. Переживания – существенная часть субъективного опыта, а незнание переживаний есть по сути дела игнорирование личности. Вместе с тем атрибутирование «должных» переживаний и невосприятие реальных приводит к стереотипизированной, неадекватной социальной перцепции, а в результате – к неудовлетворительному прогнозированию и всевозможным недоумениям и конфликтам. Опрос учителей и родителей показывает, что эти «самые близкие» школьнику взрослые имеют весьма смутное представление о том, что на самом деле его волнует. В частности, они гипертрофируют удельный вес переживаний, связанных с учебной, полагая, что учащиеся озабочены, в первую очередь, успехами в школе,

во вторую – профессиональным самоопределением и общением.

Видимо, одна из главных причин непонимания и возникновения конфликтных отношений между учителями и учащимися заключается в том, что отношение ученика к учителю гораздо более личностное, эмоциональное, между тем как у учителей преобладает «деятельностный» подход к ученикам (оценка по результатам деятельности), то есть функциональное отношение.

В нашем понимании школьные конфликты представляют собой такие проблемные ситуации, участники которых больше всего заинтересованы не в их объяснении или прогнозе дальнейшего развития событий, а в обосновании приемлемого выхода из создавшегося положения. В связи с этим психолого-педагогическое исследование в сфере школьного конфликта не должно ограничиваться объяснительной или прогностической функцией, оно обязано довести познание до предложения психокоррекционных мер, исчерпывающих конфликтную ситуацию [2].

Таким образом, проведенный анализ теоретических основ проблемы подтвердил наше предположение о необходимости рассматривать взаимоотношения с учителем как фактор развития конфликтности подростков. Безусловно, характер этих взаимоотношений в первую очередь определяется личностными характеристиками педагога.

Нами была разработана теоретическая модель взаимосвязи профессиональной деформации педагогов и конфликтности подростков. Данная модель показывает, что взаимосвязь профессиональной деформации педагогов и конфликтности подростков опосредована характером их деятельности и общения и особенностями их взаимоотношений, при этом соответствующие негативные трансформации затрагивают как интрапсихическую, так и интерпсихическую сферы их личности.

Экспериментальное исследование влияния профессиональной деформации личности учителя средней школы на развитие кон-

фликтности у подростков было проведено на двух выборках испытуемых.

Первую группу учителей составили 49 педагогов Государственного многопрофильного лицея № 1575 Северного окружного управления образования г. Москвы, основанного на базе школы № 715. Контингент лицея – это учащиеся 8-11 классов, мотивированные на получение глубоких знаний и продолжение образования в вузе. В основном это подростки из хорошо обеспеченных семей с высоким социальным статусом родителей. К сожалению, в последнее время участились конфликты между преподавателями и учащимися лицея, в данном учебном заведении сложился неблагоприятный психологический климат. Первую группу учащихся составили 104 старших подростка – учащихся старших классов данного образовательного учреждения.

Вторую группу составили 45 учителей и 85 подростков Школы здоровья № 149 САО г. Москвы. С 2007 г. школа включена в состав городской экспериментальной площадки по теме: «Система школьных мониторингов здоровья как составляющая медико-педагогического инструментария «Единый Паспорт здоровья школьника».

Для исследования заявленной проблемы нами был использован разработанный диагностический комплекс, который составили наиболее валидные, надежные, соответствующие целям и задачам исследования методики [2].

Достоверность различий между выборками по параметрам проведенных методик (средние значения) вычислялась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Выяснилось, что степень профессиональной деформации педагогов первой группы достоверно выше, чем у испытуемых второй группы.

Корреляционный анализ полученных данных выявил в первой группе подростков значимые положительные корреляции параметров «агрессивные поведенческие реакции на ситуацию фрустрации» и «уровень самооценки», «агрессивные поведенческие реакции» и «уровень притязаний», т. е., чем

выше у конфликтных подростков уровни актуальной и идеальной самооценки, тем более склонны они к проявлению агрессии в открытом поведении.

Во второй группе наблюдается прямо противоположная картина: у неконфликтных подростков агрессивные поведенческие реакции отрицательно коррелируют с уровнем самооценки, неагрессивные, напротив, коррелируют с самооценкой положительно, т. е., чем выше у неконфликтных подростков уровень самооценки, тем лучше развит у них контроль над эмоциями, тем менее они агрессивны.

Таким образом, уровень конфликтности подростков из первой группы значительно ниже, чем у их сверстников из второй выборки.

Поскольку целью данного исследования было установление особенностей влияния профессиональной деформации учителей на развитие конфликтности у подростков, полученные на предыдущих этапах диагностического обследования испытуемых результаты были подвергнуты дальнейшему количественному и качественному анализу.

Для этого был проведен корреляционный анализ личностных особенностей и феномена эмоционального выгорания у педагогов и личностной сферы подростков из экспериментальных и контрольных групп соответственно. Установлено, что между этими параметрами существует взаимосвязь, которая в экспериментальных и контрольных группах носит различный характер.

Так, данные, полученные в первой группе, показывают, что эгоистичный стиль поведения учителей положительно взаимосвязан с агрессивным стилем поведения подростка ($p=,004$); подозрительный стиль отрицательно коррелирует с эгоистичным стилем поведения учащихся ($p=,034$); с агрессивным стилем поведения подростка положительно коррелируют дружелюбие и альтруизм учителя ($p=,016$); ригидность учителя положительно взаимосвязана с гедонистической мотивацией подростков ($p=,015$) и отрицательно – с их духовно-нравственной мотивацией ($p=,025$);

также отрицательно коррелирует с поведением подростка алекситимия педагога ($p=,001$); эгоизм учителя положительно взаимосвязан с доминированием учащихся ($p=,047$); с дружелюбием подростка отрицательно коррелирует агрессивный стиль поведения учителя ($p=,031$), а положительно – зависимый стиль поведения учителя ($p=,015$), дружелюбный стиль учителя ($p=,032$) и высокая самооценка учителя ($p=,007$).

Во второй группе результаты корреляционного анализа показали, что агрессивный стиль учителей отрицательно взаимосвязан с авторитарным поведением подростков ($p=,042$); подозрительный стиль учителей отрицательно коррелирует с авторитарным стилем школьников ($p=,007$); высокие показатели оценочной деятельности отрицательно взаимосвязаны с уровнем духовно-нравственной мотивации школьников ($p=,028$); высокий уровень самооценки учителя положительно взаимосвязан с гедонистической ($p=,021$) и эгоцентрической мотивацией ($p=,009$) подростков; высокое доминирование учителя положительно коллирует с подозрительным типом поведения школьников ($p=,002$); высокая гедонистическая мотивация педагога отрицательно коррелирует с подозрительным типом общения подростков ($p=,011$); эгоцентрическая мотивация учителя отрицательно взаимосвязана с дружелюбием подростков ($p=,005$); авторитарный стиль педагога отрицательно коррелирует с уровнем субъективного контроля в сфере взаимоотношений подростков ($p=,049$).

Таким образом, количественный и качественный анализ результатов исследования показал существование взаимосвязи между такими проявлениями деформации личности педагога, как непродуктивный стиль его поведения, профессиональной мотивации и самооценки, ригидность, агрессивность, эгоцентризм и авторитарность и такими параметрами конфликтности подростков, как агрессивность, подозрительность, низкий уровень субъективного контроля и эгоцентричность.

Тем самым, выдвинутое предположение о том, что профессиональная деформация учителя, опосредующая характер его взаимоотношений с учащимися, может оказывать негативное влияние на развитие конфликтности у подростков, нашло свое подтверждение [3].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванов Ю., Гусинский Э. Инновационное движение в российском школьном образовании. –

М., 1997. – 246 с.

2. Орлова Е.А., Хорошева О.И. Личностные аспекты конфликтности в подростковом возрасте // Сб. докладов VIII Международной научн. конференции «Актуальные вопросы современной психологии и педагогики». – Липецк, 2012. – 84 с.
3. Хорошева О.И. Факторы профессиональной деформации педагога средней школы // Вестник университета. Социология и управление персоналом. – 2008. – № 6 (44). – 96 с.

УДК 378.14.015.62 +159.9.075

Густова Е.А.

Московский государственный областной университет

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ
ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В ВУЗЕ**

E. Gustova

Moscow State Regional University

**THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF SOCIAL WORKER'S PERSONAL
AND PROFESSIONAL COMPETENCE FORMATION IN THE SYSTEM
OF HIGHER EDUCATION**

Аннотация. В статье представлено обоснование теоретической модели становления личностно-профессиональной компетентности студентов, будущих социальных работников и экспериментальные результаты психолого-педагогической коррекции их личностно-профессиональной компетентности в системе высшего профессионального образования. Процесс присвоения личностно-профессиональной компетентности будущими социальными работниками основывается на понимании интериоризации в отечественной теории деятельности, как в плане внутреннего, психического присвоения, так и в плане присвоения новых поведенческих паттернов.

Ключевые слова: модель становления личностно-профессиональной компетентности социального работника, содержательный и динамический аспекты, личностно-профессиональная зрелость.

Abstract. The article presents the explanation of the theoretical model of personal and professional competence formation of students, who are studying to become social workers. Besides, the article presents the experimental results of psychological and pedagogical correction of their personal and professional competence in the system of higher education. The process of acquiring personal and professional competence by future social workers is based on their understanding of an interiorization in the domestic theory of activity, both in internal, mental acquisition, and in the acquisition of new behavioural patterns.

Keywords: model of a social worker's personal and professional competence formation, content and dynamic aspects, personal and professional maturity.

К проблеме изучения профессиональной компетентности студентов, будущих социальных работников, за последнее десятилетие обращались около 30 ученых в областях педагогики, психологии, социологии. Ряд авторов (И. Арановская, И.А. Зимняя, М.Д. Ильязова, Л.А. Першина, О.В. Плешакова и др.), рассматривая структуру профессиональной компетентности, включает в ее состав мотивационный аспект (готовность к проявлению), когнитивный аспект (владение знаниями), поведенческий аспект (опыт проявления, умения), ценностно-смысловой аспект (отношение), регулятивный аспект (эмоционально-волевая регуляция). Другие исследователи (Т.Ю. Базаров, А.В. Булгаков, Т.Г. Журавлева, Т.Л. Кремнева, П. Кнезель, О.А. Овсяник, Е.Г. Студенова, М.В. Фирсов и др.), исходя из профессиональных функций и обязанностей современного специалиста, выделяют в профессиональной компетентности ее составляющие. При этом в ряде исследований отмечается, что продуктивность специалиста зависит от необходимого соотношения уровня мастерства, знания, опыта, с одной стороны, и личностной компетентности – с другой (А.Г. Портнова, Е.Л. Холодцева и др.).

Анализ исследований по проблемам профессионального становления специалистов позволяет утверждать, что становление профессионала опирается на развитие личности, осуществляется на его фоне. Личность человека оказывает позитивное влияние на ход профессиональной адаптации, поддерживает профессиональное мастерство, стимулирует творчество, но также может препятствовать становлению профессионала в человеке (Н.В. Кузьмина; А.А. Реан). Теоретический анализ исследований позволяет рассматривать профессиональную компетентность социального работника как целостное профессиональное свойство, интегрирующее в себя компоненты, каждый из которых имеет свое психологическое содержание. В свою очередь, *личностно-профессиональная компетентность* социального работника рассматривается нами в качестве особой структуры профессиональной компетентности специалиста, отражающей специфику деятельности социального работника и являющейся основой его профессионального совершенствования.

Личностно-профессиональная компетентность специалиста социальной работы рассматривается в данном исследовании в общепсихологическом контексте, опирающемся на деятельностный подход, и определяется как системное проявление психологических знаний, умений и личностных качеств специалиста, сформированность которых ставится на первое место (А.Г. Асмолов, Б.И. Беспалов, А.М. Донцов, Е.А. Климов, А.И. Крупнов, В.Д. Шадриков).

При разработке теоретической модели становления личностно-профессиональной компетентности будущего социального работника нами учитывались следующие принципиальные особенности.

Личностно-профессиональная компетентность социального работника может быть рассмотрена в двух аспектах – содержательном и динамическом. Содержательный аспект представлен четырьмя компонентами: 1) мотивационно-ценностным, 2) операциональным, 3) рефлексивным, 4) психофизиологическим. Динамический

(формирующий) аспект рассматривается нами как движущая сила, как психологический механизм субъективного присвоения содержания личностно-профессиональной компетентности через развитие рефлексии и мотивационно-ценностной сферы будущего социального работника.

Мотивационно-ценностный компонент представляет собой совокупность, систему личностно значимых и личностно ценных стремлений, идеалов, убеждений, взглядов, позиций, отношений, верований в области психики человека, его деятельности, взаимоотношений с окружающими и т. д. Эти характеристики составляют основу внутреннего мира личности.

Операциональный компонент включает в себя такие индивидуальные психические качества личности, благодаря которым успешно осуществляется какая-либо профессиональная деятельность и при меньших затратах труда достигаются большие результаты.

Рефлексивный компонент представлен, прежде всего, самооценкой специалиста. В результате активного включения в профессиональную деятельность у специалиста социальной работы начинает формироваться развернутая система социально-нравственных самооценок, завершается развитие самосознания и в основном складывается образ «Я». С помощью самооценки происходит регуляция поведения личности социального работника.

Модуляционные компоненты личности объединяет комплекс ее психофизиологических качеств, образующих *психофизиологический компонент* личностно-профессиональной компетентности. При нормальных характеристиках, свойственных здоровой, нормально развитой психике и физиологии высшей нервной деятельности, они не определяют цели, мотивы, способы действий, но оказывают динамическое влияние на другие подструктуры личности и проявления их элементов.

Профессиональная деятельность специалиста социальной работы – это динами-

ческий процесс, пик которого может быть охарактеризован как профессиональная зрелость субъекта [1]. При этом под личностной профессиональной зрелостью понимается свойство человека, достигшего полного развития в профессиональной деятельности.

Высокая степень личностной профессиональной зрелости представлена личностно-профессиональной компетентностью.

А.А. Реан [3] выделяет четыре критерия личностной зрелости, являющиеся базовыми, фундаментальными, структурообразующими: ответственность, терпимость, саморазвитие и интегративный компонент, который охватывает все предыдущие и присутствует в каждом из них – позитивное отношение к миру.

Ответственность – качество, которое отличает социально незрелую личность от средней нормы. Ответственность – это верность самому себе, доверие к нравственному содержанию собственных чувств; способность отвечать не только за себя, но и за других людей, за их судьбы, за характер своих с ними взаимоотношений. Это способность человека детерминировать события, действия в момент их осуществления, по ходу их совершения. Ответственность формируется и развивается в деятельности, в предоставлении личности свободы выбора и ответственности за себя.

Второй составляющей зрелой личности является терпимость. А.А. Реан рассматривает терпимость как предрасположенность, готовность к определенной терпимой реакции на среду. За ней стоят определенные установки личности, ее система отношений к миру и другим людям, их поведению, к себе, к воздействию других на себя [3].

Саморазвитие является основополагающей составляющей зрелой личности. Актуальная потребность в саморазвитии, стремление к самосовершенствованию и самореализации представляют огромную ценность, что является показателем личностной зрелости и одновременно условием ее достижения [2].

Профессиональная личностная зрелость специалиста социальной работы – интегративная система, отражающая содержа-

тельно-смысловое единство личностных, академических и социальных качеств, обеспечивающих студенту-выпускнику успешную самореализацию в профессиональной деятельности, социализацию и гармонизацию с окружающей средой.

Важными компонентами создаваемой модели в качестве динамических (формирующих) механизмов становления личностно-профессиональной компетентности социального работника нами выделены мотивационно-ценностный (мотивационно-ценностное ядро) и рефлексивный компоненты. Исследования отечественных психологов в области психологии личности показывают, что компетентность личности всегда активна и интенциональна [6]. Активность личности проявляется в том, что психическое отражение объективного мира человеком носит не пассивный характер, в результате которого все отражаемые психикой предметы имеют одинаковую значимость, а наоборот, происходит дифференциация окружающей действительности по степени значимости. Вследствие этого сознание человека всегда направлено на какой-то объект, предмет или образ, т. е. оно обладает свойством интенции (направленности). Наличие данных свойств обуславливает наличие ряда других характеристик сознания, позволяющих рассматривать его в качестве высшего уровня саморегуляции. К группе данных свойств сознания следует отнести способность к самонаблюдению (*рефлексии*) и *мотивационно-ценностный* характер сознания.

Способность к рефлексии определяет возможность человека наблюдать за самим собой, за своим ощущением, за своим состоянием. Причем наблюдать критически, т. е. человек в состоянии оценить себя и свое состояние, поместив полученную информацию в определенную систему координат. Такой системой координат для человека являются его ценности и идеалы. Данные свойства сознания определяют возможность формирования личностно-профессиональной компетентности в процессе обучения в вузе: информацию о содержании личностно-профессиональной компетентности социально-

го работника студент оценивает на основе системы представлений о себе и формирует свое профессиональное поведение, исходя из системы своих ценностей, идеалов и мотивационных установок. Система ценностей в этой связи может рассматриваться как выраженная в идеальной форме стратегия поведения, а мотивы – как его тактика.

Таким образом, в качестве направления в становлении личностно-профессиональной компетентности особый интерес для нас представляют не изменения в содержательной структуре личностно-профессиональной компетентности, а становление у молодого специалиста социальной работы механизмов субъективного присвоения этого содержания: мотивационно-ценностного и рефлексивно-

го компонентов. При этом не исключается воздействие и на содержательную сторону – мотивационно-ценностный, рефлексивный, операциональный и психофизиологический компоненты, но уже рассматриваемые в содержательном аспекте больше как когнитивные структуры личности [4].

Процесс присвоения личностно-профессиональной компетентности будущими социальными работниками основывается на понимании интериоризации в отечественной теории деятельности как в плане внутреннего, психического присвоения, так и в плане присвоения новых поведенческих паттернов. Ведущими идеями, раскрывающими понимание структуры данного процесса, являются идеи Л.С. Выготского и П.Я. Гальперина [5].

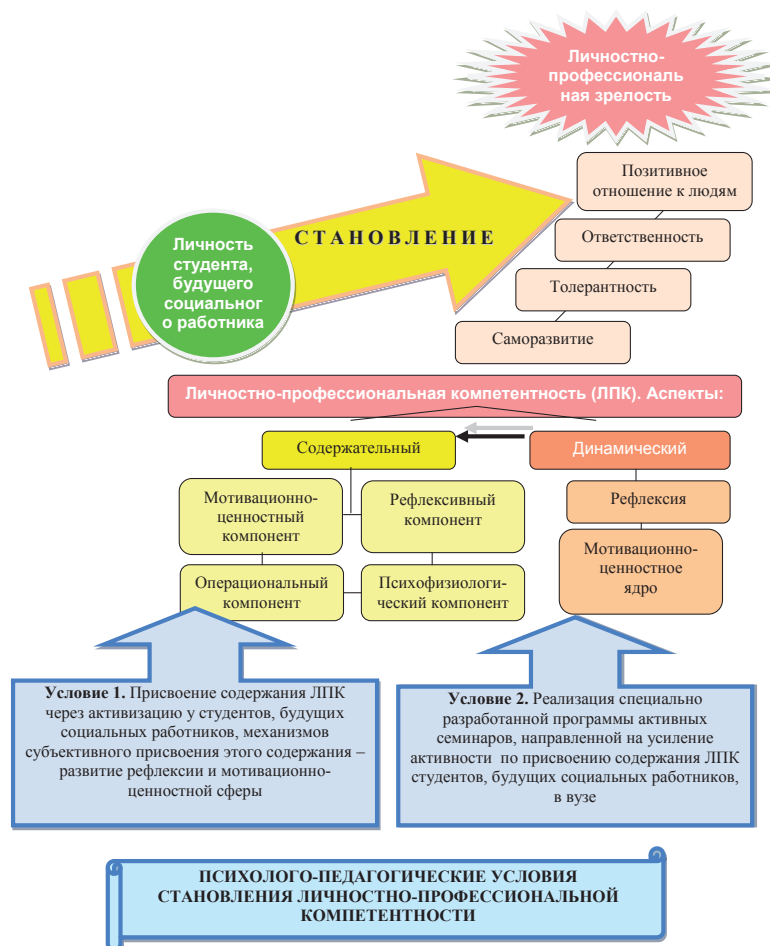

Рис. 1. Модель становления личностно-профессиональной компетентности студентов, будущих социальных работников

В качестве психолого-педагогических условий, обеспечивающих успешное становление личностно-профессиональной компетентности, мы предлагаем следующие: 1) присвоение содержания личностно-профессиональной компетентности, состоящей из мотивационно-ценностного, рефлексивного, операционального и психофизиологического компонентов, должно осуществляться через становление у студентов механизмов субъективного присвоения этого содержания – развитие мотивационно-ценностной сферы и рефлексии; 2) специально разработанная программа психолого-педагогической коррекции, состоящая из системы активных семинаров и направленная на усиление активности по присвоению содержания личностно-профессиональной компетентности, будет способствовать более успешному ее становлению.

Теоретическая модель становления личностно-профессиональной компетентности студентов, будущих социальных работников, представлена на рисунке 1. Основными элементами модели являются: 1) личность студента, будущего специалиста социальной работы, включающая интегральное свойство – личностно-профессиональную компетентность; 2) структура личностно-профессиональной компетентности; 3) перспективная цель становления – личностно-профессиональная зрелость; 4) психолого-педагогические условия становления личностно-профессиональной компетентности.

В рамках нашего исследования была разработана программа психолого-педагогической коррекции, включающая интерактивные формы обучения. Коррекционная работа проводилась со студентами 3 курса в течение двух семестров в рамках учебного предмета «Психология». Мы использовали семинарские занятия как одну из форм учебной деятельности студентов, дополнив ее заданиями, направленными на усиление активности по развитию мотивационно-ценностного

содержания качеств, обуславливающих становление личностно-профессиональной компетентности: развитие рефлексии, эмпатийности, ответственности, интернальности, умений адекватно оценивать свои личностно-профессиональные качества и т. д.

Процесс формирования личностно-профессиональной компетентности основывается на понимании интериоризации в отечественной теории деятельности. Мы рассматриваем интерактивные формы обучения, составляющие основу психолого-педагогической коррекционной программы как культурно-историческое орудие (по Л.С. Выготскому), а процесс обучения – как цепь инструментальных действий (по П.Я. Гальперину). Идеи обоих авторов позволяют нам рассмотреть процесс формирования личностно-профессиональной компетентности как в плане внутреннего, психического изменения, так и в плане присвоения новых эффективных поведенческих схем. В качестве базового интерактивного метода формирования рефлексивного компонента личностно-профессиональной компетентности был выбран тренинг личностно-профессиональной компетентности. В процессе формирующего эксперимента задачи тренинга решались путем развития рефлексии (что я делаю; в чем смысл того, что я делаю), привлечения мысленных средств для анализа идеального образа личностно-профессиональной компетентности и профессиональной деятельности социального работника, проектирования образа профессионального будущего, осмысления своей профессиональной позиции. Базовым методом формирования мотивационно-ценностного компонента был взят ценностно ориентированный диалог. Теория диалога представлена в работах Г.С. Батищева, М.М. Бахтина, М. Бубера, Х.-Г. Гадамера, М.Ю. Колпаковой, А.Ф. Копьева, Т.А. Флоренской, Ю. Хабермаса.

Таблица 1

**Возможности ценностного диалога и личностно ориентированного тренинга
в становлении личностно-профессиональной компетентности**

Тренинг	Диалог
Механизм обратной связи побуждает участников к более правдивому и глубокому самоанализу и самосознанию, стимулирует процессы идентификации и рефлексии	Центрированность на себе не позволяет услышать и увидеть реального другого, человек лишь воспринимает собственную проекцию. Перенесение доминанты с себя на другого позволяет освободиться от проекции; постепенно образуется доминанта на другом как качество личности, как способ мировосприятия, как образ жизни, как диалогическое, ценностное отношение
Возможность экстерииоризировать приобретенный опыт, подвергнуть его рефлексии, критике, а следовательно, и развитию	Все сознаваемые в процессе диалога ценностные изменения принимаются участниками диалога как обозначающие общее поле личностного роста – поисков, выбора
Возможность откорректировать свой способ решения поставленной задачи участники группы получают возможность проговорить вслух последовательность действий, которой они придерживались для выполнения упражнения	Возникновение диалогического взаимодействия происходит через формулирование вопроса или постановку проблемы, наиболее значимых для учащихся, следовательно, изначально ориентировано на становление мотивационно-ценностной сферы профессионала
Привлечение мысленных средств для анализа прототипа личностно-профессиональной компетентности и профессиональной деятельности, проектирования образа профессионального будущего, осмысления своей профессиональной позиции	В ходе диалога постепенно обретается согласие как сопричастность во взглядах, их взаимодополнение, поскольку межличностный диалог способствует переосмыслению жизненных ценностей и обращению к общим духовно-нравственным ценностям, присущим каждому
Выведение неконструктивных элементов и моделей поведения во внешний план и через построения во внешнем плане модели идеального поведения	Межличностный диалог направлен на развитие внутреннего диалога. Признаками актуализации внутреннего диалога являются непосредственные эмоциональные реакции студентов, сопровождающие их высказывания
Возможность в «реальном времени» апробировать полученный материал	Возникновение творческой активности в разработке и реализации проектов. Возникают научно-исследовательские, социальные, практико-ориентированные проекты

Для исследования динамики личностно-профессиональной компетентности студентов нами была выбрана методика «Личностный дифференциал». Студентам третьего курса было предложено проанализировать себя с позиции «я – молодой специалист». Предметом анализа послужила оценка третькурсниками своих личностных качеств как составляющих образа молодого специалиста социальной работы.

Характеристики личностного дифферен-

циала – «оценка» (самоуважение), «сила» (волевые качества), «активность» (коммуникативные качества) – относятся к показателям ресурсов личности и ее динамических возможностей. Данная методика дает возможность будущим специалистам продемонстрировать характер развития своей личностно-профессиональной компетентности.

Результаты исследования представлены в табл. 2,3.

Таблица 2

**Сравнительный анализ результатов в экспериментальной группе
до и после формирующего эксперимента**

Параметры	До формирующего эксперимента	После формирующего эксперимента	Стат. различия
Оценка	7,10	9,84	0,0001*
Сила	6,17	7,34	0,0039*
Активность	5,84	7,21	0,0002*

*при $p < 0,05$

В экспериментальной группе отмечено возрастание по всем трем параметрам: «оценка» (самоуважение), «сила» (волевые качества) и «активность» (коммуникативные качества). Можно сделать вывод о том, что респонденты экспериментальной группы рассматривают себя как более

уверенных в себе молодых специалистов, в большей степени обладающих самоконтролем и активностью, наделяют себя такими качествами, как интернальность, эмпатийность, самоуважение, уверенность в себе, ответственность, коммуникативность.

Таблица 3

**Сравнительный анализ результатов в контрольной группе
до и после формирующего эксперимента**

Параметры	До формирующего эксперимента	После формирующего эксперимента	Стат. различия
Оценка	7,05	7,47	0,023
Сила	6,26	6,57	0,775
Активность	5,26	5,47	0,498

*при $p < 0,05$

В контрольной группе студентов также происходят изменения в профессиональной самооценке студентов, однако они не столь ярко выражены, как в экспериментальной группе. Статистически значимое различие отмечено только по параметру «Оценка».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Густова Е.А. Динамика становления личностно-профессиональной компетентности студентов вуза, будущих социальных работников: Дис. ...канд. психол. наук. – М., 2011. – 176 с.
2. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. – М.; Воронеж, 2000. – 752 с.
3. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. – СПб., 2007. – 480 с.
4. Саенко А.Г. Социально-психологические условия продуктивного личностно-профессионального становления социального работника: Дис. ...канд. психол. наук. – М., 2005. – 222 с.
5. Степанова М.А. Проблема обучения и развития в трудах Л.С. Выготского и П.Я. Гальперина // Вопросы психологии. – 2001. – № 4. – С. 106-114.
6. Фирсов М.В., Шапиро Б.Ю. Психология социальной работы. Содержание и методы психосоциальной практики: Учеб. пособие. – М., 2010. – 192 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет»

Информационное письмо

VIII Левитовские чтения в МГОУ

Московский государственный областной университет приглашает Вас 17 – 18 апреля 2013 года принять участие в работе Международной научно-практической конференции:

СОВРЕМЕННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, НАХОДКИ

В рамках работы конференции состоится открытая лекция руководителя проекта организации РОО «Общество детям» Джейн Чамбер (Англия): «Система деятельности специалистов социальной сферы в Великобритании».

Работа научно-практической конференции предполагается в следующих секциях:

1. «Проблемы интернационализации образования в высшей школе»
(кафедра социальной работы и социальной педагогики)
2. «Современный социальный психолог – ответ на вызовы времени» (кафедра социальной психологии).
3. «Психология профессионализации социальной сферы» (кафедра психологии развития и профессиональной деятельности).
4. « Психологическое консультирование в социальной сфере. Актуальные проблемы и перспективы деятельности» (кафедра психологического консультирования).
5. Психология развития профессиональной деятельности субъектов образовательного процесса» (кафедра общей и педагогической психологии).

Контакты оргкомитета:

Юридический/фактический адрес: 105005, г. Москва, ул. Радио, 10А, ГОУ ВПО Московский государственный областной университет

E-mail: levitov_reading@mail.ru

Телефон: (8-499) 261-29-45,

Контактные лица: Шульга Татьяна Ивановна, Розенова Марина Ивановна

НАШИ АВТОРЫ

Богатырева Марина Борисовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета; e-mail: bogatmarina@mail.ru

Божевольнов Глеб Юрьевич – старший преподаватель кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета; e-mail: glebovoz@yandex.ru

Густова Елена Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии, заместитель декана факультета психологии Московского государственного областного университета; e-mail: fakul-psi@mgou.ru

Евенко Сергей Леонидович – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и профессиональной деятельности Московского государственного областного университета; e-mail: slevenko@yandex.ru

Игумнова Ольга Борисовна – старший преподаватель кафедры практической психологии и педагогики Хмельницкого национального университета (Украина); e-mail: igumnovaolga@ukr.net

Каширин Владимир Петрович – академик Международной академии наук педагогического образования, Заслуженный работник высшей школы, Лауреат премии Правительства РФ в области образования, кандидат психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (Москва); e-mail: kashirinvp@gmail.com

Кочнев Вадим Арнольдович – старший преподаватель кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета, психолог-консультант, специалист Московского центра позитивной психотерапии, член Санкт-Петербургского психологического и Российского научного сексологического обществ, член Всемирной ассоциации позитивной психотерапии; e-mail: kvadar@mail.ru

Крушельницкая Ольга Борисовна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета; e-mail: social2003@mail.ru

Лимаева Юлия Юрьевна – аспирант кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета; e-mail: kuvin88@bk.ru

Манахов Сергей Валериевич – старший преподаватель кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета; e-mail: Manaxovsv@mail.ru

Носс Игорь Николаевич – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и профессиональной деятельности Московского государственного областного университета; e-mail: innoss2007@yandex.ru

Орлов Владимир Алексеевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета; e-mail: vladimirorlov@bk.ru

Орлова Елена Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и профессиональной деятельности Московского государственного областного университета; e-mail: orlova.elena64@yandex.ru

Садолina Татьяна Викторовна – психолог, действительный член Профессиональной психотерапевтической лиги; e-mail: info@tat-sadolina.ru

Сечко Александр Владимирович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и профессиональной деятельности Московского государственного областного университета; e-mail: fakul-psi@mgou.ru

Утлик Эрнст Платонович – доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Международной академии информатизации при ООН, действительный член Академии военных наук РФ; e-mail: e1937@yandex.ru